

Мы рассмотрѣли, въ связи съ краткой характеристикой общественныхъ настроеній, поколѣнїе людей сороковыхъ годовъ въ тургеневскомъ изображеніи. Мы видѣли, что даже лучшіе изъ нихъ, какъ Рудинъ и Лаврецкій, оказываются „лишними людьми“, не находятъ своего мѣста въ родной жизни или находятъ его тогда, когда уже нѣтъ силъ и энергіи для дѣятельности. Не ихъ вина въ томъ, что жизнь ихъ проходитъ такъ тускло, бесполезно, не доставляя удовлетворенія имъ самимъ: они—продуктъ барской среды съ ея незнаніемъ дѣйствительной жизни, непривычкой къ настойчивому, производительному труду; они—порожденіе своей эпохи, того общаго характера русской жизни, какой былъ господствовавшимъ у насъ въ 30-е и 40-е годы прошлаго столѣтія. Но эта эпоха доживала послѣдніе дни. Въ то время, когда создавалось „Дворянское гнѣздо“, ясно чуялись новыя вѣянія, какъ въ общественной, такъ и правительственной жизни; было очевидно, что начинающееся возрожденіе Россіи захватитъ всѣ ея слои, выдвинетъ новыя идеалы, новыхъ людей. Тургеневъ не даромъ прочелъ устами Лаврецкаго отходную старому поколѣнію: какъ чуткій художникъ, онъ уже предвидѣлъ появленіе новаго человѣка.

Возрожденіе русскаго общества послѣ Крымской войны. Нигилизмъ. Базаровъ. Ситниковъ. Кукшина.

Возрожденіе Россіи было связано съ новымъ періодомъ русской жизни, пробужденіемъ ея отъ долгаго сна, внезапно наступившимъ въ 1855 году, послѣ окончанія Крымской войны. Севастопольское пораженіе было своего рода громовымъ ударомъ, отъ котораго проснулось общество. Въ теченіе долгихъ годовъ реакціи преобладавшимъ настроеніемъ мысли была такъ называемая официальная народность; одной изъ особенностей этого настроенія было всячески внушаемое убѣжденіе въ преимуществѣ надъ Западной Европой Россіи, увѣренность въ ея грозномъ политическомъ могуществѣ, въ величайшихъ достоинствахъ господствовавшаго строя жизни. Только очень немногіе, истинно просвѣщенные люди, которымъ такъ тяжело жилось въ этотъ періодъ всеобщаго застоя, понимали истинное положеніе вещей и были убѣждены, что намъ не выдержать борьбы „съ цивилизаціей, высылающей противъ насъ свои силы.“ (Грановскій). Вся остальная масса, которой такъ пріятно было убаюкивать себя, была убѣждена въ полномъ посрамленіи Европы въ эту войну. Насколько сильна была эта наивная увѣренность, видно изъ того, что профессору Грановскому приходилось не разъ слышать въ московскихъ кругахъ мнѣніе, что мы-де враговъ шапками забрасаемъ. Однако дѣйствительность показала другое. Несмотря на безпримѣрное мужество и геройскіе подвиги русскаго солдата, она на каждомъ шагѣ разрушала ложныя представленія о нашемъ непреоборимомъ могуществѣ. Обнаруживались сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, повальное взяточничество, казнокрадство, поразительное неумѣство и другіе недостатки стараго строя. Севастопольскій погромъ, стоившій такихъ страшныхъ жертвъ Россіи, послужилъ отрезвляющимъ урокомъ, раскрылъ глаза правительству и обществу. Всѣ увидели, что прежній порядокъ жизни далеко не такъ совершененъ, какъ казалось многимъ, и долженъ быть подвергнутъ коренному пересмотру.

Во главѣ этого освободительнаго движенія, конечно, стала литература, такъ какъ въ ней, за отсутствіемъ другихъ поприщъ общественной дѣятельности, сосредоточивались всѣ лучшія силы эпохи. Это оживленіе сказалось, прежде всего, въ появленіи множества всякаго рода печатныхъ изданій: листковъ, газетъ, журналовъ. „Это было удивительное время, говоритъ Шелгуновъ,—время, когда всякій захотѣлъ думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотѣлъ высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порывъ ея былъ сильный и задачи громадныя... обдумывались и рѣшались судьбы будущихъ поколѣній, будущія судьбы всей Россіи, становившіяся въ зависимость отъ того или другого разрѣшенія реформъ. Эта заманчивая работа потянула къ себѣ всѣхъ болѣе даровитыхъ и способныхъ людей и выдвинула массу молодыхъ публицистовъ, литераторовъ и ученыхъ“. Всѣми овладѣло критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, устои которой подвергались теперь самому строгому и безопаздному анализу. Центромъ, возлѣ котораго вращалась критическая мысль, было крѣпостное право, такъ какъ оно клало отпечатокъ на весь дореформенный строй. Насколько занимались этимъ вопросомъ лучшіе представители общества, можно судить по тому, что, когда въ 1857 году открылся комитетъ по крестьянскому дѣлу, въ него поступило до сотни различныхъ проектовъ отъ частныхъ лицъ, предлагавшихъ различные способы его разрѣшенія. Но на ряду съ этимъ шло обличеніе всякаго рода злоупотребленій и неправдъ, какъ въ общественной, такъ и въ частной, семейной жизни. Административный произволъ, взяточничество, казнокрадство, повальное невѣжество, семейный деспотизмъ, склонность къ туманнымъ мечтаніямъ при полной неспособности къ живому дѣлу и многія другія стороны господствовавшей до тѣхъ поръ жизни и міровоззрѣнія подвергались всеокрушительной критикѣ. Вся русская жизнь освобождалась, эмансипировалась отъ старой рутины, гнета. Въ словѣ „эмансипация“—ключъ къ пониманію эпохи. „Эмансипировался,—говоритъ одинъ историкъ литературы,—крестьянинъ отъ помещика, женщина отъ семейной кабалы, мысль отъ преданій и кумировъ прошлого“. Одновременно съ этимъ замѣчается притокъ новыхъ философскихъ идей съ Запада. Это былъ такъ называемый материализмъ, выступившій тамъ, подъ влияніемъ громаднхъ успѣховъ естествознанія, на смѣну метафизической философіи. Материалистическое ученіе, предлагавшее до-нельзя упрощенное рѣшеніе самыхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ челоѣческаго духа, пытавшееся разрушить вѣковые устои, на которыхъ покоилась метафизическая философская мысль, какъ нельзя болѣе гармонировало съ общимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности. Вслѣдствіе этого молодое поколѣніе съ энтузіазмомъ набрасывается на все, что такъ или иначе могло укрѣпить его въ материалистическомъ міровоззрѣніи. Модными факультетами становятся медицинскій и естественно-историческій; съ особенной энергіей изучаются химія и физиологія. Такіе ученые, какъ Либихъ, Вербъ, Дарвинъ, Бюхнеръ, Карлъ Фохтъ и т. п. признаются непогрѣшимыми. Изученіе естественныхъ наукъ считается однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для уничтоженія стараго строя.

Критическое отношеніе къ старой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, а также влияние западно-европейскихъ материалистическихъ ученій создало особый общественный типъ, который вскорѣ получилъ названіе нигилиста, т. е. челоѣка, который

отрицаетъ все, чѣмъ жило предшествовавшее поколѣніе, на чемъ основывалось его міровоззрѣніе. Нигилизмъ, доходившій до крайностей въ своемъ отрицаніи, какъ это будетъ видно ниже, явился естественнымъ слѣдствіемъ, своего рода реакціей противъ той подавленности мысли, умственного террора, въ какомъ находилось наше общество послѣднія семь лѣтъ, начиная съ 1848 года. Проявившись съ особой силой въ шестидесятые годы, онъ ясно опредѣлился въ послѣдніе годы предшествовавшаго десятилѣтія, хотя далеко еще не представлялъ широкаго общественнаго теченія.

Однако, корней ниализма нужно искать гораздо ранѣе. Онъ коренится въ предшествовавшей эпохѣ, въ томъ настроеніи русской общественной мысли, которое не могло быть подавлено никакими усиліями реакціи и которое, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условий, продолжало расти и крѣпнуть въ 30-е, 40-е и 50-е годы. Правда, вначалѣ оно было достояніемъ только незначительнаго меньшинства, горсти передовыхъ дѣятелей литературы и науки, но затѣмъ все росло и ширилось, скрываясь поневолѣ въ тѣсномъ интимномъ кругу, пока, наконецъ, не вырвалось широкимъ потокомъ, смывавшимъ на своемъ пути разлагавшійся строй дореформенной Россіи. Это—глубокое убѣжденіе въ ненормальности окружающихъ условий общественной и государственной жизни. Какъ ни могущественна была реакція, какъ ни грозны были усилія цензуры, стремившейся истребить всякій проблескъ живой мысли, онѣ не могли окончательно подавить ее. Уже около 40-хъ годовъ, говорить одинъ изъ современниковъ, „жизнь изъ подъ туго придавленныхъ клаязновъ стала сильнѣе прорываться... Гдѣ-то внутри, въ нравственно-микроскопическомъ мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, больше раздражительный, но и больше здоровый. Наружно все было мертво, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти—какое-то чувство неловкости, неудовольствія“. На помощь этому зародившемуся чувству протеста подоспѣла университетская наука съ Грановскимъ, окруженнымъ молодыми доцентами, Вѣлинскій со своими статьями, Гоголь со своимъ могущественнымъ смѣхомъ сквозь слезы въ „Мертвыхъ душахъ“, который съ такой яркостью выставилъ уродливый міръ тогдашней Россіи. Все это, говоритъ Герценъ, звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ и передъ собственнымъ безправіемъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума. Новый взрывъ реакціи въ 1848 году, такъ сказать, обострилъ эти настроенія. Темная семилѣтняя ночь, налегшая надъ Россіей, не давала возможности борющимся съ ея мракомъ различать въ тогдашней русской жизни здоровыя сѣмена отъ плевелъ; весь строй ея отъ начала до конца, все, во что вѣрило, на что надѣялось, что любило предшествовавшее поколѣніе, представлялось ненужнымъ, вреднымъ и потому заслуживающимъ отрицанія. Тамъ сложился и окрѣпъ еще въ первую половину 50-хъ годовъ тотъ строй мысли, который получилъ названіе ниализма. Герценъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей людей 40-хъ годовъ, говоря о ниализмѣ, прямо заявлялъ: „Базаровы—наши дѣти“, и былъ какъ нельзя болѣе правъ, устанавливая идейную преемственность между поколѣніемъ 40-хъ и 60-хъ годовъ.

Но этой связи никакъ не хотѣли признать представители молодого поколѣнія. Въ лицѣ наиболѣе яркихъ выразителей его идей, какими были, наиримѣръ, Чернышевскій и Писаревъ, они относились къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ, не

признавали за ними никакой общественной заслуги, называли их трутнями и другими нелестными эпитетами. Объясняется это, помимо разницы мировоззрения, в значительной мѣрѣ тѣмъ, что молодое поколѣніе, известное подъ именемъ нигилистовъ, выросло въ совсѣмъ иныхъ бытовыхъ условіяхъ, чѣмъ люди сороковыхъ годовъ. Въ лицѣ нигилистовъ впервые въ ряды русской интеллигенціи, не въ видѣ отдѣльныхъ единицъ, а цѣлой массой, вступили такъ называемые разночинцы, т. е. представители другихъ, кромѣ дворянскаго, сословіи, напримѣръ, духовнаго, купеческаго, мѣщанскаго и т. д. Для этихъ людей, чуждыхъ даже враждебныхъ дворянской культурѣ, выросшей на крѣпостномъ правѣ, съ малыхъ лѣтъ близко знакомыхъ съ тяжелой трудовой жизнью, выбившихся только усиліями личной энергіи, труда и таланта порой изъ невѣжественной среды, были дико и непонятны тѣ черты классовой дворянской психологіи, которыя сложились на почвѣ пользованія даровымъ трудомъ народныхъ массъ.

Чуткій ко всякаго рода перемѣнамъ въ общественномъ настроеніи Тургеневъ сумѣлъ уловить это только что зарождавшееся направленіе и съ рѣдкимъ объективизмомъ и правдивостью воспроизвелъ его въ романѣ: „Отцы и дѣти“, появившемся въ печати въ 1862 году.

Рѣдко какому литературному произведенію приходилось вызвать въ кругу читателей такую бурю разнообразныхъ толковъ, порицаній и восхваленій автора, какъ это случилось съ новымъ романомъ Тургенева. Только и разговоровъ было, это объ „Отцахъ и дѣтяхъ“. По свидѣтельству одного современника, этотъ романъ былъ прочитанъ даже такими людьми, которые со школьной скамьи книги не брали въ руки. И у читателей обыкновенно получались диаметрально противоположныя впечатлѣнія. Одни обвиняли автора въ оскорбленіи молодого поколѣнія, въ отсталости, другіе, напротивъ, упрекали его въ низкопоклонствѣ передъ тѣмъ же молодымъ поколѣніемъ. „Я,—говоритъ Тургеневъ въ своихъ замѣткахъ объ „Отцахъ и дѣтяхъ“,—замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія во многихъ мнѣ близкихъ и симпатичныхъ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобзанія, отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ“.

Этотъ безпримѣрный интересъ, съ какимъ общество отнеслось къ новому произведенію Тургенева, свидѣтельствуетъ о томъ, что автору удалось воспроизвести одно изъ самыхъ жгучихъ, животрепещущихъ явленій современности; этимъ же объясняется отчасти и та разногласица во мнѣніяхъ, какая сопровождала появленіе „Отцовъ и дѣтей“. Читатели были слишкомъ заинтересованы образомъ главнаго героя, чтобы разобраться въ немъ вполне объективно. Но была и другая причина, почему личность Базарова вызвала совершенно различныя мнѣнія у читателей. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ, создавая образъ Базарова, отнесся къ нему критически-объективно, и это многихъ сбilo съ толку. Читатель, не привыкшій глубоко вдумываться въ художественное произведеніе,—а такихъ большинство,—всегда испытываетъ недоумѣніе, если авторъ не показываетъ явной симпатіи или антипатіи къ изображаемому лицу. Онъ невольно навязываетъ ему то или другое мнѣніе, сплошь и рядомъ ни на чемъ не основанное; лишь бы выйти изъ непривычнаго

положенія, на чемъ-нибудь успокоиться. Такъ самъ Тургеневъ опредѣлялъ причину отмѣченныхъ выше разногласій, вызванныхъ его романомъ.

Но если полная объективность въ воспроизведеніи господствовавшего типа современной жизни была не по плечу первымъ читателямъ „Отцовъ и дѣтей“, то для насъ она является однимъ изъ крупнѣйшихъ достоинствъ романа, ибо обезпечиваетъ его художественную вѣрность дѣйствительности и даетъ право смотрѣть на Базарова, какъ на типичнаго представителя новаго поколѣнія.

Разсмотримъ, въ чемъ же заключаются особенности этого поколѣнія, насколько онѣ отразились въ „Отцахъ и дѣтяхъ“, т. е. въ образѣ Базарова.

Прежде всего, Базаровъ—разночинецъ. Воспитанный въ трудовой обстановкѣ, онъ презрительно относится къ барской изнѣженности и бездѣлю; онъ—демократъ не только по убѣжденіямъ, но и по натурѣ и представляетъ собою антитезу интеллигенціи изъ дворянской среды. Въ романѣ есть не мало мѣстъ, характеризующихъ Базарова съ этой стороны. Наибольше ярко выражается его протестъ противъ барскаго типа въ прощальной сценѣ съ Аркадіемъ. Разставаясь съ нимъ, Базаровъ, между прочимъ, говоритъ: „Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость, да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія дойти не можетъ, а это пустяки... Наша пыль тебѣ глаза выѣсть, наша грязь тебя замазаетъ... Ты славный малый; но ты все-таки мягенькій, либеральный баричъ“.

На ряду съ этой особенностью Базарова, одна черта настолько ярко проходитъ черезъ все его міровоззрѣніе и такъ опредѣленно сказывается въ его рѣчахъ и поступкахъ, что безъ особаго труда можетъ быть замѣчена всякимъ. Это—доходящее до крайности отрицаніе, отрицаніе всего того, что предшествовавшимъ поколѣніемъ считалось непреложной истиной, отрицаніе аристократическихъ привычекъ, выросшихъ на почвѣ крѣпостного права. Какъ извѣстно, „отцы“ очень любили общіе отвлеченные принципы, безилодные разговоры о которыхъ были въ большомъ ходу и у Рудиныхъ и у Лаврецкихъ. Базаровъ находитъ ихъ совершенно бесполезными: „русскому человѣку они даромъ не нужны“. Въ другомъ мѣстѣ романа онъ замѣчаетъ даже, что никакихъ общихъ отвлеченныхъ положеній, на которыхъ опирается дѣятельность человѣчества, вовсе не существуетъ; „принциповъ вообще нѣтъ, а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ“. Другой отличительной чертой поколѣнія „отцовъ“ былъ культъ любовнаго чувства. Мы видѣли, какую роль играла любовь въ жизни „лишнихъ людей“ самой разнообразной формации. И Базаровъ съ особенной силой ополчается противъ нея *). Онъ прямо не признаетъ чувства любви, находитъ его выдуманнѣйшимъ, несвойственнымъ природѣ человѣка; по его мнѣнію, это „романтизмъ, чепуха, гниль“. Такому огульному отрицанію подвергается не только вся психическая сторона чувства къ существу другого пола, но и любовь къ родителямъ, чувство дружбы. Все это признается романтизмомъ, а романтизмъ—

*) „Любовь въ смыслѣ идеальномъ... онъ называлъ белибердой, непростительной дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ то въ родѣ уродства или болѣзни и не однажды выражалъ свое удивленіе, почему не посадили въ желтый домъ Тогенбурга со всеми миннезингерами и трубадурами“.

самая презрительная кличка въ устахъ Базарова. Такъ же относится Базаровъ и къ искусству, которое въ жизни „отцовъ“ играло не маловажную роль: вспомнимъ хотя бы тѣ разговоры, которые велись въ студенческомъ кружкѣ Рудина, и впечатлѣніе, какое произвелъ на него „Erlkönig“ Шуберта или же преклоненіе Лаврецакаго передъ игрой Мочалова. Съ точки зрѣнія представителя новаго поколѣнія все это непростительная дурь. Рафаэль, по его мнѣнію, гроша мѣднаго не стоитъ: читать Пушкина не имѣеть никакого смысла, „пора бросить эту ерунду“. Не меньшаго презрѣнія заслуживаетъ и музыка. Слышитъ Базаровъ, какъ отецъ Аркадія играетъ на виолончели—и раздражается громкимъ смѣхомъ, узнавши, что тому сорокъ четыре года. „Помилуй,—объясняетъ онъ причину своего смѣха Аркадію,—въ сорокъ четыре года человѣкъ, pater familias, играетъ на виолончели!“ Очевидно, по его представленіямъ, музыкой, какъ пустой забавой, позволительно заниматься развѣ только дѣтямъ. На ряду съ этимъ онъ не признаетъ даже чувства природы, называя его пустякомъ. По его мнѣнію, „природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ“. Наслаждаться природой—это значитъ платить дань тому же ненавистному для него романтизму. Можно указать еще двѣ—три характерныя подробности базаровскаго отрицанія, вытекающія, какъ и отмѣченные выше, изъ враждебнаго отношенія его къ общему складу жизни „отцовъ“. Эти послѣдніе при всей своей гуманности и возвышенномъ идеализмѣ, все же очень ясно чувствовали громадную разницу между собою, господами, и мужикомъ, и это чувство не ослаблялось даже тогда, когда они дѣлали что-либо хорошее для этой, по ихъ мнѣнію, низшей, чѣмъ они, породы. Базаровъ держится на этотъ счетъ совершенно противоположнаго мнѣнія. „Изучать отдѣльныя личности не стоитъ труда. Всѣ люди другъ на друга похожи, какъ тѣломъ, такъ и душой: у-каждаго изъ насъ мозгъ, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены; и такъ называемыя нравственныя качества одни и тѣ же у всѣхъ; небольшія видоизмѣненія ничего не значать. Достаточно одного человѣческаго экземпляра, чтобы судить обо всѣхъ другихъ. Люди, что деревья въ лѣсу; ни одинъ ботаникъ не станетъ заниматься каждой отдѣльной березой“. Чисто отрицательное отношеніе выработалось у Базарова и къ установившимся формамъ семейной и общественной жизни. По его мнѣнію, нѣтъ ни одного постановленія въ семейномъ или въ общественномъ русскомъ быту, которое не вызвало бы полнаго и беспощаднаго осужденія. Иначе, какъ извѣстно, смотрѣли на это представители прежняго поколѣнія, которые, въ лицѣ, напримѣръ, Лаврецакаго, готовы были преклониться передъ „народной правдой“. Одной изъ важнѣйшихъ сторонъ этой „правды“ является глубокое религиозное чувство. Для Базарова оно не существуетъ. По своимъ убѣжденіямъ, онъ материалистъ, не признающій духовнаго начала ни въ человѣкѣ, ни въ природѣ.

Таково базаровское отрицаніе. Оно является одной изъ самыхъ существенныхъ чертъ міровоззрѣнія такъ называемыхъ нигилистовъ, которые по опредѣленію вѣрнаго ученика Базарова—Аркадія, не склоняются ни передъ какими авторитетами, не принимаютъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ онъ ни былъ окруженъ. Однако на дѣлѣ оказывается, что Базаровъ не только относится ко всему съ критической точки зрѣнія, но просто ничего не признаетъ изъ того, что такъ или иначе входило въ видѣ составной части въ міропониманіе „отцовъ“. Чѣмъ то уродливымъ, болѣзненнымъ вѣетъ отъ нигилизма Базарова. Отрицаніе положитель-

наго значенія въ человѣческой жизни искусства, общихъ отвлеченныхъ принциповъ, различія между людьми и т. д.—все это такъ очевидно противорѣчить, съ нашей точки зрѣнія, здравому смыслу, что не нуждается въ опроверженіи.

Гораздо важнѣе опредѣлить, какимъ образомъ Базаровъ, умный, духовносильный, образованный человѣкъ, могъ дойти до такихъ геркулесовыхъ столбовъ отрицанія. Одно мѣсто романа раскрываетъ, до нѣкоторой степени, эту загадку. Въ одной изъ схватокъ съ Павломъ Кирсановымъ Базаровъ, на вопросъ послѣдняго: „что же вы дѣлаете?“ отвѣчаетъ: „А вотъ что мы дѣлаемъ. Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильного суда, а потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидѣли, что и умники наши, такъ называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ то искусствѣ и бессознательномъ творствѣ, когда грубѣйшее суетворіе насъ душитъ... когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самъ себя обокрасть, чтобы напиться только дурману въ кабаѣ“. Въ этихъ словахъ Базарова мы находимъ нѣкоторыя указанія на происхожденіе типа русскаго нигилиста. Вначалѣ онъ только обличитель, съ отбѣнкомъ рудинства, отдѣльныхъ несовершенствъ, родной жизни. Но постепенно критическое отношеніе къ современной русской дѣйствительности идетъ все дальше и дальше; признается недостаточнымъ самое это обличеніе, ставшее характерной чертой передовыхъ людей эпохи, все міровоззрѣніе ихъ; темныхъ сторонъ въ окружающей жизни замѣчается такъ много, что вся она цѣликомъ кажется несостоятельной, и поэтому необходимымъ признается все подвергнуть коренной ломкѣ, все разрушить, чтобы „расчистить мѣсто“ для новой жизни, какъ замѣчаетъ тотъ же Базаровъ. Такимъ образомъ, послѣдовательный до конца Базаровъ, признавъ негодность окружающей дѣйствительности, доходить до того, что, по его собственному выраженію, сказанному по другому поводу, становится на почву „противоположныхъ общихъ мѣстъ“, т. е. не разбираясь въ частностяхъ, отрицаетъ все въ жизни и міровоззрѣніи предшествовавшаго поколѣнія. Съ Базаровымъ произошла естественная, такъ часто встрѣчающаяся въ жизни, тѣмъ не менѣе грубая логическая ошибка: онъ сдѣлалъ неправильное индуктивное умозаключеніе, а затѣмъ, основываясь на невѣрномъ выводѣ, строилъ свои остальные положенія. Неудивительно, что эти положенія поражаютъ насъ своею несообразностью.

Если бы Базаровъ оставался вполнѣ вѣренъ себѣ и своему отрицанію, это была бы какая то мрачная, отталкивающая фигура, какое то нравственное чудовище. Но какъ ни безстрашенъ онъ въ области мысли, какъ ни послѣдователенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, которыя онъ стремится во что бы то ни стало согласовать со своимъ міровоззрѣніемъ, все же не трудно подмѣтить въ немъ цѣлый рядъ противорѣчій, въ которыя онъ, не давая себѣ отчета, а порою и вполнѣ сознательно впадаетъ довольно часто. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Выше было указано, что Базаровъ единственнымъ импульсомъ для человѣческихъ дѣйствій признаетъ ощущеніе; влияніе идеи, какъ побудительнаго, регулирующаго начала въ нашихъ поступкахъ, онъ совершенно отрицаетъ; принциповъ нѣтъ—есть только ощущенія—таково его теоретическое убѣжденіе. Между тѣмъ въ

спорѣ съ Павломъ Кирсановымъ онъ выставляетъ слѣдующее положеніе: „мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ“, иначе говоря, указываетъ тотъ общій принципъ, которымъ онъ руководствуется въ своей дѣятельности, хотя только что отрицалъ существованіе вслкихъ принциповъ.

Гораздо болѣе подробно подчеркиваетъ Тургеневъ противорѣчія, въ которыхъ впадаетъ Базаровъ, отрицая романтизмъ, какъ всякое проявленіе чувства. Въ этомъ отношеніи даютъ много матеріала тѣ страницы романа, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Базарова къ Одинцовой. Тутъ онъ ведетъ себя такъ, что на каждомъ шагѣ можетъ быть уличенъ въ непослѣдовательности. Прежде всего, онъ нарушаетъ основное положеніе своей теоріи объ отношеніяхъ къ женщинѣ, которая нравится. По этой теоріи, если не удастся добиться немедленнаго успѣха, нужно оставить— „земля не клиномъ сошлась“. Однако Базаровъ, несмотря на то, что не встрѣтилъ со стороны Одинцовой того чувства, какое бы хотѣлъ, „отвернуться отъ нея, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ“; онъ попрежнему занятъ ею и прибѣгаетъ къ непривычнымъ для него средствамъ, чтобы понравиться ей; онъ при знакомствѣ съ нею, сверхъ обыкновенія, говоритъ много и, очевидно, старается занять свою собесѣдницу, а въ другой разъ переодѣвается въ свое лучшее платье, прежде чѣмъ показаться ей на глаза. Наконецъ, передъ смертью онъ посылаетъ за Одинцовой, желая послѣднія минуты жизни видѣть возлѣ себя любимую женщину. Такія же противорѣчія можно отмѣтить и въ отношеніи его къ родителямъ. Вѣрный своей теоріи о неестественности всякаго чувства любви, не исключая и сыновней, онъ всячески старается скрыть, даже отъ самого себя, проявленія этого чувства, стыдятся ихъ, какъ чего то позорнаго, и между тѣмъ постоянно выдаетъ себя. Ѣдетъ Базаровъ съ Аркадіемъ къ Одинцовой и, послѣ долгаго молчанія, вдругъ заявляетъ своему спутнику: „поздравь меня, сегодня 22 іюня, день моего Ангела... Сегодня меня дома ждуть,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—Ну, подождуть, что за важность!“ Почему, спрашивается, Базаровъ вспомнилъ о своихъ именинахъ? Отвѣтомъ на это служитъ слѣдующая фраза: „сегодня дома ждуть“, сказанная подъ вліяніемъ нахлынушаго чувства пониженнымъ голосомъ. Очевидно, мысль о родныхъ вызвала воспоминаніе и о днѣ Ангела. Но Базарову сейчасъ же дѣлается стыдно самого себя, и онъ грубо добавляетъ послѣднія слова— „ну, подождуть“ и т. д. Но съ особенной силой обнаруживается его любовь къ роднымъ въ сценѣ смерти, гдѣ онъ проявляетъ трогательную заботливость о нихъ. Бесѣдуя съ Одинцовой, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, моль, какого человека Россія теряетъ... Это чепуха, но не разувѣряйте старика. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось... вы знаете. И мать приласкайте“. Не что иное, какъ, по его терминологіи, романтизмъ, сказывается у Базарова и при прощаніи съ Аркадіемъ. По своему обыкновенію онъ старается выдержать, разставаясь съ нимъ, черство-равнодушный тонъ. „И у тебя нѣтъ другихъ словъ для меня?“ печально замѣчаетъ тотъ. Базаровъ смущенъ и въ порывѣ откровенности выдаетъ себя: „есть Аркадій, есть у меня другія слова, только я ихъ не выскажу, потому что это романтизмъ,—это значитъ разсырвиться“. Для насъ важно здѣсь признаніе самого Базарова, что и въ немъ есть та самая „белиберда“, противъ которой онъ такъ ополчается.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы значительно

увеличить, очевидно, какъ часто Базаровъ оказывается непослѣдовательнымъ, отступаетъ отъ того міровоззрѣнія, которое онъ исповѣдуетъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что міровоззрѣніе его въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ прямо противорѣчитъ основнымъ свойствамъ человѣческой природы. Базаровъ ломаетъ себя въ угоду ему, но въ глубинѣ души понимаетъ, какое насиліе дѣлаетъ онъ надъ собою: не даромъ въ одномъ мѣстѣ романа онъ называетъ себя „самоломаннымъ“. Да, Базаровъ именно самоломанный! „Рѣшилъ все косить—валяй и себя по ногамъ“, говоритъ онъ о себѣ.

Показавъ на Базаровѣ несостоятельность нигилистическаго міровоззрѣнія, Тургеневъ даетъ понять читателю, что это міровоззрѣніе, въ концѣ концовъ, не даетъ внутренняго удовлетворенія и тому, кто его исповѣдуетъ. Увѣренный въ себѣ по видимому, вполнѣ уравновѣшенный человѣкъ, для котораго въ жизни все ясно, Базаровъ во второй половинѣ романа вдругъ впадаетъ въ мрачное настроеніе, безпричинно раздражается, перестаетъ работать. Онъ съ полною очевидностью начинаетъ понимать, что его нигилизмъ, основанный на материализмѣ, въ его же собственномъ сознаніи терпитъ крушеніе. Тотъ самый романтизмъ, въ смыслѣ жизни чувства, противъ котораго онъ такъ ополчается, начинаетъ мощно вторгаться въ его душу. „Странное существо человѣкъ“, разсуждаетъ онъ съ Аркадіемъ, лежа у себя дома подъ стогомъ: „какъ посмотришь этакъ съ боку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь отцы, кажется: чего лучше? Ышь, пей и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ, нѣтъ; тоска одолѣетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругай ихъ, да возиться съ ними“. Видитъ Базаровъ, что муравей тащитъ полумертвую муху, и съ горечью замѣчаетъ: „Тащи ее, братъ, тащи!.. Пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго, имѣешь право не признавать чувства состраданія, не то, что нашъ братъ самоломанный!“ Наконецъ, нигилизмъ Базарова, чуждый всякихъ альтруистическихъ, идеальныхъ стремленій, приводитъ его къ тяжелому сознанію своего нравственнаго одиночества, обособленности отъ другихъ людей. „Я думаю,—говоритъ онъ Аркадію,—я вотъ лежу здѣсь подъ стогомъ... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотное въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже... Что за безобразіе! Что за пустяки!“

Такимъ образомъ изобразивъ въ Базаровѣ сущность нигилистическаго міровоззрѣнія, Тургеневъ и развѣнчалъ его, показавъ его логическую несостоятельность. Однако было бы ошибкой думать, что авторъ противопоставляя въ своемъ романѣ „отцовъ“ и „дѣтей“ и отнесшись отрицательно къ міросозерцанію этихъ послѣднихъ, самъ на сторонѣ стараго поколѣнія и раздѣляетъ его взгляды. Ни „отцы“, ни „дѣти“ не вызывали полнаго, безусловнаго сочувствія Тургенева. Но, во всякомъ случаѣ, его симпатіи въ гораздо большей степени на сторонѣ молодого поколѣнія. Это подтверждается какъ непосредственными заявленіями автора, такъ и изображеніемъ Базарова въ самомъ романѣ. Въ одномъ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ „Отцовъ и дѣтей“, Тургеневъ говоритъ слѣдующее: „Базаровъ... подавляетъ всѣ остальные лица романа. Приданныя ему качества—не случайны. Я

хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое, и тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей. Базаровъ, по-моему, постоянно разбиваетъ Павла Петровича, а не наоборотъ. Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса. Вглядитесь въ лица Николая Петровича, Павла Петровича и Аркадія. Слабость и вялость, и ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хорошихъ представителей дворянства, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сказать мою тему: если сливки плохи, что-же молоко?" То, что говорить здѣсь Тургеневъ о своемъ героѣ, какъ нельзя болѣе подтверждается при чтеніи романа. Базаровъ не только „честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей“, онъ человекъ, надѣленный сильнымъ, яснымъ умомъ, необычайной силой воли, знаніями, чужды всякой пошлости. И если, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ во многомъ оказывается несостоятельнымъ въ глазахъ читателя, то это потому, что его положеніе въ романѣ боевое, какимъ было, напримѣръ, положеніе Чацкого въ московскомъ обществѣ. Базаровъ съ его натурой, съ его міровоззрѣніемъ не можетъ не внести борьбы съ окружающей жизнью; все въ ней, по его убѣжденію, должно пойти на смарку, все должно быть уничтожено; онъ постоянно охватывается полемическимъ задоромъ и въ пылу его доходитъ до смѣшного въ своемъ отрицаніи, а во второй половинѣ романа производитъ прямо трагическое впечатлѣніе тѣмъ внутреннимъ адомъ, который открывается читателю въ его душѣ.

Базаровъ сходитъ до сцены, ничего не сдѣлавъ по части практическаго осуществленія своихъ взглядовъ. И это вполне понятно: художникъ, какъ говорится, „апшерцепироваль“, т. е. уловилъ своимъ творческимъ воображеніемъ этотъ образъ тогда, когда онъ только еще народился въ русской жизни: дѣйствіе романа происходитъ въ 1859-мъ году, а черезъ два года „Отцы и дѣти“ появляются въ печати. За это время Базаровъ не могъ бы сдѣлать ничего такого, что показало-бы приложеніе его міросозерцанія къ жизни. Передъ нами онъ выступаетъ только какъ человекъ слова, стоящій однако неизмѣримо ближе къ дѣйствительной жизни, чѣмъ, напримѣръ, Рудинъ. Но и въ этой роли, съ точки зрѣнія исторической перспективы, Базаровъ—явленіе положительное, хотя онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ такимъ самъ по себѣ, внѣ рамокъ исторической дѣятельности.

На ряду съ истиннымъ представителемъ нигилизма шестидесятыхъ годовъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ мы находимъ то каррикатурное отраженіе его въ жизни, которое было гораздо многочисленнѣе и, какъ всякая пародія, обращало на себя вниманіе въ болѣе значительной степени, чѣмъ люди базаровскаго закала; по этимъ каррикатурамъ многіе и теперь судятъ о сущности нигилистическаго движенія. Это обычное явленіе. Тому или другому идейному теченію сплошь и рядомъ приписываютъ то, что принадлежитъ исключительно его уродливому проявленію. Вся пошлость и ничтожество подобныхъ пародій выступаетъ съ полной ясностью при сопоставленія ихъ съ тѣмъ, что такъ уродливо отражается въ нихъ. Поэтому нельзя не признать какъ нельзя болѣе удачнымъ, съ художественной точки зрѣнія, изображеніе Тургеневымъ на ряду съ истиннымъ представителемъ нигилизма пошлаго подражанія ему въ лицѣ Ситникова и Кукшиной: сопоставленіе оригинала и каррикатурной копіи есть прекрасный способъ, чтобы отфѣнить положительныя стороны перваго и все уродство второй.

Ситниковъ и Кукшина—третьестепенныя, эпизодическія лица въ романѣ; изображенію ихъ посвящено 2—3 страницы, но съ какой яркостью очерчены они! Во всей силѣ проявился здѣсь сатирической элементъ таланта Тургенева, умѣвшаго сразу, однимъ художественнымъ штрихомъ, выставить смѣшныя стороны изображаемаго лица. Такъ, говоря о Ситниковѣ, онъ какъ бы вскользь, въ скобкахъ, бросаетъ замѣчаніе о его визитной карточкѣ съ загнутыми углами, съ надписью съ одной стороны по-французски, съ другой—славянскою вязью, о его черезчуръ ужъ элегантныхъ перчаткахъ,—и читатель сразу начинаетъ понимать, съ какого рода нигилистомъ онъ имѣетъ дѣло. Великолѣпный вопросъ Ситникова, обращенный къ Базарову: „Я надѣюсь, вы не отъ губернатора?“ и еще лучше заявленіе: „А, въ такомъ случаѣ и я пойду“, когда тотъ отвѣчаетъ, что они сейчасъ были у него—и такъ до конца. Или вотъ описаніе комнаты „эмансипированной женщины“, которую всѣми силами старается изобразить изъ себя Кукшина, и ея самой. „Бумаги, письма, толстые номера русскихъ журналовъ, большею частью, не разрѣзанные, валялись по запыленнымъ столамъ; вездѣ бѣлѣли разбросанные окурки папиросъ. На кожаномъ диванѣ полулежала дама, еще молодая, бѣлокурая, нѣсколько растрепанная, въ шелковомъ, не совсѣмъ опрятномъ платьѣ, съ крупными браслетами на коротенькихъ рукахъ и кружевною косынкою на головѣ“.

Эти нѣсколько строкъ сразу даютъ читателю представленіе о Кукшиной—стоитъ только обратить вниманіе на такіе, повидимому, мимолетные, мелкіе штрихи автора, какъ упоминаніе о неразрѣзанныхъ книжкахъ журнала, которыя, очевидно, не читаются и лежатъ только для декораціи, о неряшливомъ видѣ комнаты и самой хозяйки, о рѣжущемъ глаза соединеніи кокетства (браслеты, шелковое платье, косынка) и неряшества. Какъ бы для того, чтобы еще болѣе дать понятіе читателю, что Кукшина ничего общаго не имѣетъ съ истиннымъ нигилизмомъ, Тургеневъ заставляетъ Базарова относиться къ ней съ нескрываемою ироніей и презрѣніемъ. Болтая безъ умолку, Кукшина заявляетъ, между прочимъ, что собирается ѣхать за границу: „Въ Парижъ, разумѣется?“—спросилъ Базаровъ.—„Въ Парижъ и въ Гейдельбергъ.—Зачѣмъ-же въ Гейдельбергъ?“ Изъ этихъ ироническихъ замѣчаній Базарова ясно видно, что онъ не допускаетъ возможности, чтобы г-жа Кукшина могла серьезно думать о наукѣ. Для нея побѣдка за-границу можетъ имѣть интересъ только потому, что тамъ можно весело пожить, а для этого самое подходящее мѣсто Парижъ, а отнюдь не скромный Гейдельбергъ, извѣстный только своимъ университетомъ. Тонкая иронія автора, сквозящая въ изображеніи этихъ подонковъ нигилизма, становится совершенно очевидной даже для мало вдумчиваго читателя, когда онъ заставляетъ Базарова произнести надъ ними свой приговоръ. Послѣ завтрака у Кукшиной Ситниковъ, все время лебезящій передъ Базаровымъ, желая узнать мнѣніе послѣдняго о ней, допрашиваетъ его: „Ну что? Вѣдь, я говорилъ вамъ: замѣчательная личность! Вотъ такихъ бы намъ женщинъ побольше! Она, въ своемъ родѣ, высоко-нравственное явленіе“.—„А это заведеніе твоего отца тоже нравственное явленіе?“ промолвилъ Базаровъ, ткнувъ пальцемъ на кабакъ отца Ситникова и этимъ сопоставленіемъ и неожиданнымъ „ты“ показавъ все свое презрѣніе и къ Ситникову и къ Кукшиной.

Мы взяли изъ романа „Отцы и дѣти“ все существенное, что даетъ онъ для характеристики новаго поколѣнія въ жизни русскаго общества, заявившаго о своемъ

существованіи съ конца пятидесятихъ годовъ и ставшаго своего рода пугаломъ для людей умѣреннаго лагеря въ 60-е годы. Многіе изъ русскихъ писателей пытались изобразить это поколѣніе, но никому не удалось отнестись къ нему такъ критически-объективно, какъ это сдѣлалъ Тургеневъ. Всѣ они были поражаемы уродливостью того теченія русскаго нигилизма, которое впервые заклеимено было Тургеневымъ въ образахъ Ситникова и Кукушкиной, и его то изображали на всѣ лады, никогда не возвышаясь до объективнаго творчества. Даже такой крупный талантъ, какъ Гончаровъ, и тотъ подмѣтилъ только уродливое отраженіе нигилизма и только его воспроизвелъ въ своемъ „Обрывѣ“ и при томъ такъ, что читатель остается въ увѣренности, что это и есть нигилистъ чистѣйшей воды. Громадная заслуга Тургенева заключается въ томъ, что онъ первый изъ русскихъ писателей, возсоздавъ типическое явленіе современности, оказался единственнымъ, сразу понявшимъ существованіе двухъ теченій въ этомъ явленіи, и оба изобразилъ съ художественной правдой въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Романъ этотъ имѣетъ тѣмъ большее историческое значеніе, что здѣсь передъ нами сопоставляется два поколѣнія, изъ которыхъ одно идетъ на смѣну другому, воспроизводится „тяжелый, трудный споръ“, являющійся неизбѣжнымъ удѣломъ переходныхъ эпохъ. И хоть авторъ принадлежитъ къ одному изъ этихъ поколѣній, является лицомъ, далеко не безразлично относящимся къ загорѣвшейся борьбѣ, онъ все время остается безпристрастно-спокойнымъ. Всѣ эти особенности „Отцовъ и дѣтей“ дѣлаютъ этотъ романъ однимъ изъ лучшихъ произведеній не только Тургенева, но и всей русской литературы.

Общественныя движенія въ 70-е годы. Неждановъ. Соломинъ.

Во вторую половину шестидесятихъ и въ семидесятыя годы въ русской общественной жизни замѣчается два наиболѣе ярко бросающіяся въ глаза явленія: это—„кающійся дворянинъ“ и „хождение въ народъ“ съ цѣлью революціонной пропаганды.

Черты „кающагося дворянина“ замѣчались у русской интеллигенціи и въ предшествовавшія эпохи. Такія лица изъ людей сороковыхъ годовъ, какъ Герценъ, Огаревъ, наконецъ, самъ Тургеневъ, а въ художественной литературѣ, напримѣръ, Лаврецкій чувствуютъ свой долгъ передъ народомъ за пользованіе его даровымъ трудомъ и тѣмъ или инымъ способомъ стремятся отдать этотъ долгъ. Самая идея освобожденія крестьянъ, до нѣкоторой степени, росла и развивалась на почвѣ стремленія лучшихъ людей загладить вѣковую несправедливость, участниками которой они являлись косвенно и сами. Но съ особенной силой выступила у русскаго дворянства идея расплаты съ народомъ въ шестидесятыя и особенно семидесятыя годы. Объясняется это усиленнымъ вниманіемъ общества къ мужику, охватившимъ русскую интеллигенцію послѣ освобожденія крестьянъ. Вотъ какъ, напримѣръ, характеризуетъ одинъ современникъ общественное настроеніе въ 70-е годы. „Стоило только сойтись двумъ-тремъ интеллигентнымъ людямъ..., какъ немедленно-же ихъ разговоръ, точно руководимый какой-то стихійной силой, обращался къ мужику, условіямъ его жизни, его силѣ и его безсилію. Въ сущности, только этимъ и интересовались“. Въ это именно

ваеть „дѣломъ“ прокормить слѣдную бабушку. Но съ особенной ясностью, ужъ „отъ себя“, высказалъ Тургеневъ этотъ взглядъ за два года до созданія „Нови“ въ одномъ изъ частныхъ писемъ. Вотъ его слова: „Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго, нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску, нужно умѣть смириться и не гнущаться мелкой... жизненной работы... Что можетъ быть, напримѣръ, жизненнѣе—учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. п.“ И не одинъ Тургеневъ сталъ на такую точку зрѣнія...

Однако, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это была пока все-таки теорія, рѣдко и узко примѣняемая въ дѣйствительной жизни. Глубоко сочувствуя новому направленію общественной мысли, видя въ немъ залогъ лучшаго будущаго, Тургеневъ все-же не могъ въ достаточномъ количествѣ наблюдать этихъ „новыхъ людей“, не сдѣлалъ надлежащаго запаса впечатлѣній, и потому не удивительно, что Соломинъ вышелъ очерченнымъ слишкомъ общими чертами, безъ указанія въ высшей степени любопытныхъ въ этомъ случаѣ деталей; личность его съ художественной точки зрѣнія не дорисована. Въ самомъ дѣлѣ, Соломинъ, этотъ человѣкъ непосредственнаго, живого дѣла въ романѣ почти вовсе не проявляетъ своей дѣятельности. Указанія автора на то, какія хорошія, хотя и не совѣмъ обыкновенныя отношенія существовали между его героемъ и рабочими, намеки на школы и „прочее“, что завелъ у себя на фабрикѣ Соломинъ, еще ничего не разъясняютъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ очень важно знать, какъ это было сдѣлано, и каковы результаты. Даже и взгляды свои, программу дѣятельности Соломинъ излагаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ, казалось бы, Соломину было естественнѣе всего высказать во всей полнотѣ свои убѣжденія, какъ, напримѣръ, въ сценѣ у Маркелова, онъ „почти все молчалъ“, такъ что читатель такъ и не знаетъ, какъ же разрабатываетъ онъ въ подробностяхъ свои основныя положенія.

Такимъ образомъ, Соломинъ представляетъ собою въ художественномъ отношеніи эскизную фигуру, только намѣченный, но не разработанный вполне типъ. Тѣмъ не менѣе, „Новь“, является однимъ изъ лучшихъ литературныхъ документовъ для характеристики русской общественной жизни семидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія.

Русская женщина въ изображеніи Тургенева.

Мы разсмотрѣли важнѣйшія произведенія Тургенева, въ которыхъ онъ проявилъ себя истиннымъ „ловцомъ момента“ и далъ читателямъ цѣлый рядъ типовъ, характеризующихъ пережитыя имъ эпохи въ развитіи русскаго общества. Четыре десятилѣтія нашей общественной жизни, цѣлыхъ три поколѣнія русскихъ людей—дѣды, отцы и дѣти старшіе (Базаровъ) и младшіе (Неждановъ, Соломинъ) нашли себѣ художественное отраженіе въ его творествѣ. Мы ограничились разборомъ основныхъ типовъ, характеризующихъ ту или иную эпоху. Но на ряду съ ними Тургеневъ выводитъ иногда, какъ, напримѣръ, въ „Нови“, множество второстепен-

ныхъ, эпизодическихъ лицъ, являющихся въ большей или меньшей степени продуктомъ переживаемаго ими историческаго момента. Такъ что, въ общемъ, если принять во вниманіе и эти второстепенные образы, передъ нами получится еще болѣе широкая, богатая содержаніемъ картина. А сколько у Тургенева разнообразныхъ характеровъ, представляющихъ большой общественный, психологическій и художественный интересъ, хотя на нихъ почти вовсе не отразилось вліяніе господствовавшихъ настроеній времени. Вся галлерей созданныхъ Тургеновымъ типовъ русскихъ людей поражаетъ своей обширностью и разнообразіемъ и представляетъ богатѣйшій матеріалъ для литературно-критическаго изслѣдованія.

Въ этой галлерей очень видное мѣсто занимаютъ женскіе образы. Мы не касались ихъ до сихъ поръ потому, что слѣдили за тѣмъ, какъ изобразилъ Тургеновъ пережитыя новыя вѣянія русской жизни, которыя, по естественному ходу нашей общественной и семейной жизни, захватывали, главнымъ образомъ, мужское поколѣніе и въ немъ отражались, какъ непосредственный результатъ историческаго момента. Это не значитъ, что русскія женщины не были увлекаемы новыми направленіями общественной мысли и чувства. Но на нихъ это не отражалось въ такой степени ярко и типично, какъ на поколѣніи мужскомъ. Тѣмъ не менѣе, было бы большою ошибкой думать, что русская женщина въ изображеніи Тургенева представляетъ мало интереса. Наоборотъ, женскіе характеры нашего автора, не меньше, чѣмъ мужскіе, заслуживаютъ быть разсмотрѣнными даже въ краткомъ обзорѣ его творчества.

Еще въ Евангельскомъ разсказѣ о посѣщеніи Христомъ Марѳы и Маріи впервые намѣчены два основныхъ женскихъ типа, повторяющихся съ различными видоизмѣненіями въ исторіи человѣчества независимо отъ тѣхъ или иныхъ формъ государственной и семейной жизни. Одинъ изъ нихъ—Евангельская Марѳа—существо въ большей или меньшей степени удовлетворенное тѣмъ, что дала ей судьба, и стремящееся создать свое счастье путемъ приспособленія къ установившимся формамъ жизни, признаваемымъ чѣмъ-то неизблѣмымъ. Совсѣмъ иной представляется Марія. Она—чужая для окружающей ее жизни и людей, съ которыми у нея нѣтъ ничего или очень мало общаго, она рвется къ иному, лучшему, какъ ей кажется, условіямъ существованія. Нужды нѣтъ, что порою она не знаетъ, въ чемъ это лучшее и гдѣ искать его; она все же не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что вокругъ нея, и жадно стремится къ тому, что, по ея мнѣнію, можетъ наполнить ея внутренній міръ. Первый типъ можетъ быть названъ консервативнымъ, ибо онъ не содѣйствуетъ дальнѣйшему развитію жизни; второй, наоборотъ,—прогрессивнымъ; это—„взыскующія града“, стремящіяся выйти изъ заколдованнаго круга мертвыхъ традицій, мечтающія о новой жизни. Насколько обыденны, заурядны, порою пошлы женщины перваго типа, настолько привлекаютъ къ себѣ вниманіе Маріи, ибо у нихъ всегда идетъ напряженная работа ума, чувства и воли, ихъ внутренній міръ отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ. Неудивительно поэтому, что наши писатели, какъ и всѣ, впрочемъ, другіе, съ особенною любовью останавливались на изображеніи женскихъ типовъ, могущихъ быть отнесенными къ ряду прогрессивныхъ. Наиболѣе видными представительницами этого типа русскихъ женщинъ у Тургенева служатъ Наташа („Рудинъ“), Лиза („Дворянское гнѣздо“), Елена („Наканунъ“) и Маріанна („Новъ“).

Наташа является второстепенным, эпизодическим лицом в романе „Рудинъ“. Авторъ въ силу этого не раскрываетъ намъ всего ея внутренняго міра, изображая ее, главнымъ образомъ, со стороны ея отношеній къ Рудину. Но слѣдя за исторіей ея любви, Тургеневъ искусно вырисовываетъ передъ читателемъ основныя, въ высшей степени симпатичныя свойства ея духовнаго облика.

Глубокая вдѣчивость, стремленіе разобраться въ окружающей жизни и дать себѣ въ ней отчетъ, любовь къ знанію и поэзіи—таковы отличительныя черты этой дѣвушки. Подъ влияніемъ ихъ Наташа, какъ-то инстинктивно чуждается матери, ибо чувствуетъ, что она не въ состояніи понять того, что происходитъ у нея въ душѣ. А тамъ, не смотря на молодость ея, уже растетъ и зрѣетъ неудовлетворенность окружающей жизнью и людьми, неясное стремленіе къ чему-то иному, лучшему. Вотъ почему на нее дѣйствуетъ такъ обаятельно Рудинъ, поманившій ее широкими перспективами возвышенныхъ идеаловъ жизни. Подъ влияніемъ любви къ Рудину впервые сказалась въ Наташѣ способность къ смѣлому, рѣшительному шагу, умѣніе оставаться вѣрной себѣ до конца. Семнадцатилѣтняя дѣвушка, не обладающая почти никакимъ жизненнымъ опытомъ, она прекрасно умѣетъ не только разобраться въ своей собственной душѣ и не ошибается въ силѣ своего чувства, но въ послѣднее свое свиданіе съ Рудинимъ разгадываетъ его отношеніе къ себѣ и, несмотря на страшный сердечный ударъ, находитъ силы дать ему строгую отповѣдь. Любовь къ Рудину пробудилась у Наташи только потому, что она видѣла въ немъ олицетвореніе тѣхъ возвышенныхъ идеаловъ, проповѣдь которыхъ она слышала изъ его устъ; для нея Рудинъ отождествляется съ тѣмъ, что онъ говоритъ: не даромъ Тургеневъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ романа, что Наташа наединѣ думала не о самомъ Рудинѣ, но о какомъ-нибудь словѣ, имъ сказанномъ. Ея смѣлое рѣшеніе бросить родной домъ, семью и слѣдовать за любимымъ человекомъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало общаго у нея съ окружающей жизнью, какъ сильно жаждетъ она отдаться новымъ стремленіямъ, столь отличнымъ отъ тѣхъ, какими живетъ выросившая ее среда.

Гораздо большей степени, чѣмъ у Наташи, замѣчаемъ мы неудовлетворенность окружающимъ у героини „Дворянскаго гнѣзда“, Лизы Калитиной. Когда этотъ романъ появился въ печати, онъ встрѣтилъ восторженные отзывы читателей. Отзывы эти были, въ значительной мѣрѣ, вызваны образомъ Лизы, однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ, по своей нравственной чистотѣ, въ русской литературѣ. Являясь центральной фигурой романа, Лиза гораздо полнѣе, чѣмъ, на примѣръ, Наташа, обрисована авторомъ, и потому образъ ея можетъ быть восстановленъ съ большей опредѣленностью и ясностью.

Въ лицѣ Лизы мы имѣемъ дѣло съ человекомъ, у котораго преобладающей чертой его личности является чисто врожденная религіозность, господствующая надъ всѣми остальными чувствами. Пр. Овсянико-Куликовскій, которому принадлежитъ два лучшихъ въ нашей литературѣ критическихъ этюда о Лизѣ Калитиной (см. его „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“), очень удачно опредѣляетъ особенности ея религіознаго настроенія. Большинство религіозныхъ людей, по его словамъ, проявляютъ свое чувство къ Богу только въ извѣстные, сравнительно рѣдкіе моменты, въ обычное же время, такъ сказать, религіозные будни, оно какъ бы со-

всѣмъ нейтрализуется, становится незамѣтнымъ. Потеря близкаго человѣка, страхъ смерти, болѣзнь, житейскія невзгоды, наконецъ, подходящая обстановка, настраивающая на религіозный ладъ, вызываютъ въ болѣе или менѣе сильной степени это чувство, но стоитъ измѣниться этимъ условіямъ, и оно замираетъ. Совсѣмъ иного рода религіозность Лизы. Въ ней она всегда на лицо, она какъ бы составляетъ неотъемлемую часть ея существа; Лиза вся проникнута и просвѣтлена этимъ чувствомъ: каждый шагъ ея, каждое рѣшеніе, мысль подвержены контролю религіознаго сознанія.

Конечно, нужны были благопріятныя условія, чтобы врожденная религіозность достигла такого широкаго развитія, какое мы замѣчаемъ у Лизы. Тургеневъ описываетъ намъ эти условія, и на нихъ необходимо вкратцѣ остановиться, чтобы тѣмъ яснѣе сталъ для насъ ея духовный обликъ.

Ни отецъ, ни мать, ни француженка-гувернантка не имѣли ровно никакого вліянія на Лизу, прежде всего, потому, что обращали на нее очень мало вниманія. Но зато тѣмъ сильнѣе было воздѣйствіе на нее няни Агафьи, приставленной къ ней съ пяти лѣтъ. Благодаря именно ей, врожденное религіозное чувство Лизы получило широкое развитіе. Въ свободныя минуты Агафья ровнымъ и мѣрнымъ голосомъ рассказывала Лизѣ жизнь отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мучениковъ. Говорила она ей о томъ, „какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодь терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдовали... Какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали“. Эти рассказы глубоко западали въ душу серьезнаго, вдумчиваго ребенка, проникали въ самую глубь существа Лизы. „Образъ вездѣсущаго, всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ... Она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко нѣжно“.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ словъ Тургенева видно, что въ религіозномъ чувствѣ Лизы преобладающую роль играла мистическая любовь къ Божеству. Отсюда понятно, что всѣ ея настроенія, мысли, поступки, все міросозерцаніе освѣщалось этой любовью, она давала тонъ всему ея жизнепониманію.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ постоянно бодрствующее чувство долга. Лиза „вся проникнута“ этимъ чувствомъ, она, подчиняясь беззавѣтно ему, не задумываясь приносить ему въ жертву всѣ свои радости, всѣ надежды на личное счастье. Долгъ этотъ, по ея представленію, состоитъ въ томъ, чтобы жить, не причиняя никому страданія, не быть даже косвенно виновникомъ чьего-либо несчастья, иначе говоря,—въ томъ, чтобы забыть себя, жить для другихъ. Такимъ образомъ, на чувствѣ долга основана другая коренная черта Лизы—очень широкій, всечеловѣчскій, истинно христіанскій альтруизмъ.

Та же мистическая любовь къ Богу и, какъ слѣдствіе ея, проникновеніе нравственными началами Христова ученія, а также врожденная болѣзненно-чуткая совѣсть являются основаніемъ того этическаго масштаба, который примѣняетъ Лиза при оцѣнѣ доступныхъ ея наблюденію жизненныхъ явленій, а также руководствуется въ своихъ собственныхъ поступкахъ. Масштабъ этотъ поэтому очень высокъ, а если принять при этомъ во вниманіе одну изъ характерныхъ особенностей Лизы—мучительно вдумчивую мысль, способность подергать нравственной оцѣнѣ

совершающуюся вокругъ жизнь, то будетъ понятно, что эта жизнь не могла особенно привлекать ее къ себѣ.

Понятны поэтому ея равнодушіе къ „пѣснямъ земли“, ея боязнь грѣховнаго счастья, отреченіе отъ любви и жизни въ мірѣ съ ея земными радостями. Рѣшившись уйти въ монастырь, она говоритъ: „Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отболить, отболить надо“... Въ этихъ словахъ опредѣленіе, чѣмъ гдѣ-нибудь, высказывается отношеніе Лизы къ жизни: это та же неудовлетворительность окружающей дѣйствительностью, указанія на которую мы видѣли и въ Наташѣ, но развивая въ гораздо большей степени, болѣе того—здѣсь видѣнъ протестъ противъ этой дѣйствительности: Лиза сердцемъ чувствуетъ всѣ тѣ страданія, обиды и несправедливости, которыми покупалось счастье окружающихъ ее людей,—потому-то она такъ страшится личнаго счастья, потому она „вся проникнута боязнью оскорбить кого бы то ни было“. Но она—существо не отъ міра сего, она не можетъ вступить въ борьбу съ тѣмъ, что она считаетъ ненормальнымъ, но не можетъ и покориться ему, и она уходитъ отъ міра, тѣмъ самымъ признавая невозможность для себя жить въ немъ.

Мы видѣли, что Наташа и Лиза—обѣ, каждая по своему, выражаютъ свое отрицательное отношеніе къ окружающей ихъ жизни. Заключенныя въ узкія рамки семейныхъ интересовъ, чуждыя всякой общности, потому что ея не существовало въ тогдашней русской дѣйствительности, онѣ обнаруживаютъ пока только неясное, неопредѣленное порываніе отъ той среды, которая,—онѣ чувствуютъ это,—не можетъ дать пищи ихъ духу. Ни та, ни другая не рѣшаютъ вопроса о томъ, гдѣ же и въ чемъ выходъ. Наташа, искавшая, подобно пушкинской Татьянѣ, въ любимомъ человѣкѣ спасителя отъ окружающей ее пошлости, горько разочаровывается въ немъ, а Лиза прибѣгаетъ къ способу, доступному только для такихъ натуръ не отъ міра сего, какъ она. Въ двухъ послѣдующихъ произведеніяхъ: „Наканунѣ“ и „Новѣ“ Тургеневъ рисуетъ намъ образы русскихъ дѣвушекъ, которые нашли себѣ мѣсто въ жизни, хотя, подобно Наташѣ и Лизѣ, далеко не были удовлетворены тѣмъ, что давала имъ въ началѣ эта жизнь. Одинъ изъ лучшихъ русскихъ критиковъ—Добролюбовъ въ прекрасной статьѣ, посвященной разбору „Наканунѣ“, даетъ блестящій анализъ характера Елены, героини этого романа. Въ его истолкованіи она представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Какъ всѣ незаурядныя природы, Елена отъ природы надѣлена выдающимися душевными силами. Она отличается серьезнымъ складомъ ума, склоннымъ къ глубокому анализу, сильной волей, добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Эти свойства, благодаря своеобразно сложившимся обстоятельствамъ домашней жизни, нашли полный просторъ для своего развитія. Семейный разладъ между отцемъ и матерью, свидѣтельницей котораго Елена была еще въ раннемъ дѣтствѣ, давалъ богатую пищу ея уму и воображенію. Ей невольно приходилось быть въ душѣ судьей надъ самыми близкими къ ней людьми и велѣдствіе этого напряженно работать сердцемъ и головой. Такое положеніе развивало въ ней самостоятельность, она становилась въ уровень со старшими, подвергала своей собственной оцѣнкѣ ихъ поступки. Эта оцѣнка однако не была холодной: вѣдь, дѣло шло о самыхъ близкихъ ей людяхъ, къ которымъ вначалѣ она питала привязанность. Но пытливый, наблюдательный умъ вскорѣ

показать ей, какими, въ сущности, заурядными людьми были ея родители, и она постепенно от обожанія отца перешла къ страстной любви къ матери, а затѣмъ, съ годами, это чувство замѣнилось сожалѣніемъ и снисхожденіемъ.

Такъ семейная обстановка, въ которой жила Елена, содѣйствовала развитію въ ней, съ одной стороны, критическаго отношенія къ окружающему, а съ другой — теплаго, гуманнаго чувства къ чужому страданію, которое тѣмъ болѣе сильно проявлялось, что страдающее лицо, самое близкое существо—мать, было постоянно на глазахъ.

Мало по мало это сочувствіе къ чужому страданію все растетъ и расширяется и находитъ себѣ пищу уже внѣ родной семьи. „Нищіе, голодные, больные ея занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, распрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ... Всѣ притѣсненные животныя, худыя дворовыя собаки, осужденныя на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ покровительство и защиту“. Словомъ, она отдается доступнымъ для нея дѣламъ милосердія. Но эти занятія, когда она стала старше, не могли уже удовлетворять ее: съ одной стороны, развитой, пытливый умъ указывалъ ей на всю скудость этой дѣятельности, а съ другой—они давали слишкомъ мало пищи ея энергичной, жаждущей дѣятельности натурѣ. Ей нужно было чего-то большаго, болѣе серьезнаго, захватывающаго, но чего—она и сама не могла дать себѣ отчета. Она точно находилась въ какомъ-то ожиданіи, точно ждала чего-то. Она поняла, чего ей не нужно, и равнодушно относится къ обычной обстановкѣ жизни и ея интересамъ, но что дѣлать, гдѣ найти приложеніе своимъ силамъ и дѣло по сердцу, она не знаетъ. Она жаждетъ дѣятельнаго добра, но ей самой не рѣшится, какъ дѣлать его.

Любовь къ Инсарову рѣшаетъ все. Для всякаго, кто помнитъ тѣ главы романа, гдѣ описывается постепенное сближеніе съ нимъ Елены, ясно, что все обаяніе его заключается въ величій той идеи, которой проникнуто все его существо. Услышавши разсказъ Берсенева объ Инсаровѣ, она, глубоко пораженная имъ, говоритъ: „Освободить свою родину! Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики!...“ Еще не видавъ его, она живо заинтересована имъ, потому что чувствуетъ въ немъ челоуѣка, который нашелъ настоящее, живое дѣло, могущее наполнить всю жизнь. И когда чувство взаимной любви связываетъ ее съ Инсаровымъ, она вся отдается тому дѣлу, которому онъ служитъ. Она бросаетъ семью, родину и отправляется къ чужому ей народу, чтобы прійти ему на помощь въ великомъ дѣлѣ освобожденія.

Любовь къ Инсарову отождествилась у нея съ горячей преданностью тому дѣлу, которому онъ отдался. Она нашла примѣненіе своимъ силамъ, нашла пищу своему уму и сердцу и никогда не вернется къ прежней жизни, которую она вела на родинѣ. Вотъ почему на нее не производитъ никакого впечатлѣнія призывъ родной матери, полученный ею чуть-ли не въ моментъ смерти мужа. „Вернуться въ Россію?“ пишетъ она въ отвѣтъ на этотъ призывъ. „Зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?“ и отправляется въ Болгарію, чтобы принять участіе въ возстаніи.

Въ лицѣ Елены мы впервые въ русской литературѣ встрѣчаемъ типъ женщины, которая сумѣла проникнуться общественными интересами, слиться съ ними. Первоначальнымъ стимуломъ здѣсь однако служило чисто личное чувство—любовь къ Инсарову; оно указало ей поле дѣятельности, дѣло, которому она могла отдать свои силы.

Марианна, одно из главных действующих лиц романа „Новь“, стоит ступенью выше Елены. Это один из самых прекрасных женских образов, какие создавались русскими писателями. Марианна, прежде всего, отличается глубокой, чисто органической честностью. Она принадлежит к тем натурам, которые до такой степени проникнуты чувством правды, что проявление справедливости их только удовлетворяет, а не радуется, ибо они считают его самым обычным, естественным явлением, а несправедливость, к которой они очень чувствительны, волнует и возмущает их до глубины души. Эта редкая чуткость ко всякой неправде соединяется у Марианны с ясным умом, господствующим над областью чувств, потребностью в деятельности и широким альтруизмом, вытекающим из высших идеальных стремлений, которыми исполнено все ее существо. По своему духовному складу Марианна принадлежит к тем людям, для которых любимая идея стоит выше всего, которые не задумываясь готовы во имя ее передумать всю свою жизнь, а если понадобится, то и пожертвовать собою. Из таких людей выходят герои, поражающие толпу величием своего духа. Но Марианна не превращается в рабыню своей идеи. Ясность ума, независимость мысли, неугнетенность чувства делают ее внутренне свободной, чуждой слепого фанатизма. Такова Марианна, как психологический тип. Посмотрим, как проявляет она себя в жизни.

Личные невзгоды, необходимость жить на хлебах из милости у родственников, которых она не любит и не уважает,—все это тяжелым бременем ложится на душу Марианны. Но не это служит главной причиной мучительного душевного состояния ее, пока она живет в доме своего дяди. „Если я несчастна,—говорит она Нежданову,—то не своим несчастьем. Мне кажется иногда, что я страдаю за всех притесненных, бедных, жалких на Руси... вѣтъ, не страдаю, а негодую, возмущаюсь... что я за них готова... голову сложить. Я несчастна тем, что я барышня, приживалка, что я ничего, ничего не могу, не умѣю“. В этих словах—вся Марианна, вся ее чуткая до болезненности душа, не выносящая чужого страдания, проникнутая жаждой подвига, жертвы, готовая на все, лишь бы облегчить эти страдания.

В это время Марианна сближается с Неждановым и в первый раз переживает чувство любви. Но любовь не опьяняет ее настолько, чтобы занять господствующее место в ее внутреннем мире. Для нее Нежданов только близкий дорогой товарищ, с которым она рука об руку пойдет отдаваться заветной мечте—служению народу. Эта мечта не оставляет ее в самые счастливые моменты уюта взаимной любовью. Не об узком, эгоистическом счастье с любимым человеком мечтает она, все ее существо наполнено восторженными думами о том, как они вместе отдадут себя на служение горячо любимому меньшему брату. Поэтому то столь радостно настроена Марианна, когда она вместе с Неждановым бросает привычные условия жизни и пытается „опроститься“,—она ближе к своей цели, ее заветная мечта, по ее мнению, начинает осуществляться. Но верная всей душой идее служения народу, она чужда однако узкого фанатизма, порабощающего личность человека, превращающего его в слепца, неспособного видеть темные пятна этой веры, которую он исповедует. Под влиянием речей Соломина она, повидимому, сознает слабые стороны той программы, которой она придерживалась до сих пор, стремясь прийти на помощь народу, и, надо думать,

оставить ее и поидеть по пути, указанному ей Соломинымъ. Не даромъ-же мы расстаемся съ Марианной, когда она становится женой Соломина и, значить, вмѣстѣ съ нимъ, т. е. одинаковымъ оружіемъ, будетъ бороться за свои идеалы. Но какъ бы ни сложилась личная жизнь Марианны, она всегда будетъ освѣщаться отблескомъ того возвышеннаго идеала, служенію которому она такъ беззавѣтно отдалась. Идеаль этотъ—народное благо и счастье.

Такимъ образомъ, Марианна заключаетъ въ себѣ завершеніе тѣхъ неясныхъ порывовъ русской женщины, начало которыхъ мы видѣли въ Наталѣ. Благодаря видоизмѣнившимся условіямъ русской общественной жизни, порывы эти реализовались въ ясное и опредѣленное стремленіе отдать свои силы, знанія на служеніе простому люду, передъ которымъ русское образованное общество состоитъ неоплатнымъ должникомъ. Въ этомъ случаѣ русская женщина, въ лицѣ лучшихъ своихъ представительницъ, стала рука объ руку съ тѣми изъ мужчинъ, цѣлью жизни которыхъ было служеніе родинѣ, устраненіе тѣхъ препятствій, которыя, по ихъ мнѣнію, тормазили развитіе народнаго благосостоянія.

Мы остановились вкратцѣ на тѣхъ женскихъ образахъ Тургенева, которыя представляются наиболѣе обязательными по своему духовному облику и знаменуютъ собою постепенный ростъ русской женщины. Но и цѣлый рядъ другихъ женскихъ характеровъ, созданныхъ нашимъ писателемъ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе своими прекрасными нравственными качествами. Любопытно при этомъ отмѣтить, что тургеневскія героини вообще стоятъ выше представителей мужскаго поколѣнія, которые именовенно признаютъ ихъ нравственное превосходство. Сопоставляя въ своихъ романахъ мужскіе и женскіе типы, Тургеневъ цѣлымъ рядомъ иллюстрацій какъ бы старается доказать мысль, вложенную имъ въ уста Соломина, о томъ, что вообще русскія женщины дальнѣе, выше мужчинъ. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ не мало способствовалъ возвышенію русской женщины въ глазахъ общества, показавъ ему, что она силовъ и рядомъ заслуживаетъ самого глубокаго, искренняго уваженія и удивленія передъ ея незаурядными нравственными силами. Съ особенною нѣжностью и мастерствомъ изображаетъ Тургеневъ пробужденіе любви въ женскомъ сердцѣ. Дѣвушка полюбила—это обычная тема его произведеній, но какъ при этомъ умѣетъ онъ одухотворить, облагородить чувство своихъ героинь! Любовь у большинства изъ нихъ чужда эгоистичной окраски; мечты о счастьи съ любимымъ человѣкомъ почти всегда идутъ у нихъ параллельно съ пробужденіемъ въ душѣ лучшихъ, возвышенныхъ настроеній, которыя нерѣдко отодвигаютъ на второй планъ вопросы чисто личнаго благополучія. И читатель невольно преданяется передъ этими характерами, умѣющими возвыситься надъ окружающей пошлостью, сохранить въ душѣ, несмотря на тяжелыя условія личной и общественной жизни, лучшія движенія человѣческаго сердца.

Мы окончили разсмотрѣніе важнѣйшихъ произведеній и типовъ, созданныхъ Тургеневымъ. Разборъ ихъ въ связи съ условіями русской общественной жизни 40-хъ—70-хъ годовъ показалъ, насколько Тургеневъ былъ дѣйствительно „ловцомъ момента“ и, благодаря необыкновенной чуткости къ возникавшимъ новымъ теченіямъ въ нашемъ обществѣ, умѣлъ воспроизвести нарождавшіеся типы прежде, чѣмъ они

усилили вполне определиться в сознании массы. Вследствие этого его произведения не могли не оказывать могущественного воздействия на текущую жизнь, содействуя выработке новых общественных настроений. Сь другой стороны, такіе образы, какъ Рудинъ, Лаврецкій и другіе представители „лишнихъ людей“, давали обильный матеріалъ для подведенія итоговъ дѣятельности прошлаго поколѣнія, людей со- роковыхъ годовъ, уступившихъ мѣсто представителямъ другихъ идеаловъ. Поэтому творчество Тургенева служить незамѣнимымъ матеріаломъ для исторіи русской общественной жизни въ самые важные періоды ея развитія въ XIX-мъ столѣтіи.

Сь Тургенева рѣзко обозначается поворотъ въ отношеніи западно-европейскихъ писателей и общества къ русской литературѣ. Не то, чтобы до Тургенева на Западѣ не были знакомы сь такими нашими поэтами, какъ Гоголь, Пушкинъ и Лермонтовъ, но они, въ силу преобладающей у двухъ послѣднихъ стихотворной формы, много теряющей при передачѣ на другой языкъ, а главное, вслѣдствіе своеобразнаго, чисто русскаго содержанія, являвшася отраженіемъ родной бытовой жизни, столь отличавшейся отъ жизни западныхъ сосѣдей, не были оценены по достоинству. Не то было сь Тургеневымъ. Блестящая художественная форма, разнообразное, живое содержаніе, согрѣтое мягкимъ свѣтомъ высокихъ гуманныхъ идей, являющихся святыней всего культурнаго человѣчества, сразу поставили его на высокой пьедесталь въ западной Европѣ. Его сочиненія не только заслужили лестный отзывъ лучшихъ представителей литературнаго міра и вызывали къ себѣ живой интересъ читателей, но и служили своего рода образцами, которымъ подражали представители натурализма во французской литературѣ. Вліяніе на нихъ Тургенева не подлежитъ сомнѣнію. Такіе писатели, какъ Мопассанъ, Золя, Флоберъ, Гонкуры, выработали свои эстетическіе взгляды, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторые изъ нихъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ бесѣдъ сь Тургеневымъ и его произведеній.

Если къ сказанному прибавить, что всѣ произведенія Тургенева проникнуты удивительной человѣчностью, охватывающей душу читателя, что онъ является однимъ изъ величайшихъ стилистовъ не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ, что имъ открыты такіа чарующія по силѣ изобразительности и выразительности свойства русскаго языка, какихъ до него никто и не подозрѣвалъ въ немъ; если, затѣмъ, имѣть въ виду его единственное въ своемъ родѣ мастерство писать природу, которая прямо оживаетъ подъ его перомъ, то будетъ понятно, что мы имѣемъ дѣло сь однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, который заслуживаетъ тщательнаго и вдумчиваго изученія.

И. А. Гончаровъ.

No. 7 A N

Условія жизни Гончарова, способствовавшія изученію провинціального общества. Отличительныя черты его таланта.

Въ 1847-мъ году, когда появился въ печати первый рассказъ Тургенева изъ „Записокъ охотника“, выступилъ на литературное поприще со своимъ романомъ: „Обыкновенная исторія“ другой замѣчательный писатель, Иванъ Александровичъ Гончаровъ (1812—1891 г.), принадлежавшій, какъ и Тургеневъ, въ плеядѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Три его романа: „Обыкновенная исторія“, „Обломовъ“, и „Обрывъ“, особенно два послѣднихъ, даютъ обильный матеріалъ для изученія настроенія русскаго общества въ сороковые и пятидесятые, а также отчасти и шестидесятые годы.

Условія личной жизни Гончарова сложились такимъ образомъ, что онъ одинаково мало наблюдалъ какъ низшій слой, народную среду, такъ и высшее, аристократическое общество, но за то прекрасно изучилъ средній, главнымъ образомъ, помѣщичій классъ. По его собственному признанію, онъ почти вовсе не зналъ быта и нравовъ крестьянъ, условій ихъ жизни, хозяйства. Крестьянскій міръ ему приходилось наблюдать „больше изъ вагона желѣзной дороги“ или же знакомиться съ нимъ изъ художественныхъ и другихъ очерковъ русскихъ писателей. Изъ народной среды Гончаровъ имѣлъ возможность изучить только одну группу лицъ—типы дореформенной прислуги, которые онъ увѣковѣчилъ въ своихъ произведеніяхъ. Не больше, чѣмъ простой народъ, доступенъ былъ наблюденію Гончарова и высшій кругъ современнаго общества. Оттого такъ неудачна вышла его попытка изобразить этотъ кругъ въ лицѣ Бѣловодовой и ея тетусекъ въ „Обрывѣ“.

Но чуждый жизни двухъ крайнихъ полюсовъ русскаго общества, онъ очень хорошо узналъ бытъ, нравы и характеры средняго провинціального класса, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, а, главное, провелъ въ немъ не мало годовъ своей жизни. Происходя изъ купеческой среды, Гончаровъ однако былъ лишенъ возможности наблюдать характерныя особенности быта этого сословія въ такомъ видѣ, какъ онѣ отразились, напримѣръ, въ творествѣ Островскаго. Объясняется это тѣмъ, что семья Гончаровыхъ, по своему складу жизни и понятій, приближалась скорѣе къ помѣщичьей средѣ, чѣмъ къ русскому купечеству. Общій строй жизни этой среды, судя по воспоминаніямъ Гончарова, былъ почти тождественъ съ тѣмъ, что онъ видѣлъ вокругъ себя въ раннемъ дѣтствѣ, когда его наблюденію были доступны наиболѣе культурные обыватели заходутнаго провинціального города,

среди которых попадались и представители помѣщичьяго класса. Съ этими послѣдними сталкивался онъ и въ годы ученія за Волгой, въ пансіонѣ одного священника, гдѣ воспитывались дѣти богатѣйшихъ семей провинціального дворянства. Такъ еще въ раннемъ дѣтствѣ былъ доступенъ наблюденію Гончарова этотъ классъ русскаго общества, который потомъ нашелъ себѣ яркое отраженіе въ его творествѣ. Цѣлый годъ жизни на родинѣ по окончаніи Московскаго университета значительно дополнилъ и осмыслилъ бессознательныя дѣтскія впечатлѣнія, а многолѣтнее пребываніе въ Москвѣ и особенно Петербургѣ дало обширное поле для наблюденія тѣхъ измѣненій, какимъ подвергался воспитанный въ провинціальной атмосферѣ жизни и понятій русскій баринъ, попавшій въ другой круговоротъ идей и жизненныхъ условий.

Изъ сказаннаго видно, что условія жизни Гончарова вполне благопріятствовали накопленію разнообразныхъ и многочисленныхъ впечатлѣній, которыя послужили богатымъ матеріаломъ для его творчества. Не смотря на то, что впечатлѣнія эти исходили въ сущности отъ одной общественной группы—провинціального дворянства, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе разнообразія отдѣльныхъ типовъ, принадлежавшихъ къ этому общественному слою, въ романахъ Гончарова передъ нами проходитъ цѣлая вереница образовъ, мужскихъ и женскихъ, характеризующихъ тѣ періоды русской жизни, какіе нашли въ нихъ свое отраженіе.

Какъ же рисовалъ Гончаровъ эту жизнь, какъ отразилась она въ его творческомъ воображеніи? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію характерныхъ особенностей таланта Гончарова, которыми обуславливается какъ его манера изображенія современной ему дѣйствительности, такъ отчасти и содержаніе той картины жизни, какую мы находимъ въ его романахъ.

Подобно Тургеневу, Гончаровъ принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, у которыхъ, говоря терминомъ Бѣлинскаго, талантъ, главнымъ образомъ, описательный. Это значитъ, что его перу доступно изображеніе только той жизни и типовъ, какіе онъ могъ достаточно наблюдать. Въ концѣ своего очерка: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, гдѣ онъ раскрываетъ внутренній смыслъ трехъ своихъ романовъ, онъ самъ указываетъ на эту особенность своего таланта: „Чего я не видалъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, то не доступно моему перу“, говоритъ онъ: „...я писалъ только то, что переживалъ, что мыслить, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ, словомъ, писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней приростало“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ талантъ Гончарова былъ такого свойства, что требовалъ, для успѣшнаго хода творчества, долгихъ наблюденій надъ установившимися, вылившимися въ законченныя видъ явленіями. По его мнѣнію, писать съ жизни еще не сложившейся, гдѣ формы не устоялись, лица не наслоились въ типы, въ высшей степени трудно, вѣрнѣе, невозможно. Этой особенностью таланта автора „Обломова“ объясняется, почему онъ подолгу и съ любовью останавливается на уже завершившихъ свой кругъ развитія формахъ жизни, на тѣхъ сторонахъ ея, которыя являются прошлымъ для его эпохи, а въ переходныхъ типахъ, какъ молодой Адуевъ, Райскій, наиболѣе ярко отбѣиваетъ тѣ черты, которыя ставятъ ихъ въ непосредственную связь съ прошлымъ. По той же причинѣ люди будущаго, жизнь которыхъ „еще трепещетъ въ процессѣ броженія“, какъ напримѣръ, Штольць, Маркъ Волоховъ и Ту-

пинь, так блѣдно имь очерчены, что кажутся своего рода призраками въ сравненіи съ поражающими своей пластичностью представителями стараго вѣка.

При этомъ его талантъ чуждъ способности проникать въ глубь изображаемыхъ явленій, вскрывать путемъ анализа ихъ сущность и значеніе; но онъ силенъ другимъ—умѣніемъ воспроизвести жизнь во всемъ ея внѣшнемъ разнообразіи и полнотѣ. Вслѣдствіе этого у Гончарова преобладаетъ необыкновенная пластичность изображенія, обрисовка едва уловимыхъ деталей, мелочей, ускользающихъ отъ взора поверхностнаго наблюдателя, но имѣющихъ огромное значеніе для того, кто вдумчиво относится къ жизни. Вотъ одна изъ многочисленныхъ сценъ, характеризующихъ въ этомъ отношеніи художественную манеру Гончарова. Описывается отѣздъ молодого Адуева изъ родного гнѣзда. Несмотря на то, что центръ тяжести здѣсь заключается въ изображеніи самой разлуки, Гончаровъ не упускаетъ случая рассказать о томъ, какъ „коренная безпрестанно поднимала и трясла голову. Колокольчикъ издавалъ всякій разъ при этомъ рѣзкій звукъ, напоминающій о разлукѣ, а пристяжныя стояли, задумчиво опустивъ головы, какъ будто понимая всю прелесть предстоящаго имъ путешествія, и изрѣдка обмахивались хвостами или протягивали нижнюю губу къ коренной лошади“ и т. д. Другой примѣръ. Описываетъ авторъ комнату, въ которой живетъ Илья Ильичъ Обломовъ. Онъ не применитъ обратить вниманіе читателя на освѣщеніе задокъ дивана, на паутину въ видѣ фестоновъ по угламъ, на забытое на диванѣ полотенце, на неубранную отъ вчерашняго ужина тарелку съ солонкой и обглоданной косточкой и цѣлый рядъ другихъ мелкихъ подробностей.

Первое время при чтеніи произведеній Гончарова эта тончайшая отдѣлка деталей производить нѣсколько непріятное впечатлѣніе; кажется, безъ всего этого можно было бы обойтись безъ всякаго ущерба для общаго впечатлѣнія. Но мало по малу именно эти подробности производятъ какое-то обаятельное дѣйствіе: картина, рисуемая авторомъ, захватываетъ васъ всецѣло, вы не можете отдѣлаться отъ нея, она стоитъ предъ глазами, вамъ хочется думать о ней, разобраться въ ея внутреннемъ смыслѣ. Таково значеніе этихъ съ перваго раза кажущихся лишними подробностей.

Этимъ умѣніемъ вырисовывать съ удивительной тщательностью едва уловимыя детали изображаемой жизни Гончаровъ напоминаетъ величайшаго представителя эпического творчества—безсмертнаго автора „Иліады“ и „Одиссеи“. Подобно Гомеру, онъ выдвигаетъ въ своихъ произведеніяхъ множество такъ называемаго эпического матеріала, даетъ тонкую, художественную обрисовку бытовой стороны жизни, костюмовъ, наружности, жилищъ и т. п. Онъ не гоняется за потрясающими сценами, необыкновенными характерами, равнодушно проходитъ мимо яркихъ эффектовъ; его вниманіе, наоборотъ, привлекаетъ все обыденное, заурядное, будничное.

Наконецъ трезвое, спокойное отношеніе его къ жизни, чуждое всякаго пессимизма, проникнутое широкой гуманностью, добродушный юморъ,—все эти черты таланта Гончарова успокаивающимъ образомъ дѣйствуютъ на читателя и доставляютъ ему глубокое эстетическое наслажденіе, давая въ то же время обильный матеріалъ для изученія жизни русскаго общества.

Дореформенная консервативная помещичья жизнь въ изображеніи Гончарова.

Чтобы лучше обозрѣть нарисованную Гончаровымъ въ его трехъ романахъ картину жизни, мы обратимся къ тѣмъ указаніямъ, какія даетъ намъ для классификаціи созданныхъ имъ образовъ самъ авторъ. Исходя изъ этихъ указаній, но видоизмѣнивъ ихъ нѣсколько, мы соберемъ воедино основныя черты, характерныя для отдѣльныхъ группъ созданныхъ имъ образовъ, чтобы такимъ путемъ возстановить „гончаровскую Русь“.

Въ очеркѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ Гончаровъ распредѣляетъ на три группы главнѣйшія дѣйствующія лица своихъ романовъ. Одни изъ нихъ, по его словамъ, отражаютъ праздную, мечтательную и аффектаціонную сторону старыхъ нравовъ съ обычными порывами юности къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, и столкновение ихъ съ новыми вѣяніями—трезвымъ сознаніемъ необходимости дѣла, которое только что начало нарождаться въ сороковые годы; другіе, какъ Обломовъ, являются воплощеніемъ сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни; третьи, наконецъ, какъ Штольцъ, Вѣра, характеризуютъ собою эпоху пробужденія русскаго общества. Но такая классификація неудобна въ томъ отношеніи, что не охватываетъ такіе типы, какъ бабушка изъ „Обрыва“, родители Обломова, мать Адуева и нѣк. др. Поэтому будетъ проще, для удобства обзора русской жизни, изображенной въ романахъ Гончарова, рассмотреть созданные имъ типы нѣсколько въ иной группировкѣ; къ одному отдѣлу мы отнесемъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ наиболѣе ярко отразились черты старой помещичьей жизни, основанной на крѣпостномъ строѣ; во второй группѣ рассмотримъ типы переходные, которые естественнымъ образомъ распредѣляются, въ свою очередь, на двѣ категоріи; въ однихъ изъ нихъ преобладаютъ черты старины, отъ которой они не могутъ отдѣлаться и гибнутъ жертвой ея, другіе въ большей или меньшей степени умѣли освободиться отъ ея вліянія; наконецъ, въ третій отдѣлъ войдутъ лица, совершенно независимыя отъ традицій прошлаго, въ полномъ смыслѣ слова „новые люди“. Если приурочить нашу группировку къ хронологическимъ даннымъ, перевести ее на языкъ цифръ, то первый отдѣлъ будетъ соответствовать дореформенной помещичьей жизни, какъ текла она въ 30-е и 40-е годы, а въ наиболѣе консервативныхъ семьяхъ и въ пятидесятые; представители второй группы—это герои пробужденія русскаго общества въ 40-е годы; третья группа охватываетъ собою новыхъ людей отчасти 40-хъ, а главнымъ образомъ, конца пятидесятыхъ и 60-хъ годовъ.

Во всѣхъ трехъ романахъ Гончарова читатель находитъ множество матеріала для характеристики жизни и типовъ старой дореформенной, консервативной Руси; но изображеніе этой жизни достигло высшаго совершенства, по яркости красокъ и широтѣ захвата, въ знаменитомъ „Снѣ Обломова“, откуда мы и будемъ, главнымъ образомъ, черпать нужныя намъ данныя.

Жизнь эта поражаетъ, прежде всего, удивительнымъ застоємъ, неподвижностью мысли, отсутствіемъ всякихъ идейныхъ запросовъ. „Норма жизни была готова и преподана... родителями, а тѣ принимали ее, тоже готовую, отъ дѣдушки, а дѣдушка отъ прадѣдушки, съ завѣтомъ блюсти ея цѣлость и неприкосновенность, какъ огонь

Весты. Какъ это дѣлалось при дѣдахъ и отцахъ, такъ дѣлалось при отцѣ Ильи Ильича, такъ, можетъ быть, дѣлается еще и теперь въ Обломовкѣ". Духовная косность, нежеланіе сколько-нибудь пошевелить мозгами хотя-бы въ интересахъ своего матеріальнаго существованія доходить до того, что люди эти не знаютъ даже, какъ идетъ ихъ хозяйство, сколько у нихъ крестьянъ, какія получаютъ доходы, и всякій разъ выходятъ изъ себя, когда, силою обстоятельствъ, имъ приходится въ той или иной формѣ нарушить свой умственный сонъ. Это, по справедливому замѣчанію В. П. Острогорскаго (Этюды о русскихъ писателяхъ. И. А. Гончаровъ), какой то поразительный эгоизмъ сознанія полнѣйшей и вѣчной обезпеченности на чужой счетъ, безъ малѣйшей мысли о своей естественной связи съ кормящимъ ихъ людомъ, съ тѣмъ менѣе съ обществомъ, государствомъ, человѣчествомъ.

На ряду съ полной духовной инертностью и спячкой стоитъ отсутствіе у нихъ всякаго сколько-нибудь производительнаго труда. Свободное отъ ѣды и сна время у отца Обломова наполнено празднымъ сидѣніемъ у окна да покрикиваніемъ ради развлеченія на проходящую мимо прислугу. А какой безысходной скукой, вслѣдствіе полного бездѣлія и отсутствія какихъ бы то ни было духовныхъ интересовъ, вѣтъ отъ препровожденія времени въ Обломовкѣ зимнимъ вечеромъ, который съ такимъ мастерствомъ описанъ въ „Снѣ Обломова"! Единственно, что занимало этихъ людей, погрязшихъ въ чисто животномъ существованіи, чѣмъ, до нѣкоторой степени, наполнялась ихъ праздная жизнь,—это забота о ѣдѣ, которая была первой и главной ихъ жизненной заботой. Цѣлый семейный совѣтъ устраивался для составленія меню обѣда, всякое мнѣніе принималось въ соображеніе, точно рѣшался вопросъ перво-степенной важности. Человѣчество въ ихъ сознаніи рѣзко дѣлилось на двѣ группы: одни—„люди“ должны неустанно работать, всю жизнь, нести тяжелый трудъ, чтобы обезпечить этимъ беззаботное существованіе другой, избранной половинѣ рода человеческого—господамъ. Трудъ самый ничтожный считался несомнѣстимъ со званіемъ барина; эта мысль съ раннихъ лѣтъ внушалась молодому поколѣнію. Иногда ребенокъ вздумаетъ сдѣлать что-нибудь для себя, какъ тотчасъ въ нѣсколько голосовъ твердятъ ему, что это не барское дѣло, что для этого существуютъ слуги, которымъ кстати достанется за невнимательное отношеніе къ господскому дитяти. Никому и въ голову не приходило, что гдѣ-то есть другая жизнь, полная разумной, кипучей дѣятельности, широкихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, посвященная захватывающей идейной работѣ. Духовная спячка и бездѣлье, обезпечиваемыя даровымъ крестьянскимъ трудомъ, полновластно царили надъ этой полосой старой русской жизни.

Но, конечно, не только этотъ застои можно было наблюдать въ помѣщичьемъ кругу добраго стараго времени. Попадались въ немъ и дѣятельныя натуры, энергія которыхъ не могла быть подавлена господствовавшимъ строемъ жизни и понятій; но она, по большей части, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ бабушкѣ въ „Обрывѣ“, направлялась исключительно на узкую сферу хозяйственной дѣятельности.

Такова, въ общихъ чертахъ, та старая консервативная русская жизнь, которая нашла себѣ отраженіе въ романахъ Гончарова и особенно въ „Снѣ Обломова“.

Наиболѣе законченнымъ положительнымъ типомъ, выдвинутымъ этой жизнью, у Гончарова является Татьяна Марковна Березкова, бабушка Райскаго. Создавая этотъ образъ, Гончаровъ, по его собственному признанію, писалъ его съ русской старой хорошей женщины добраго стараго времени.

Одной изъ наиболѣе бросающихся въ глаза особенностей ея, какъ характерной представительницы господствовавшихъ понятій дореформенной дворянской жизни, является консерватизмъ, вѣрность установившимся принципамъ, безсознательная боязнь всего новаго. „Бабушка говорить языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовые сентенціи старой мудрости“. Если ей въ какихъ-нибудь новыхъ, неожиданныхъ случаяхъ жизни приходилось отступать отъ освященныхъ традиціями прошлаго порядковъ, она приходила въ смущеніе и безпокойно старалась оправдать свои отступленія, отыскивая что-нибудь подобное въ прошломъ. Такимъ образомъ, она живое олицетвореніе старины. Вѣрная ея замкнутой, родовой обособленности, она знать не хочетъ другой жизни, сколько-нибудь отличной отъ той, какую вели ея предки; „горизонтъ ея кончается съ одной стороны полями, съ другой—Волгой и ея горами, съ третьей—городомъ, а съ четвертой—дорогой въ міръ, до котораго ей дѣлать“.

Родовые и сословные интересы у нея стоятъ на первомъ планѣ. Она, напримеръ, горько сокрушается о томъ, что ея внукъ собирается сдѣлаться артистомъ или „приказнымъ“, ибо это, по ея понятіямъ, унизило бы его родъ. Единственнымъ достойнымъ дворянина поприщемъ она считаетъ военную службу и желала-бы видѣть внука не въ „короткохвостомъ сюртучишкѣ“, а въ эполетахъ, какъ дядю Сергія Ивановича.

Авторитетъ старшихъ, въ глазахъ бабушки, есть святыня; не повиноваться ему значить, по ея мнѣнію, идти къ погибели. Марейнька, которая воспитана въ ея правилахъ, не смѣетъ даже мечтать о чемъ-нибудь безъ разрѣшенія бабушки. Это ревнивое охраненіе авторитета и власти старшихъ дѣлаетъ бабушку, до нѣкоторой степени, деспотомъ, и если ея деспотизмъ не дожится тяжелымъ бременемъ на окружающихъ, то только потому, что смягчается нѣжной любовью къ нимъ.

Изобразивъ старую дореформенную жизнь и ея представителей въ помѣщицкѣй средѣ, Гончаровъ въ „Обрывѣ“ показалъ, какія натуры наиболѣе склонны къ тому, чтобы подчиняться этой жизни и съ большей или меньшей вѣрностью хранить ея завѣты. Это—Марейнька и Викентьевъ. Чета эта не беспокоитъ бабушки. Ей извѣстно, что они „изъ послушанія ея не выйдутъ и будутъ жить, какъ она укажетъ“. И бабушка въ этомъ случаѣ не ошибается. Марейнька и ея женихъ принадлежатъ къ тѣмъ натурамъ, которыя съ самаго рожденія оказываются вполне приспособленными къ окружающей ихъ дѣйствительности, удовлетворяются тѣмъ, что она можетъ дать имъ, невольно проникаются господствующими идеями и не пытаются передѣлать ея застывшихъ, опредѣленныхъ формъ. „Русскія Марейньки и Викентьевы никогда не ослушаются бабушки“. Они будутъ жить по ея указкѣ, покорно слѣдуя ея завѣтамъ, не чувствуя потребности въ идеалахъ новаго счастья, не томясь жизнью въ своей средѣ. Это—представители толпы, большинство, которое всегда консервативно и уже по этому одному останется вѣрнымъ тѣмъ завѣтамъ, которые переданы ему старшимъ поколѣніемъ.

Картина дореформенной консервативной дворянской жизни, какъ она отразилась въ твореніяхъ Гончарова, была бы неполной, если бы мы не остановились на

одной чертѣ этой эпохи, неоднократно выдвигаемой авторомъ въ созданныхъ имъ образахъ. Мы уже отчасти знакомы съ нею изъ разсмотрѣнія тургеневскихъ людей сороковыхъ годовъ, но только отчасти, потому что тамъ, у лучшихъ представителей эпохи, она не носила того пошловатаго оттѣна, какой приходится наблюдать въ герояхъ Гончарова. Это—одна изъ разновидностей романтизма, который, начиная съ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, довольно широко распространился по Россіи.

Имѣя очень мало общаго съ тѣмъ широкимъ освободительнымъ движеніемъ, направленнымъ противъ отжившихъ старыхъ идеаловъ, какимъ былъ романтизмъ у лучшихъ представителей его на Западѣ, какъ Беранже, Байронъ, Гюго, Гейне, нашъ русскій отголосокъ его отличался неглубокимъ, не шедшимъ дальше громкой фразы характеромъ, не дававшимъ ницы уму и только разжигавшимъ чувствительность и фантазію; онъ отрывалъ мысль отъ дѣйствительной жизни, не налагая никакихъ нравственныхъ обязательствъ, освобождая отъ всякаго производительнаго труда. Содержаніе его очень несложно: на первомъ планѣ стоитъ презрительное отношеніе къ прозѣ жизни, культъ чувства дружбы и любви съ очень сильной эгоистической окраской, сантиментальная восторженность, склонность ко всякаго рода плѣняющимъ воображенію и чувство мечтамъ, безъ малѣйшаго усилія осуществить ихъ, такое же стремленіе къ славѣ, которую хочется завоевать сразу, безъ всякаго труда, наконецъ, любовь къ изящнымъ искусствамъ, даже попытки творить что-нибудь, особенно въ области поэзіи. Это настроеніе безъ труда могло развиваться тамъ, гдѣ, какъ у насъ въ крѣпостную пору, люди были свободны отъ всякой разумной дѣятельности и лишены трезвой ницы для ума и чувства. Неудивительно поэтому, что во всѣхъ трехъ романахъ Гончаровъ изображаетъ этотъ русскій романтизмъ, взлелѣянный на почвѣ крѣпостного права. „Обыкновенная исторія“, въ лицѣ молодого Адуева, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, выставить на видъ собранныя въ одномъ образѣ характерныя особенности этого настроенія, но отдѣльныя черты его мы находимъ и у стараго поколѣнія, фигурирующаго въ творчествѣ нашего писателя. Такъ, въ качествѣ эпизодической вставки въ „Обыкновенной исторіи“ мы находимъ письмо одной изъ тетокъ молодого Адуева, адресованное къ его дядѣ, въ которомъ она почти черезъ 20 лѣтъ предается сладостнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ онъ съ опасностью для жизни и здоровья влѣзъ въ воду и досталъ для нея росшіи къ тростникѣ большой желтый цвѣтокъ, все время хранившійся съ тѣхъ поръ въ ея книжкѣ, какъ священная реликвія. Тѣмъ же романтизмомъ вѣетъ отъ трогательныхъ отношеній бабушки и Тита Никоныча въ „Обрывѣ“. Вліяніе его нужно видѣть и въ рѣшеніи бабушки прибѣгнуть для вразумленія Вѣры къ семейному сенію сантиментальнаго романа, и т. п.

Гораздо полнѣе, вѣрнѣе, въ болѣе сконцентрированномъ видѣ, изобразилъ Гончаровъ русскій романтизмъ въ молодомъ поколѣніи своихъ героевъ, въ которыхъ преобладаютъ однако черты старины, какъ Адуевъ, Обломовъ, Райскій. Приведемъ два—три наиболѣе характерныхъ примѣра. Александръ Адуевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Уже наступила послѣдняя минута отъѣзда, какъ вдругъ во дворъ влетаетъ запряженная тройкой телѣга: то другъ Александра прискакалъ за 100 верстъ, чтобы сказать ему послѣднее прости. „Другъ, истинный, другъ,—воскликаетъ Александръ со слезами на глазахъ,—о, есть дружба въ мірѣ! На вѣкъ, не правда ли“,

ныло продолжалъ онъ, стискивая руку друга и насканивая на него. „До гробовой доски,—отвѣчалъ тотъ, тиская руку еще сильнѣе и насканивая на Александра“. Въ этомъ юмористическомъ описаніи прощанія двухъ друзей сразу чувствуется нѣкоторая утрировка, аффектація чувства дружбы. То же замѣчается и въ неоднократныхъ разглагольствованіяхъ Адуева на эту тему, когда онъ, напримѣръ, называетъ дружбу священнымъ чувствомъ, упавшимъ какъ будто ненарочно съ неба въ земную грязь, вторымъ провидѣніемъ. Такое-же восторженное отношеніе проявляетъ онъ и къ чувству любви и ко всякаго рода „вещественнымъ знакамъ невещественныхъ отношеній“, какъ, напримѣръ, колечко и прядь волосъ обожаемой дѣвушки. Любовь, по его мнѣнію, доставляетъ величайшее счастье въ мірѣ. По мѣткому замѣчанію его дяди, если бы во власти молодого Адуева было перестроить міръ, то у него повсюду среди розовыхъ кустовъ гуляли влюбленные и друзья. Мечтаетъ онъ „о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ“, о громкихъ подвигахъ, о славѣ. Точь въ точь такія же мечты посѣщаютъ и Райскаго и Обломова. Послѣдній, напримѣръ, любитъ, вообразить себя иногда какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Ерусланъ Лазаревичъ ничего не значить... Или избересть онъ арену мыслителя, великаго художника: всѣ поклонятся ему, онъ пожинаетъ лавры“.

Еще болѣе бросаются въ главѣ черты русскаго романтизма въ томъ идеалѣ жизни, который рисуетъ Обломовъ Штольцу въ началѣ второй части романа. Тутъ и сантиментально-нѣжныя отношенія между супругами съ составленіемъ букетовъ для жены, совмѣстными прогулками обнявшись по темной аллеѣ, мечтами вслухъ, и идиллическая дружба съ сосѣдями, и наслажденіе музыкой, поэзіей, природою; и надъ всѣмъ этимъ царить полный покой, не нарушаемый ни трудами, ни заботами о завтрашнемъ днѣ.

Такова романтическая струя русской помѣщичьей жизни, насколько она отразилась въ произведеніяхъ Гончарова. Нельзя не признать, что этотъ романтизмъ былъ очень мало похожъ на то литературно-общественное движеніе, какое было извѣстно подъ этимъ именемъ въ первую половину XIX-го вѣка въ западной Европѣ. Наше общество было слишкомъ мало подготовлено къ тому, чтобы воспринять лучшую его сторону. Поэтому, какъ справедливо замѣтилъ одинъ русскій писатель, „все это море идей, выступившихъ послѣ долгой внутренней работы изъ общественнаго сознанія Европы, въ своемъ широкомъ разливѣ, плеснуло случайной волной и къ нашему берегу и, какъ это бываетъ у береговъ, нагромоздило много песку и тины“.

Даниловъ Клавдій = Зурин

Обломовъ, какъ герой переходной эпохи.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію второй группы типовъ, созданныхъ Гончаровымъ. Это герои такъ называемой переходной эпохи, эпохи пробужденія. Одни изъ нихъ въ большей степени, другіе въ меньшей носятъ на себѣ слѣды вліянія старой русской жизни, о которой шла рѣчь выше. Здѣсь на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ знаменитый Илья Ильичъ Обломовъ, одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ въ русской художественной литературѣ образовъ, какъ по удивительной

Иванъ Ильичъ Обломовъ

яркости и правдивости изображения, такъ и по тому огромному значенію, какое онъ имѣеть для пониманія дореформенной русской жизни.

Образъ Обломова созданъ не сразу. Глава: „Сонъ Обломова“ въ видѣ отдѣльнаго этюда появилась въ печати въ приложеніи къ журналу: „Современникъ“ въ 1849-мъ году, и только черезъ девять лѣтъ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ весь романъ. Понадобился промежутокъ времени около десяти лѣтъ, чтобы задуманный художникомъ поразительный по своему захвату синтезъ русской жизни принялъ, наконецъ, тотъ видъ, въ какомъ его знаетъ вся читающая Россія.

Появленіе „Обломова“ въ печати совпало съ могущественнымъ подъемомъ духа въ русскомъ обществѣ наканунѣ „эпохи великихъ реформъ“, когда повсюду раздавался протестъ противъ отжившаго общественного строя, противъ мертваго застоя, въ какомъ находилась до тѣхъ поръ наша жизнь. Своимъ романомъ Гончаровъ, давши въ немъ единственное по широтѣ захвата художественное обобщеніе барской дореформенной Россіи, помогъ сразу разгадать, въ чемъ коренились главнѣйшія причины неподвижности и апатіи нашего общества. Его романъ представляетъ богатѣйшія данныя для изученія вліянія крѣпостного строя на духовный складъ русскихъ помѣщиковъ и даетъ обильный матеріалъ для сужденія о русской жизни вообще. Чтобы уяснить себѣ это громадное значеніе гончаровскаго „Обломова“, нужно подробнѣе остановиться на анализѣ характера главнаго героя романа, типичнаго представителя эпохи „пробужденія“ русского общества въ сороковые годы.

Мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который по своему умственному развитію, способности интенсивно мыслить и глубоко чувствовать, умѣнію понимать жизнь, рѣзко выдѣляется въ окружающей его средѣ. Въ молодости, въ студенческіе годы, онъ „сторгалъ отъ жажды труда, далекой, но обаятельной цѣли“, былъ полонъ желаніемъ „блага, доблести, дѣятельности“, развивался подъ благотворнымъ вліяніемъ научной мысли—изучалъ право, политическую экономію, осиливалъ съ учителемъ математики круги и квадраты, занимался переводами съ англійскаго, мечталъ даже о дальнѣйшемъ ученіи въ германскихъ университетахъ. Онъ увивался поэтами, волновался, плакалъ надъ ними, постоянно твердилъ: „вся жизнь есть мысль“ и строилъ планы реформъ ея. „Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества“. Случалось, что онъ, „исполнялся презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу и разгорался желаніемъ указать человѣку на его язвы“. Ясно, чѣмъ кто-нибудь, понималъ онъ всю безтолочь и пустоту свѣтской жизни, гдѣ на первомъ планѣ „вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиваніе другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу“. Когда Штольцъ пытается указать привлекательныя стороны общественной жизни, онъ съ горечью замѣчаетъ: „хороша жизнь! Чего тамъ искать? интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, это члены свѣта и общества. Что водить ихъ

въ жизни?... Войдешь въ залу и не налбуешься, какъ симметрически разсажены гости, какъ смиренно и глубокомысленно сидятъ за картами. Нечего сказать—славныя задачи жизни!... Собираются на обѣдъ, на вечеръ, какъ въ должность, безъ веселья, холодно, чтобы похвастать поваромъ, салономъ и потомъ подъ рукой осмѣять, подставить ногу идишь другому“. Ему противны люди, имѣющіе всю свою жизнь одно желаніе: „сбить съ ногъ другого и на его паденіи выстроить зданіе своего благосостоянія“, готовые по пять лѣтъ сидѣть и вздыхать въ приемной, лишь бы добиться своихъ мелкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не привлекаетъ его и практическая дѣятельность Штольца, имѣющая цѣлью одно наживаніе денегъ. Еще болѣе симпатичны сердечность и доброта Обломова, за которыя такъ любитъ его Штольцъ.

Казалось-бы, кому, какъ не этому человѣку, умному, образованному, съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, жить полною жизнью, на радость себѣ и другимъ. Между тѣмъ, „что-то помѣшало ему ринуться на поприще жизни и летѣть по немъ на всѣхъ парусахъ ума и воли. Какой-то тайный врагъ наложилъ на него тяжелую руку въ началѣ пути и далеко отбросилъ отъ прямого человѣческаго назначенія... Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища“. И вотъ лежитъ Илья Ильичъ цѣлые дни на диванѣ въ Петербургѣ на Гороховой улицѣ, до такой степени отвыкнувши отъ малѣйшаго движенія и всякой, даже ничтожной дѣятельности, что его приводитъ въ ужасъ мысль о необходимости перемѣнить квартиру и написать письмо старостѣ, завѣдующему деревенскимъ хозяйствомъ. Это лежебока, байбакъ, туеядецъ, губящій въ себѣ всѣ лучшія начала своей хорошей природы и, въ концѣ концовъ, умирающій медленной духовной и тѣлесной смертью. Вся исторія Обломова, какъ она развертывается передъ нами въ романѣ, есть глубоко-грустная повѣсть о томъ, какъ постепенно гибнетъ благородный, умный, симпатичный человѣкъ, самъ сознавая свою гибель и чувствуя полное безсиліе сдѣлать что-нибудь для своего спасенія.

Изображая картину постепеннаго духовнаго умиранія Обломова, его полную неприспособленность къ самой незначительной житейской борьбѣ, Гончаровъ съ полной ясностью раскрываетъ передъ нами причины духовнаго безсилія и гибели своего героя. Ключъ къ пониманію характера Обломова кроется въ знаменитомъ его „Снѣ“, къ анализу котораго мы теперь и приступимъ.

Самъ авторъ сбѣянилъ намъ значеніе этого „Сна“ для пониманія характера его героя. Изобразивши съ дивнымъ комизмомъ разъясненія Обломова Захару о томъ, какая разница между нимъ, баринкомъ, и „другимъ“, который „работаетъ безъ усталости, бѣгаетъ, суетится... а не поработаетъ, такъ и не съѣстъ“, самъ на себя натягиваетъ чулки, знаетъ нужду и голодъ, Гончаровъ затѣмъ рисуетъ намъ одну изъ ясныхъ, сознательныхъ минутъ своего героя, когда передъ его духовнымъ взоромъ во весь ростъ выступаетъ его собственное нравственное ничтожество. Мучительно больно становится ему „за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему“. „Отчего же это я такой?“ съ болью въ сердцѣ, почти со слѣзами на глазахъ спрашиваетъ себя Обломовъ. Еще неуспѣвшая вполнѣ отвыкнуть отъ работы мысль дѣятельно начинаетъ искать отвѣта на этотъ вопросъ и находить его. „Должно быть... это... оттого“, начинаетъ

Обломовъ формулировать этотъ созрѣвшій у него въ головѣ отвѣтъ, но охватившій его сонъ не даетъ ему договорить, и, какъ это часто бываетъ, готова мысль, сложившаяся при бодрствованіи въ отвлеченной формѣ, облекается во снѣ въ живые образы. Передъ его глазами проходитъ картина его дѣтства, такъ какъ въ условіяхъ воспитанія и вліянія окружающей среды нашель Обломовъ отвѣтъ на мучившій его вопросъ.

Передъ нами полный здоровья, живой, наблюдательный, одаренный пытливымъ умомъ, впечатлительный ребенокъ.

Въ немъ такъ много дѣтской рѣзвости, живого темперамента, что онъ, не успѣвъ встать съ кровати, начинаетъ шалить со своей няней. Живая натура требуетъ движенія, ищетъ выхода накопившейся энергіи, и потому, пока этотъ выходъ не найденъ, онъ всецѣло занятъ имъ. „Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять?“ вырывается вдругъ у него во время утренней молитвы давно вертѣвшаяся въ умѣ мысль, и онъ разсѣянно повторяетъ за матерью святыя слова, глядя въ окно, откуда мягкими волнами идетъ въ комнату манящій на волю весенній воздухъ, напоенный ароматомъ сирени. Наконецъ, онъ на дворѣ. Съ радостнымъ чувствомъ обѣжалъ онъ кругомъ родительскій домъ, попытался взлѣзть на отбавшую весь домъ висячую галерею, чтобы взглянуть оттуда на рѣчку, но, во время остановленный старушкой-няней, бросился къ крутой лѣстницѣ, ведущей на сѣноваль, задумалъ взобраться на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и т. д. Это настоящая „юла“, какъ называетъ его едва поспѣвающая за нимъ няня, ребенокъ, отличающійся большой живостью, подвижностью натуры.

Но не одна рѣзвость бьетъ ключемъ въ маленькомъ Обломовѣ. „Онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально“. Въ дѣтскомъ умѣ его одинъ за другимъ возникаетъ рядъ вопросовъ, на которые онъ жадно ищетъ отвѣта. „Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а уже будетъ и тамъ свѣтло?“ пытливо спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что отъ деревьевъ, отъ голубятни—отъ всего побѣжали длинныя тѣни. Предоставленный самому себѣ во время всеобщаго послѣобѣденнаго сна, противъ котораго не можетъ устоять и няня, онъ „забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжить жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ...; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжить у него въ лапахъ“ и т. д.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ натурой, которая, будучи поставлена въ благоприятныя условія, могла бы достигнуть высокаго развитія своихъ душевныхъ силъ, занять видное мѣсто въ жизни.

Но точно сама судьба ополчилась противъ бѣднаго ребенка и отдала его въ жертву такому вліянію воспитанія и окружающей среды, которое настойчиво, систематически подавляло въ немъ отмѣченные только что хорошіе природные задатки и, наоборотъ, развивало вредныя для него качества. Это было воспитаніе, являвшееся продуктомъ крѣпостнаго строя жизни, это была среда, созданная тѣмъ же крѣпостнымъ правомъ.

Первымъ правиломъ этого воспитанія было внушеніе ребенку мысли о томъ, что онъ баринъ, что у него есть „Захаръ и еще 300 Захаровъ“ для удовлетворенія всѣхъ его нуждъ и исполненія малѣйшихъ прихотей, и что ему вовсе не нужно и даже зазорно дѣлать для себя что-нибудь самому. И потому няня, несмотря на семилѣтній возрастъ мальчика, натягиваетъ на него чулки, умываетъ его, причесываетъ голову. То же повторяется и въ 14 лѣтъ съ той только разницею, что мѣсто няни занимаетъ Захарка, „а Ильюша... только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ“. Прямымъ слѣдствіемъ такого воспитанія было подавленіе въ ребенкѣ всякой самодѣтельности, уничтоженіе въ немъ той врожденной энергіи, жажды движенія, труда, которыя живымъ ключемъ били въ немъ. Захочетъ онъ, какъ рѣзвый мальчикъ, сдѣлать что-нибудь для себя самъ, какъ отовсюду раздаются голоса, указывающіе на то, что это не барское дѣло, что для этого существуютъ Васьки, Ваньки, Захарки. „Послѣ онъ нашель, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать:—Эй, Васька, Ванька, подай то, дай другое! не хоху того, хоху этого! Сбѣгай, принеси!“

Никто не думалъ о томъ, чтобы предоставленіемъ ребенку разумной свободы развивать въ немъ драгоценныя качества человѣческой природы,—потребность въ дѣятельности физической и умственной. Каждый шагъ его опекался и парализовался не въ мѣру нѣжными родителями, не считавшими однако нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы ихъ сынъ находилъ для себя въ окружающемъ здоровую умственную пищу. Какова была эта пища, какого рода отвѣты получалъ онъ на тѣ вопросы, которые рождались въ его головѣ, можно прекрасно судить по тому, что слышалъ онъ отъ няни, спросивъ ее, почему въ одномъ мѣстѣ свѣтло, а въ другомъ темно. „Оттого, батюшка,—отвѣчала,—что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится, а уже какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ“. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить должнымъ образомъ естественную любознательность ребенка, мать и няня давали волю своей необузданной фантазіи и населяли его воображеніе разсказами о какой-то невѣдомой странѣ, гдѣ нѣтъ ни почей, ни холода, гдѣ все совершается чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день деньской только и знаютъ, что гуляютъ. И такъ искусно въ этихъ разсказахъ обходилось все, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, такъ сильно вліяли они на впечатлительнаго ребенка, что „воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости“. Хотя и знаетъ взрослый Илья Ильичъ, что нѣтъ въ дѣйствительности тѣхъ чудесъ, о которыхъ онъ слышалъ въ дѣтствѣ, все же „у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ незаработанномъ платьѣ, поѣсть на счетъ доброй волшебницы“, и онъ „безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка“.

Не давая ничего, что хоть сколько-нибудь способствовало бы развитію природныхъ дарованій ребенка, окружавшая Обломова среда своимъ захватывающимъ вліяніемъ подчинила его себѣ, отравила его душу. Природная чуткость и впечатлительность Ильюши, которыя, при благоприятныхъ условіяхъ, могли бы мощно содѣйствовать его духовному росту, сослужили ему плохую службу, напитавъ его тлетворными впечатлѣніями окружавшей среды. Рисуя картину дѣтства Обломова,

Гончаровъ нѣсколько разъ, варьируя на разные лады, повторяетъ одну и ту же мысль,—какъ дѣтскій умъ Ильюши наблюдаетъ все совершающіяся предъ нимъ явленія жизни, какъ они глубоко западаютъ въ его душу и потомъ вмѣстѣ съ нимъ растутъ и зрѣютъ. Мы уже знаемъ отчасти, что это была за жизнь. Какъ живая, во всехъ деталяхъ встаетъ она предъ нашими глазами въ мастерскомъ изображеніи Гончарова. „Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и бессознательно чертитъ программу своей жизни по жизни его окружающей“. Видитъ Ильюша, что его отецъ по цѣлымъ днямъ только и знаетъ, что ходить изъ угла въ уголь, заложивъ руки назадъ, или же неподвижно сидитъ у окна, глядя въ пространство и отъ скуки дѣлая безсмысленныя замѣчанія проходящей мимо дворнѣ; что никогда не придетъ ему въ голову провѣрить самому, какъ идетъ хозяйство, что даже незначительная работа по дому, какъ починка готовыхъ обручей галлерей и крыльца, представляется для него настолько сложнымъ дѣломъ, что онъ никакъ не можетъ взяться за него; замѣчаетъ онъ, что мать только и дѣлаетъ, что хлопочетъ о фѣѣ и переходитъ отъ кофе къ чаю, отъ чаю къ обѣду; что цѣлый штатъ крѣпостныхъ слугъ, готовыхъ исполнить малѣйшій барскій капризъ всегда къ услугамъ его родителей. И невольно дѣтскій умъ его, исполнившійся впечатлѣній домашней жизни, прежде чѣмъ ему стали доступны притокъ иныхъ понятій, хотя бы черезъ книги, рѣшаетъ, что именно такъ и нужно жить, какъ живутъ окружающіе его люди. Неоткуда было бѣдному мальчику набраться свѣжихъ, животворящихъ впечатлѣній, могущихъ дать здоровую пищу его уму, некому было позаботиться о томъ, чтобы его богато одаренная натура получила разумный просторъ для своего развитія. Какъ нѣжно лелѣемое тепличное растеніе, росъ онъ, точно подъ стекломъ, медленно и вяло. „Ищущія проявленія силы обращались внутрь и нигде увядаѣ“.

Такъ подъ вліяніемъ нелѣпаго воспитанія въ раннемъ дѣтствѣ и губительнаго воздѣйствія среды пропадали хорошіе природные задатки Ильюши. Они могли бы найти подходящія условія для развитія позднѣе, въ годы ученія и тогда первоначальная закваска въ значительной степени потеряла бы свою силу и могла совсемъ исчезнуть. Но своеобразной строй обломовской жизни налагалъ свой отпечатокъ и на ученіе какъ домашнее, такъ и школьное. Какъ не инертна была жизнь и среда, окружающая Обломова въ дѣтствѣ, какъ ни равнодушно относилась она къ знанію и просвѣщенію, все же „времена Простаковыхъ и Скотининыхъ миновались давно. Пословица: ученіе—свѣтъ, неученіе—тьма бродила уже по селамъ и деревнямъ вмѣстѣ съ книгами, развозимыми букинистами“. Даже обломовцы понимали выгоды и преимущества образованія, но понимали ихъ по своему. Они видѣли, что тотъ, кто имѣлъ дипломъ, удостовѣряющій въ прохожденіи полного курса ученія, быстро хваталъ чины и кресты, наживалъ деньги, тогда какъ старые служаки, по видимому, искусившіяся во всехъ тонкостяхъ буквѣдства и крючкотворства, или оставались въ хвостѣ, или—того хуже—должны были убраться по добру по здорову. Отсюда ближайшее заключеніе, дальнѣе котораго они не шли,—нужно соблюсти предписанную форму, добыть для Ильюши какой-то аттестатъ, въ которомъ будетъ сказано, что онъ „прошелъ все науки и искусства“, и чѣмъ меньше будетъ затрачено на это труда и усилій, тѣмъ лучше. Они цѣнили только внѣшнюю выгоду об-

разованія и не понимали той громадной роли, какую играет оно въ дѣлѣ развитія духовныхъ силъ человѣка, въ подготовкѣ его къ разумному существованію, удовлетворяя естественные запросы человѣческаго духа. Вотъ почему годы ученія у Штольца не могли уничтожить въ Ильюшѣ вліяніи родной ему Обломовки, которая находилась слишкомъ близко; обаяніе ея привычекъ и атмосферы, благодаря постояннымъ поѣздкамъ Ильюши домой, парализовало всѣ начинанія Штольца. Что могъ сдѣлать со своимъ питомцемъ даже такой энергичный нѣмецъ, какъ старый Штолецъ, если обломовцы постоянно выискивали поводы къ тому, чтобы Ильюша поменьше мучилъ себя неизбѣжнымъ зломъ—ученіемъ. Всѣ были убѣждены, что печеніе блиновъ самый настоящій поводъ къ тому, чтобы не ѣхать къ нѣмцу, что праздникъ въ четвергъ—неодолимое препятствіе къ ученію во всю недѣлю, и что поэтому незачѣмъ ѣздить взадъ и впередъ на три дня; что послѣ пасхальныхъ вакацій на двѣ недѣли не стоитъ ѣздить учиться, и т. д. То небольшое время, какое находился маленький Обломовъ подъ вліяніемъ своего учителя, тоже не могло принести существенной пользы, ибо старый Штолецъ встрѣтилъ неожиданное противодѣйствіе въ лицѣ своего сына, который, подруживши съ Ильюшей и горячо полюбивъ его, тайкомъ отъ отца половину работы исполнялъ за него.

Такимъ образомъ, и дѣтство, и отрочество, тѣ періоды жизни, когда въ значительной мѣрѣ слагаются наклонности и характеръ человѣка, опредѣляется его духовный обликъ. Ильюша Обломовъ находился подъ непрестаннымъ вліяніемъ окружающей его среды, которое такъ глубоко проникло въ его душу, что не могло быть искренно ни въ годы студенческой жизни, ни въ послѣдующій зрѣлый періодъ ея. Превжная живая, любознательная натура уже въ значительной степени была задавлена лѣнью и зарождающейся апатіей, съ которыми подчасъ онъ уже не въ силахъ бороться. Сказывалось это въ его, порою, чисто формальномъ отношеніи къ изучаемымъ наукамъ, которыя усваивались имъ безъ всякаго интереса. Юношескій подъемъ силъ, жажда знанія, которыя охватили одно время Обломова, когда онъ жилъ всѣми фибрами своей души, продолжались не долго. „Цвѣтъ жизни распустился, но не далъ плодовъ. Обломовъ отрезвился и только изрѣдка, по указанію Штольца, прочитывалъ ту или другую книгу, но не вдругъ, не торопясь, безъ жадности, а лѣнливо пробѣгалъ глазами по строкамъ“. Въ концѣ концовъ, ко времени окончанія курса Обломовъ потерялъ всякій вкусъ къ умственной работѣ; знаніе было для него мертвымъ капиталомъ, между нимъ и жизнью лежала цѣлая бездна, которую онъ не пытался перейти, оно не могло дать направленія его существованію, повліять на него. Жизнь въ его представленіи дѣлилась на двѣ половины: одна изъ нихъ была исполнена труда и неразлучной съ нимъ, въ его представленіи, скуки, другая состояла изъ покоя и мирнаго веселья.

Однако онъ не остался въ Обломовкѣ мирно наслаждаться прелестями деревенскаго существованія. Университетская жизнь все же дала пищу врожденной потребности къ дѣятельности и спасла его на время отъ окончательной гибели. Онъ былъ полонъ еще разныхъ широкихъ стремленій и надеждъ, чего то ждалъ отъ себя и отъ жизни, мечталъ о роли, которую онъ будетъ играть на служебномъ поприщѣ и въ обществѣ, въ отдаленной перспективѣ видѣлъ семейное счастье. Все это заставило его покинуть родное гнѣздо и отправиться на поиски счастья въ Петербургъ. Но первыя же столкновенія съ дѣйствительною жизнью, которая потребо-

вала отъ него труда и энергии, совсѣмъ ошеломили его, и онъ, десять лѣтъ все собираясь что-нибудь дѣлать, кончилъ тѣмъ, что, потерявъ позорное фiasco, вслѣдствіе своего перадѣнія на служебномъ поприщѣ, оставилъ всякія мечты о повышеніяхъ, чинахъ и орденахъ и вышелъ въ отставку.

Глубоко пустившая въ него свои корни лѣнь и апатія вскорѣ побудила его порвать почти всѣ связи съ обществомъ, и онъ постепенно погружался въ спячку духовную и тѣлесную. Могуществѣннѣйшее изъ человѣческихъ чувствъ—любовь на время пробудило его, возродило духовно, но старая закваска оказалась сильнѣе, и мы видимъ, что онъ со страшной болью въ сердцѣ отказывается отъ любимой дѣвушки, чтобы живо похоронить себя на Выборгской сторонѣ, отдать свою душу и жизнь во власть того настроенія, которое выросло въ русской дореформенной помѣщичьей жизни на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ. „Кто проклялъ тебя Илья?“ спрашиваетъ Ольга съ мучительной болью въ сердцѣ, потерявши въ него вѣру: „что ты сдѣлалъ? ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу“...—„Есть“, прошепталъ Обломовъ въ отвѣтъ чуть слышно: „обломовщина“.

Такъ самъ Илья Ильичъ называлъ погубившую его силу. Сила эта—дореформенный строй жизни, покоившійся на крѣпостномъ правѣ. Главный источникъ ея могущества скрывался въ услугахъ „трехсотъ Захаровъ“, въ безвозмездномъ пользованіи чужимъ трудомъ, въ беззаботной, празднои, сытой жизни. Въ этомъ отличіе жалкаго прозябанія Обломова отъ полной дѣятельности жизни тѣхъ, кто въ трудѣ видитъ необходимое условіе человѣческаго счастья и прогресса. Самъ Обломовъ, какъ нельзя лучше, въ разговорѣ съ Захаромъ указалъ, въ чемъ разница между нимъ, бариниомъ, и „другимъ“. „Другой работаетъ безъ усталы, — поясняетъ Илья Ильичъ, — бѣгаетъ, суетится, не поработаетъ, такъ и не поѣстъ... А я?.. Да развѣ я мечусь, развѣ я работаю? Мало ѣмъ, что ли? Худошавъ или жалокъ на видѣ? Развѣ недостааетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому. Я не разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу. Стану ли я беспокоиться? Изъ чего мнѣ?.. Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался“. Но именно то, чѣмъ такъ гордится Обломовъ въ этой бесѣдѣ съ Захаромъ, и погубило его. Вліяніе „обломовщины“ настолько сильно, что она, какъ сорная трава, заглушаетъ неокрѣпшіе побѣги нужнаго человѣку растенія, въ концѣ концовъ подавила въ Ильѣ Ильичѣ всѣ проблески новыхъ вѣяній, какими успѣлъ проникнуться онъ, всѣ задатки богато одаренной натуры. И погибъ этотъ глубоко симпатичный человѣкъ, стоящій на распутьѣ двухъ эпохъ русской общественности, засосанный въ тину дореформенной барской жизни, одурманенный съ ранняго дѣтства ея тлетворнымъ духомъ.

Рѣдкимъ по своей художественности и широтѣ захвата изображеніемъ въ „Обломовѣ“ губительнаго вліянія крѣпостнаго строя жизни на самихъ помѣщиковъ Гончаровъ, какъ нельзя болѣе, содѣйствовалъ раздавшемуся въ то время изъ передовыхъ слоевъ общества призыву противъ спячки и застоя, въ которые было погружено, въ общей массѣ, дворянское сословіе. Молодой критикъ Добролюбовъ въ блестящей статьѣ, подъ заглавіемъ: „Что такое обломовщина“, лучше которой до

сихъ поръ ничего не написано о романѣ Гончарова, привелъ остроумную параллель между Обломовымъ, съ одной стороны, и Онѣгинымъ, Печоринымъ и Рудинимъ съ другой, и наглядно показалъ, какъ глубоко захватилъ Гончаровъ въ своемъ романѣ одно изъ основныхъ свойствъ родной жизни, указавши въ то же время причины и условія его существованія. Для насъ Обломовъ—единственный въ своемъ родѣ художественный синтезъ жизни дореформеннаго русскаго барства.

Гончарову думалось, что съ наступленіемъ въ русской жизни новой эпохи, эпохи освобожденія и великихъ реформъ, приближеніе которыхъ ясно чулось въ послѣдніе годы созданія „Обломова“, обломовщина исчезнетъ. Посѣщая въ послѣдній разъ Илью Ильича, Штольцъ уходитъ отъ него съ такими мыслями: „Погибъ ты, Илья! Нечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца... что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ школы, грамота, а дальше... Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ“. Но Штольцъ, устами котораго въ этомъ случаѣ, конечно, говоритъ самъ авторъ, ошибался. „Дѣло вѣковъ поправлять не легко“, и Гончаровъ слишкомъ рано написалъ надгробное слово обломовщинѣ. Еще Добролюбовъ мѣтко замѣтилъ, что Обломовка—наша прямая родина, и что въ каждомъ изъ насъ сидитъ не мало обломовщины. Замѣчаніе это въ значительной мѣрѣ примѣнимо и къ послѣдующей русской жизни вплоть до нашихъ дней, когда нерѣдко приходится встрѣчаться съ барской изнѣженностью, боязнью труда, отсутствіемъ энергіи и предпримчивости, голубиной кротостью, лѣнью и апатіей, исключаящими всякую возможность борьбы за лучшее будущее.

Отсюда цѣнность Обломова, какъ художественнаго образа значительно повышается: въ немъ слѣдуетъ видѣть не только временный, историческій, но и племенной русскій типъ, свойственный цѣлому ряду эпохъ, коренившійся въ основахъ нашей исторической, общественной и государственной жизни. Не даромъ слово „обломовщина“, такъ удачно характеризующее одинъ изъ существеннѣйшихъ пороковъ нашей общественной жизни, получило широкія права гражданства и не рѣдко употребляется въ литературѣ и жизни.

Но этимъ не исчерпывается значеніе образа Обломова. Создавая типъ, являющійся кореннымъ для всей русской жизни, Гончаровъ въ то же время далъ намъ и общечеловѣчскій образъ и показалъ, какъ подъ влияніемъ соответствующихъ условій овладѣваютъ даровитой личностью лѣнь и апатія, которыя мало по малу поработаютъ себѣ всѣ лучшія движенія мысли и чувства. Въ этомъ отношеніи Обломовъ такой же вѣковѣчный типъ, какъ Гамлетъ, Донъ-Кихоть, Чацкій и др., но въ рамкахъ исторической картины русской жизни сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка онъ—яркій представитель эпохи пробужденія русскаго общества, затопленный мутнымъ потокомъ старой жизни.

Райскій, Ольга и Вѣра.

Къ той же группѣ, что и Обломовъ, относится еще нѣсколько лицъ изъ гончаровскихъ романовъ. Таковы Райскій, Ольга и Вѣра, а также отчасти молодой

Адуевъ. Всѣ они имѣютъ ту общую черту, что не могутъ вполне отрѣшиться отъ вліяній стараго строя жизни, хотя и не поддаются ему въ такой мѣрѣ, какъ Обломовъ. Но это не мѣшаетъ, порою довольно сильно, проявляться въ нихъ новымъ настроеніямъ и идеямъ, знаменующимъ пробужденіе общественнаго самосознанія.

Образъ Райскаго, какъ и Обломова, является однимъ изъ наиболее разработанныхъ у Гончарова. По первоначальному замыслу, это должна была быть настолько центральная фигура, что самый романъ предполагалъ авторъ озаглавить: „Художникъ“. Но мало по малу сюжетъ задуманнаго романа все расширялся, вводились все новыя и новыя лица, съ которыми Райскій долженъ былъ въ значительной степени раздѣлить свою роль, какъ главнаго героя. Тѣмъ не менѣе, при всей трудности работы надъ этимъ характеромъ, чрезвычайно сложнымъ, измѣнчивымъ, едва уловимымъ для художественной передачи, какъ объ этомъ признается самъ Гончаровъ, ему удалось создать въ его лицѣ типичнѣйшаго представителя поколѣнія сороковыхъ годовъ. По толкованію автора, Райскій—ближайшій сынъ Обломова, герой эпохи пробужденія. „Сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель... Онъ умомъ и совѣстью принялъ новыя животворныя сѣмена, но остатки еще невымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло“. Такимъ образомъ, согласно указаніямъ самого Гончарова, мы должны искать въ Райскомъ, какъ героѣ переходной эпохи, свойствъ, сближающихъ его, съ одной стороны, со старой, дореформенной русской жизнью, а съ другой—такихъ, которыя дѣлаютъ его провозвѣстникомъ новаго направленія общественной мысли, которое расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ въ шестидесятые годы.

Посмотримъ, въ чемъ примыкаетъ Райскій къ старинѣ.

Въ немъ, несомнѣнно, есть черты, роднящія его съ романтизмомъ настроеніемъ старой дворянской жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Правда, онъ чуждъ каррикатурной возни съ цвѣтами, какъ тетушка Адуева, не мечтаетъ о вѣчной дружбѣ и не земной любви, но все же любовь у него на первомъ планѣ. Онъ ищетъ въ ней бурныхъ порывовъ страсти, которая, какъ гроза въ природѣ, очищаетъ воздухъ, освобождаетъ душу отъ власти обыденщины, даетъ дохнуть настоящей жизни. Вся его жизнь исполнена погони за этимъ чувствомъ и наполняетъ значительную часть его внутренняго міра. На ряду съ этимъ мы замѣчаемъ у него культъ красоты, которую онъ умѣетъ отыскать въ различныхъ проявленіяхъ жизни, а также искреннее увлеченіе искусствомъ, что сближаетъ его, напримѣръ, съ тургеневскими представителями русскаго романтизма означенной эпохи. Еще болѣе характерной чертой времени является въ немъ разногласіе между словомъ и дѣломъ, неспособность провести въ жизнь тѣ идеалы, которые въ такую красивую форму облекаются въ его рѣчахъ. Такъ, онъ очень горячо рисуетъ передъ Бѣловодовой печальную картину русской деревни, гдѣ мать на произволь судьбы бросаетъ ребятишекъ, чтобы работать на барской нивѣ, а мужъ ея „бьется въ бороздахъ на пашнѣ или тянется съ обозомъ въ трескучій морозъ, чтобы добыть хлѣба, буквально хлѣба, уголить голодь съ семьей и, между прочимъ, внести въ контору пять или десять рублей“, и когда взволнованная этой проповѣдью Бѣловодова спрашиваетъ, что же онъ дѣлаетъ для облегченія горькой доли своихъ крестьянъ, она получаетъ такой

отвѣтъ: „Мало дѣлаю имъ—почти ничего, къ стыду моему или тѣхъ, кто меня воспитывалъ. Я давно вышелъ изъ опеки, а управляеть все тотъ же опекунь, и я не знаю какъ. Есть у меня еще бабушка въ другомъ уголкѣ,—тамъ какой то клочекъ земли есть,—въ ихъ рукахъ все же лучше, чѣмъ въ моихъ“. Тоже самое и въ его занятіяхъ искусствомъ. Имѣя отъ природы большія художественныя способности, горячо любя искусство и превознося на словахъ служеніе ему, онъ на дѣлѣ бросается къ живописи, скульптурѣ, поэзій и ни въ одной области не можетъ создать ничего путнаго, ибо въ немъ нѣтъ умѣнія трудиться, онъ не имѣетъ для служенія дѣлу необходимой выдержки, „какъ гири на ногахъ, его тянетъ назадъ обломовщина“. Въ спорахъ съ бабушкой онъ произноситъ грозныя филиппики противъ извѣженности, барства, крѣпостного права, а самъ съ удовольствіемъ спитъ на мягкой постели, любитъ хорошо покушать и, „какъ прямой сынъ Обломова, даетъ ворча снимать съ себя сапоги“; что касается до крестьянъ, то онъ и шагу не сдѣлалъ, чтобы дать имъ свободу, за которую порою такъ ратуетъ.

Но на ряду съ указанными чертами Райскаго, которыя являются результатомъ вліянія стараго строя, въ немъ кипитъ новая жизнь, новыя идеи, которымъ не ужиться со старымъ порядкомъ.

Прежде всего, его отношеніе къ народу. Своимъ чуткимъ сердцемъ понимая его бѣдственное положеніе, онъ вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени желаетъ ему свободы и не разъ задумывается о ней, какъ, напримѣръ, возвращаясь съ Тушинымъ домой по роднымъ полямъ. Онъ чуждъ, затѣмъ, сословныхъ предразсудковъ и не цѣнитъ вовсе своей родовитости, относясь съ пренебреженіемъ къ портретамъ представителей своего рода „полипявшимъ господамъ въ робронахъ и манжетахъ“. Онъ протестуетъ противъ семейнаго деспотизма, отстаиваетъ свободу личности, ведетъ горячіе споры по цѣлому ряду самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, съ представительницей минувшаго вѣка—бабушкой. Въ самомъ его восхищеніи искусствомъ чувствуется новое, свѣжее настроеніе, чуждое отживающей эпохѣ; онъ стоитъ за то, чтобы искусство сошло со своихъ высокихъ ступеней въ людскую толпу, служило жизни. Правда, всѣмъ благороднымъ порывамъ Райскаго не осуждено осуществиться, перейти въ жизнь, но онъ не такъ ужъ много виноватъ въ этомъ. Онъ—родной сынъ своей среды, своей эпохи.

При смѣнѣ двухъ направленій жизни всегда встрѣчаются характеры, которые несутъ на себѣ всю тягость общественнаго перелома. Это—нецѣльныя, раздвоенныя натуры. Ихъ несчастье въ томъ, что въ ихъ душѣ царитъ вѣчное, неизгладимое противорѣчіе: одной половиной своего существа, своими вѣрованіями, убѣжденіями, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ они—дѣти новаго времени, между тѣмъ какъ привычки, традиціи, слабость воли заставляютъ ихъ цѣпляться за старое, отжившее. Райскій вполне примыкаетъ къ этимъ характерамъ. „Подъ него,—говоритъ Гончаровъ, выяснилъ смыслъ созданныхъ имъ образовъ,—подходили тогда многіе наши интеллигентные люди, считавшіеся передовыми. Ихъ называли романтиками, крайними идеалистами. Они пока еще порывались къ новому, много говорили, ставили себѣ идеалы, бросались отъ одного дѣла къ другому, искали дѣятельности. И туда, въ этотъ періодъ, ушло много растерявшихся втунѣ талантовъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго пути, сознательныхъ цѣлей и снѣдаемыхъ и своей собственной и казенной обломовщиной“.

Новыя вѣянія русской жизни, черты которыхъ мы отмѣчали въ Обломовѣ и Райскомъ, находили себѣ доступъ во внутренней мѣрѣ не только мужского, но и женскаго поколѣнія дворянской среды. Чтеніе книгъ, разговоры, непосредственное наблюденіе жизни—все это будило мысль наиболее чуткихъ натуръ женскаго общества, вызывало въ нихъ новыя, неясныя стремленія, заставляло понемногу отрѣшаться отъ установленныхъ традиціей взглядовъ, понятій и привычекъ жизни. Но если не сразу и не легко давалась мужскому поколѣнію эта ломка понятій, то еще труднѣе было совершиться ей въ умѣ и чувствѣ русской женщины, какъ потому, что ей менѣе были доступны новыя идеи и настроенія, такъ и, съ другой стороны, въ силу большого консерватизма женской природы, вѣками выработавшейся склонности ея держаться установившихся и освященныхъ прошлымъ формъ жизни.

Оттого и первый созданный Гончаровымъ женскій типъ переходной эпохи—Ольга Ильинская въ „Обломовѣ“ въ значительной мѣрѣ является продуктомъ окружающей ее среды и условий жизни. Но одновременно съ этимъ въ ней замѣчаются и другія начала, свидѣтельствующія о близкомъ поворотѣ на новую дорогу. Характеръ Ольги, какъ и вообще женскіе образы, разработаны у Гончарова съ большою полнотою и художественною правдою. На ряду съ глубоко симпатичными индивидуальными свойствами, авторъ даетъ обильный матеріалъ для заключеній о томъ, какую форму приняли они подъ воздѣйствіемъ вліяній старой жизни. Мы не будемъ однако останавливаться на этихъ сторонахъ личности Ольги, такъ какъ уже въ достаточной мѣрѣ разсмотрѣли старую Русь въ изображеніи Гончарова, а посмотримъ, какъ отразились на ней только что зародившіеся въ обществѣ новыя запросы.

Природная пылкость ума, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условий, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ вліяніе „новаго челоуѣка“ Штольца, переходитъ у Ольги въ настоящую жажду знанія. „Зачѣмъ насъ, женщинъ, не учать?“ съ горечью восклицаетъ она и всюду ищетъ отвѣтовъ на интересующіе ее вопросы. Она не даетъ покою Обломову и Штольцу, и даже этотъ послѣдній не въ состояніи одолѣть всѣхъ книгъ, при помощи которыхъ можно разрѣшить недоумѣнія Ольги. Сдѣлавшись женою Штольца, она его „ревновала къ каждой непоказанной ей книгѣ, журнальной статьѣ, не шутя сердилась или оскорблялась, когда онъ не заблагоразсудитъ показать ей что-нибудь, по его мнѣнію, слишкомъ серьезное, скучное, непонятное ей... и только тогда мирилась, когда онъ... раздѣлитъ съ нею свою мысль, знаніе или чтеніе“.

Но одно приобрѣтеніе знаній, отвлеченная, разсудочная работа не удовлетворяютъ Ольги. Она ищетъ живого дѣла, непосредственнаго примѣненія къ жизни своихъ силъ.

Съ какою охотою и любовью берется она за перевоспитаніе Обломова. Вся исторія ея любви къ нему есть не что иное, какъ результатъ вѣры въ „будущаго“ Обломова, какимъ она хотѣла его сдѣлать. Но когда она увидѣла, что, несмотря на всѣ ея усилія, Обломовъ не можетъ ей дать ничего, кромѣ погруженнаго въ апатію и бездѣйствіе воркованія вокругъ семейнаго очага, не укажетъ ей другого, болѣе содержательнаго пути жизни, она первая со страшною болью въ сердцѣ разорвала съ нимъ всякія отношенія. „Ты кротокъ, честень, Илья,—говоритъ она въ послѣднее свиданіе съ нимъ,—ты нѣженъ, какъ голубь... ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей. Да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то

еще, а чего—не знаю!“ И понявъ, что Обломову не научить ее, что не ему указать, чего ей недостаетъ и гдѣ найти удовлетвореніе въ жизни, она разстается съ нимъ.

Казалось бы, жизнь со Штольцемъ должна была удовлетворить ее, ибо эта жизнь—идеаль супружескихъ отношеній, гдѣ мужъ и жена живутъ душа въ душу, но и она не даетъ полного удовлетворенія Ольгѣ, несмотря на то, что мысль ея постоянно занята приобрѣтеніемъ различнаго рода знаній и внимательно слѣдитъ за разнообразной практической дѣятельностью мужа, его коммерческими, заводскими и всякаго рода другими предпріятіями. Въ жизни ея въ самый разгаръ семейнаго счастья со Штольцемъ все чаще и чаще наступаютъ какія то „задумчивыя остановки“, смущеніе, возникаютъ въ головѣ смутные, туманные вопросы: „Куда же итти? Куда! дальше нѣтъ дороги! Ужели нѣтъ?.. Ужели тутъ все... все“... говорила сама съ собой Ольга и чего-то не договаривала. „Все тянетъ меня куда-то еще“, признается, наконецъ, она Штольцу: „я дѣлаюсь ничѣмъ не довольна“. Тотъ объясняетъ это, какъ отголосокъ общаго недуга человѣчества, одна капля котораго брызнула и на Ольгу; это, по его мнѣнію, „грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ“. Нужно смириться передъ нею, вооружиться твердостью и настойчиво итти своимъ путемъ. „Мы не титаны съ тобой,—успокаиваетъ онъ Ольгу,—мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье... Все это странно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры“... Но въ томъ-то и дѣло, что Штольць, а вмѣстѣ съ нимъ и Ольга, при всей его кипучей дѣятельности, въ сущности, оторванъ отъ жизни, не знаетъ ея во всей полнотѣ, ибо онъ ничѣмъ не связанъ съ окружающимъ его обществомъ, чуждъ его радостей и печалей. Томленіе Ольги есть безсознательный призывъ живой, энергичной, гуманной природы къ болѣе широкой жизни, къ труду не ради одной наживы, а дающему нравственное удовлетвореніе, устанавливающему духовную связь съ окружающимъ обществомъ, предающему высшій смыслъ существованію отдѣльной личности, словомъ, стремленіе къ общественной дѣятельности въ той или другой формѣ.

Такова эта пробуждающаяся русская женщина, родная сестра тургеневской Елены, сумѣвшая, несмотря на благопріятныя условія, благодаря чистотѣ своей природы опередить того, кто былъ главнымъ вдохновителемъ ея.

Другимъ женскимъ образомъ переходной эпохи, отъ котораго вѣетъ грустнымъ трагизмомъ, является Вѣра въ „Обрывѣ“, характеръ, разработанный Гончаровымъ съ такой же художественной полнотой и психологической правдой, какъ и у Ольги, но еще болѣе обаятельный, благодаря богатству духовныхъ силъ, сердечности и женственной граціи. Она является какъ бы слѣдующей за Ольгой ступенью въ развитіи русской женщины, ибо, по замыслу автора, принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей, примѣрно второй половинѣ пятидесятихъ годовъ. Какъ и при разборѣ осмотрованныхъ выше типовъ мужскихъ и женскихъ, мы преимущественно остановимся на тѣхъ изъ главнѣйшихъ свойствъ Вѣры, которыя характеризуютъ ее, какъ представительницу создавшей ее эпохи.

Вѣра—родная сестра Марѣинки, выросшая и воспитанная въ одинаковыхъ съ

нею условіяхъ. Однако между ними громадная разница. Тогда какъ Марѣинька лишена всякой умственной самостоятельности и потому можетъ жить только по указкѣ старшихъ, Вѣра съ дѣтства одарена сильнымъ, пытливымъ умомъ, независимымъ характеромъ, большой долей самостоятельности, побуждающей ее, помимо всякихъ непосредственныхъ вліяній, самобытно выработать свое міровоззрѣніе. При такихъ природныхъ задаткахъ, Вѣра никакъ не можетъ прійтись ко двору старой русской жизни, сторонникамъ которой она, кажется, не даромъ „мудреной“. „Свой умъ, видишь-ли, и своя воля выше всего“, жалуется на нее бабушка Райскому: „и бабушка не смѣи спросить ни о чемъ; и нѣтъ ничего, не знаю да не вѣдаю. На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мною, а я не зная, что она любитъ, что нѣтъ“. Она, по мѣткому выраженію Марѣиньки, „не здѣлания“.

Не будучи способна, въ силу своей духовной организаціи, слиться съ окружающимъ ее миромъ, она подвергается его безпристрастному анализу, отдѣляетъ въ немъ старую ложь отъ старой правды. Не легко давалась ей эта работа. „Исключительная, глубокая натура ея долго довольствовалась тѣмъ запасомъ наблюденій, небольшихъ опытовъ, которые она добывала около себя. Нѣсколько человѣкъ замѣняли ей толпу; то, что другой соберетъ со многихъ встрѣчъ, во многіе годы и во многихъ мѣстахъ, давалось ей въ двухъ-трехъ уголкахъ, по ту и другую сторону Волги, съ пяти и шести лицъ, представлявшихъ для нея весь людской міръ“. Но вскорѣ пришли на помощь книги, и она жадно набросилась на нихъ, желая тамъ найти не только пищу для ума, но и отвѣты на вопросы, въ чемъ правда, какъ надо жить. Тутъ были сочиненія Спинозы, Вольтера, Макколея, Прудона, Гизо и др. Мало по малу кругозоръ ея все расширялся и прояснялся. Но она не подпала безотчетно обаянію сильныхъ умовъ. Въ области мысли, знанія, какъ и вообще въ жизни, она шла осторожнымъ шагомъ, не принимая на вѣру авторитетовъ, не полагаясь на нихъ слѣпо. Какъ ни трудно было ей дышать въ затхлой атмосферѣ устарѣвшихъ формъ жизни, но она не отрицала ихъ съ плеча, а брала изъ нихъ то, что казалось ей правдой. Такъ мало по малу составилась у ней свой идеалъ жизни, въ которомъ она стремилась соединить лучшія черты прошлаго съ тѣмъ новымъ, что вынесла она изъ книгъ и критическаго созерцанія окружавшей жизни.

Когда появился Маркъ Волоховъ съ полнымъ отрицаніемъ „всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ“, она стала внимательно вслушиваться въ горячую проповѣдь новаго апостола. Многого изъ того, на что безпощадно нападалъ Волоховъ въ старомъ свѣтѣ, Вѣра сама не признавала, но она не находила въ его рѣчахъ идеаловъ, правды, добра, любви, человѣческаго совершенствованія, къ которымъ такъ стремилась ея душа, а между тѣмъ крупицы ихъ,—она это знала,—были въ той жизни, которую такъ клеймилъ враждой и презрѣніемъ Волоховъ.

И вотъ загорѣлась страстная борьба двухъ міровоззрѣній. Вѣра не понимала того, что ея взгляды и взгляды Волохова, даже подъ вліяніемъ силы любви, не могутъ, какъ масло и вода, соединиться въ одно цѣлое, и она потерпѣла страшное поражение. Вѣра—жертва борьбы старой жизни съ новой. „Она не хотѣла жить слѣпо, по указу старшихъ. Она сама знала, что отжило въ старой, и давно тосковала, искала свѣжей, осмысленной жизни, хотѣла сознательно найти и принять

новую правду, удержавъ и все прочное, коренное, лучшее въ старой жизни. Она хотѣла не разрушенія, а обновленія. Но она „не знала“, гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее только отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золь и бѣдъ и не приготовила ни къ какимъ невѣдомымъ ей самой бѣдамъ“.

Изъ этихъ словъ Гончарова, взятыхъ изъ его очерка: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, видно, что самъ авторъ въ крушеніи Вѣры винить не столько ее самое, сколько бабушку, олицетворяющую собою старую русскую жизнь, старшее поколѣніе. Бабушка „знала одну старую правду и старую ложь; но новой правды боялась и, боясь, не узнала и новой лжи и не приготовила къ тому и другому Вѣру“. Старшее поколѣніе учило женщину жить по старинѣ и не только не помогало, а, наоборотъ, всѣми мѣрами пренятствовало тому инстинктивному движенію къ познанію новыхъ основъ жизни, которое проявлялось у наиболѣе самобытныхъ натуръ. Но оно не было въ силахъ оградить ее отъ вліянія чуждыхъ и враждебныхъ ему вѣяній, которыя все же манили къ себѣ русскую женщину, и она, пытаясь самостоятельно вкусить отъ древа познанія добра и зла, нерѣдко разбивала свою молодую жизнь, не будучи въ силахъ примирить старое и новое, выбрать между ними золотую середину. Таковъ историческій смыслъ образа Вѣры и ея печальной исторіи въ поискахъ новаго, лучшаго, болѣе разумнаго и нравственнаго существованія.

„Новые люди“ въ изображеніи Гончарова.

Намъ остается еще рассмотреть третью группу главнѣйшихъ типовъ Гончарова, такъ сказать, „новыхъ людей“, въ которыхъ авторъ пытался воплотить новыя теченія въ русской жизни, какъ они представлялись его творческому воображенію. Но, по свойствамъ своего таланта, онъ могъ удачно изображать только установившіяся, успокоившіяся формы жизни, принявшія вполнѣ опредѣленный, законченный видъ. Все то, что находилось въ процессѣ развитія, что не поддавалось поѣтому медленному и вдумчивому наблюденію, то выходило слишкомъ блѣднымъ, порою даже фальшивымъ въ его изображеніи. Вотъ почему оказались слабыми въ художественномъ отношеніи такіе образы, какъ Штольцъ, Тушинъ и Маркъ Волоховъ, являющіеся, по замыслу автора, представителями новыхъ теченій въ развитіи жизни русскаго общества въ сороковые и пятидесятыя годы. Эти теченія частью не опредѣлились настолько, чтобы могли быть доступны таланту Гончарова, частью слишкомъ мало были извѣстны ему. Нѣсколько замѣчаній о каждомъ изъ названныхъ образовъ подтверждаютъ справедливость общаго сужденія о нихъ.

По собственному признанію Гончарова, Штольцъ выведенъ, какъ антитеза Обломову. Осудивъ въ лицѣ своего героя вялость и апатію русскаго общества, авторъ противопоставилъ ему Штольца, въ которомъ онъ видѣлъ желательное близкое будущее Россіи. „Вотъ глаза открылись отъ дремоты, послышались бойкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ появится подъ русскими именами!“ Такъ представлялось Гончарову возрожденіе Руси послѣ гибели обломовщины.

Но герой будущаго очень туманно и неопредѣленно рисовался Гончарову; онъ „блѣденъ, не реаленъ, не живой, а просто идея“, какъ онъ самъ признался впоследствии. Въ самомъ дѣлѣ, это не только воплощенная дѣятельность, энергія, но на-

стоящий магъ и чародѣй. Онъ сорокъ тысячъ отцовскаго наслѣдства честнымъ путемъ къ тридцати годамъ превращаетъ въ триста; стоитъ ему взяться за какое-либо дѣло, хотя бы самое невыполнимое, оно быстро подвигается въ его рукахъ къ концу; онъ всегда занятъ, съ успѣхомъ выполняетъ какія то грандіозныя коммерческія предпріятія, но цѣною какихъ усилій и жертвъ ему удается всего этого достигнуть, какъ можетъ онъ находить удовлетвореніе въ одномъ матеріальномъ приобрѣтеніи,—ибо о другомъ, „живомъ дѣлѣ“ Гончаровъ не говоритъ,—это остается загадкой для читателя.

Въ его глазахъ практичный, изворотливый Штольцъ, управляющій своими радостями и печалями, какъ движеніемъ рукъ, размѣренный, уравновѣшенный, порою представляется просто ловкимъ дѣльцомъ, однимъ изъ тѣхъ „дѣятелей“, „неунывающихъ россіянъ“, которыхъ въ семидесятые годы заклеимилъ бичемъ своей сатиры Щедринъ. А между тѣмъ, Штольцъ долженъ быть, какъ понимаетъ его авторъ, положительнымъ типомъ. Эта несообразность какъ нельзя болѣе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало былъ ясенъ самому автору этотъ образъ и насколько фальшивымъ вышелъ онъ въ его изображеніи.

Тушинъ въ „Обрывѣ“, другой положительный типъ „новаго человѣка“, представитель „нашей настоящей партіи дѣйствія“, залогъ „нашего прочнаго будущаго“, еще менѣе чѣмъ Штольцъ, удался Гончарову.

Черты чрезмѣрной идеализаціи этого образа сквозятъ на каждомъ шагу. „Это,—по словамъ одного критика,—экстрактъ всевозможныхъ добродѣтелей“. Въ немъ вы находите „и мускульную силу, и желѣзную волю, и змѣнную мудрость, и голубиную кротость, и наивную простоту, и энергическую дѣятельность, и умѣніе жить-поживать да и добро наживать, да такое добро, что и самъ онъ катался, какъ сыръ въ маслѣ, и мужички его благоденствовали“.

Какъ могла сложиться такая необыкновенная личность, при условіяхъ крѣпостной жизни, Гончаровъ не рассказываетъ подробно, а ограничивается общими замѣчаніями о томъ, „что это чистый самородокъ, какъ слитокъ благороднаго металла“, что онъ „не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли“ и т. п. Но если видѣть въ Тушинѣ случайное счастливое соединеніе разнообразныхъ положительныхъ свойствъ человѣческаго духа, если оно также рѣдко встрѣчается, какъ самородки золота, то какъ-же, спрашивается, можно утверждать, что на смѣну старой жизни „на всей лѣстницѣ общества“ явятся новые работники-Тушины; вѣдь, „самородки“ и въ человѣческой средѣ не такъ то часто встрѣчаются...

И тутъ, какъ со Штольцемъ, вышло очевидное недоразумѣніе, причиной котораго является отсутствіе художественной и жизненной правды въ образѣ Тушина.

Если Штольцъ и Тушинъ—представители положительной стороны новой жизни Россіи, какъ она рисовалась въ воображеніи Гончарова въ сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы (ибо послѣднія главы „Обрыва“ дописывались въ 1867 и 1868 г.г.), то Маркъ Волоховъ, по его замыслу, есть олицетвореніе „новой лжи“, вторгшейся въ русскую жизнь въ періодъ возрожденія ея накануне реформъ царствованія Александра II. Образъ нигилиста Волохова вызвалъ рѣзкія нападки на

Гончарова со стороны некоторых критиков, увидевших в нем пасквиль на передовых представителей молодого поколения. Впоследствии в статье: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ Гончаровъ старался снять съ себя эти обвинения, заявляя о своихъ симпатіяхъ дѣятелямъ изъ молодого поколения, выступившимъ въ крестьянской, земской и судебной реформѣ. По его словамъ, въ лицѣ Марка Волохова онъ хотѣлъ изобразить „новую ложь“, которая выросла у насъ рядомъ съ „новой правдой“, воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и другими великими реформами, внесшими возрожденіе въ русское общество. Является вопросъ, насколько исторически вѣрно изобразилъ Гончаровъ эту „новую ложь“, т. е. русскій нигилизмъ.

Мы уже знаемъ, что Гончаровъ могъ удачно изображать только то, что „переживалъ, мыслить чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ“,—такова была, по его собственному признанію, существеннѣйшая особенность его таланта. Справедливость этого признанія какъ нельзя болѣе подтверждается анализомъ созданныхъ имъ образовъ. Вѣрный своему таланту, Гончаровъ въ первоначальномъ замыслѣ романа совсѣмъ не имѣлъ въ виду изобразить въ лицѣ Волохова типъ русскаго нигилиста; у него были другія намѣренія на счетъ этой фигуры. Но писаніе романа затянулось чуть не на два десятилѣтія. Между тѣмъ русская жизнь, развивавшаяся быстрымъ темпомъ, выдвинула новыя теченія, новыя типы, среди нихъ и нигилизмъ. Гончаровъ, по своимъ симпатіямъ и убѣжденіямъ, не могъ не отнестись враждебно къ этому крайнему теченію русскаго прогресса; вмѣстѣ съ тѣмъ по своему общественному положенію (въ качествѣ цензора столичной печати) онъ былъ лишенъ возможности близко ознакомиться съ этимъ своеобразнымъ общественнымъ направленіемъ. Такимъ образомъ, ни любить, ни близко знать нигилизма Гончаровъ не могъ, а значить, и не имѣлъ возможности правдиво, во всей полнотѣ изобразить его. Въ личности Волохова отразились только нѣкоторыя внѣшнія черты русскаго нигилизма, наиболѣе бросающіяся въ глаза поверхностному наблюдателю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе вражды Гончарова къ этому направленію и поверхностнаго съ нимъ знакомства, онъ невольно впалъ въ каррикатурное изображеніе некоторыхъ отрицательныхъ сторонъ нигилизма, такъ что, въ общемъ, было бы большою ошибкой видѣть въ Волоховѣ типичнаго его представителя. Это не значить, что личности, подобныя „безпутному Маркушкѣ“, какъ его называетъ бабушка, не встрѣчались въ русской жизни, но онѣ являлись не въ такомъ утрированномъ видѣ и сравнительно рѣдко, и потому писатель, берущійся за изображеніе ихъ, долженъ былъ такъ или иначе дать понять это читателямъ. Гончаровъ однако этого не сдѣлалъ, и этимъ, въ значительной мѣрѣ, объясняются ожесточенныя нападки на него за образъ Волохова некоторыхъ критиковъ.

Разсмотрѣнными выше типами, характеризующими три полосы въ русской жизни 40—60-хъ годовъ, далеко не исчерпывается содержаніе поэтическаго творчества Гончарова. Передъ нашими глазами проходитъ, кромѣ помѣщиковъ, крѣпостная дворня, чиновничество, столичная и провинціальная аристократія, и всѣ эти слои русскаго общества выступаютъ въ рѣдко правдивыхъ, художественныхъ образахъ, давая всѣ вмѣстѣ единственную по своей яркости, полнотѣ и законченности картину дореформенной Руси въ послѣднія два-три десятилѣтія ея существованія.

А. Н. Островскій.

Общая характеристика и значение творчества Островского.

В ряду писателей сороковых годов одно из самых видных мест принадлежит Александру Николаевичу Островскому (1823—1886 г.г.). С его именем связано представление о водворении в русской литературе и на сцене самобытной национальной реально-художественной драмы. Правда, еще Грибоедов, Пушкин и Гоголь создали реальную комедию и трагедию: „Горе от ума“, „Ревизор“ и „Борис Годунов“ навсегда останутся лучшими образцами истинно поэтического творчества в нашей драматической литературе. Но эти произведения не оказали весторь послѣ своего появления никакого вліянія на драматическихъ писателей и театральнй репертуаръ. До начала пятидесятихъ годовъ въ области русскаго театра и драматической литературы они были своего рода оазисами въ пустынь и не вызвали къ себѣ почти никакого интереса со стороны публики и актеровъ. Хотя русская поэзія еще съ третьяго десятилѣтія XIX-го вѣка въ лицѣ Пушкина, Гоголя и Лермонтова пошла быстрыми шагами по пути національно-реального творчества, нашъ театръ попрежнему, какъ въ началѣ столѣтія, довольствовался ложно-классическимъ репертуаромъ или же переводами и передѣлками иностранныхъ, главнымъ образомъ, французскихъ романтическихъ мелодрамъ, въ подраженіе которымъ писались пьесы историческаго и патріотическаго содержанія и русскими авторами, какъ, на примѣръ, извѣстными въ свое время Кукольниковъ и Полевымъ. Искусственность построения дѣйствія, ходульность героевъ, различнаго рода дешевые, кричащіе эффекты, напыщенный языкъ—все это очень далеко ставило тогдашній театральнй репертуаръ отъ реально-художественнаго творчества, воцарившагося со времени Пушкина и Гоголя въ русскай литературѣ. Островскій, написавшій въ теченіе болѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ до пятидесяти пьесъ, не только чрезвычайно обогатилъ нашъ театръ прекрасными произведеніями, которыя, благодаря ему, заняли преобладающее мѣсто на русской сценѣ, но и внесъ богатѣйшій вкладъ въ русскую литературу, захвативъ въ свое творчество громадный кругъ явленій и типовъ современной и прошлой жизни, какой мы можемъ найти развѣ у такихъ гигантовъ поэзіи, какъ Пушкинъ и Л. Толстой; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ и въ смыслѣ техники драмы. Остановимся сначала на этой чисто формальной сторонѣ его произведеній.

Громадное большинство пьесъ Островскаго целься подвести или подъ одну изъ установившихся трехъ основныхъ рубрикъ драматическихъ произведеній, мало того,

въ нихъ, повидимому, нарушаются основныя правила теоріи драмы, такъ какъ сплошь и рядомъ характеры дѣйствующихъ лицъ таковы, что не заключаютъ въ себѣ матеріала для воспроизведенія ихъ въ дѣйствіи; самое дѣйствіе лишено въ своемъ развитіи требуемой теоріей стройности и послѣдовательности, развязка порою удивляетъ своею неожиданностью и случайностью и т. д. Современная драматургу критика, поражаемая такими небывалыми нарушеніями общепризнанныхъ правилъ, нерѣдко ставила это въ упрекъ автору и видѣла въ этихъ нарушеніяхъ слабыя стороны его творчества. Но въ наше время, когда для всѣхъ стала ясной та эволюція сценическихъ произведеній, какимъ подверглись они какъ на Западѣ, такъ и у насъ подъ перомъ, напримѣръ, Чехова и другихъ, въ этихъ отступленіяхъ отъ установившихся шаблоновъ можно видѣть только большую заслугу со стороны Островскаго, прокладывавшаго совершенно самобытно новыя пути въ драматическомъ творествѣ. Эти поиски новыхъ формъ для драматическаго воспроизведенія жизни были совершенно естественны у такого горячаго сторонника реализма въ искусствѣ, какимъ былъ Островскій. Онъ не могъ не замѣчать, что въ драмѣ, написанной согласно правиламъ установившейся теоріи, на ряду съ художественно-правдивымъ изображеніемъ дѣйствительности, не мало условностей, нарушающихъ иллюзію жизненной правды. Этого было достаточно, чтобы признать господствовавшую теорію далеко не безгрѣшной и пытаться творить внѣ ея предписаній. Попытки Островскаго въ этомъ направленіи были какъ нельзя болѣе удачны. Читая его пьесы или, еще лучше, смотря ихъ на сценѣ, поражаешься ихъ необыкновенной жизненностью, правдивостью; онѣ до того чужды всякой искусственности, что кажется, будто передъ вами проходитъ сама жизнь со всѣми ея случайностями, загадками, неожиданными осложненіями; будто авторъ какимъ то чудеснымъ образомъ захватилъ ее во всей неприкосновенности да и перенесъ въ книгу и на сцену. Потому то, быть можетъ, къ его произведеніямъ наиболѣе подходитъ названіе „пьесъ жизни“, данное имъ Добролюбовымъ, хотя оно и представляется нѣсколько неопредѣленнымъ и тяжелымъ.

Доведя реализмъ въ драмѣ до высокой степени совершенства, Островскій, какъ было указано выше, сумѣлъ дать русской литературѣ поразительное разнообразіе и богатство картинъ и типовъ русской жизни. Обстоятельства его жизни складывались какъ нельзя болѣе благоприятнымъ образомъ для того, чтобы онъ могъ получить огромный запасъ разнородныхъ впечатлѣній, пользуясь которыми онъ воспроизводилъ такія стороны современной дѣйствительности, какія пока вовсе не были доступны литературному изображенію.

Дѣтство и юность будущаго драматурга протекли въ Москвѣ, въ той части ея, которая наиболѣе сохранила „особый отпечатокъ“ первопрестольной столицы—въ Замоскворѣчьи. Здѣсь, въ родномъ углу, впервые запали въ его душу своеобразныя картины и типы російскаго купеческаго быта, который имѣлъ возможность близко видѣть еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда его отецъ, оставивъ карьеру мелкаго чиновника, занялся веденіемъ дѣлъ замоскворѣцкаго купечества. Своеобразный укладъ жизни и характеры этой среды стали еще болѣе доступны его наблюдательному взору, когда онъ, оставивъ университетъ, двадцатилѣтнимъ юношей поступилъ на службу мелкимъ канцелярскимъ чиновникомъ въ московскій совѣстный судъ, вѣдавшій всякаго рода распри между родственниками. Служба въ этомъ учрежденіи дала ему богатѣйшій матеріалъ для изученія интимныхъ сторонъ народнаго и купеческа-

то семейнаго быта. Передъ его глазами то въ видѣ письменныхъ жалобъ, то „совѣстныхъ“ показаній истцовъ и отвѣтчиковъ открывались затаенные уголки національной жизни, недоступные наблюденію посторонняго человѣка. Черезъ два года мы находимъ его на службѣ въ „словесномъ столѣ“ московскаго коммерческаго суда, на обязанности котораго лежало разсмотрѣніе дѣлъ о торговой несостоятельности. Здѣсь передъ нимъ открылась другая сторона купеческо-мѣщанскаго быта: засѣдая въ „словесномъ столѣ“, онъ могъ въ совершенствѣ изучить различнаго рода плутни и хитроумную изворотливость, къ которымъ прибѣгали торговые люди въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, впечатлѣнія дѣтства, а затѣмъ служба въ дореформенныхъ судебныхъ учрежденіяхъ послужили прекрасной подготовительной школой для будущаго „Литературнаго Колумба дореформенной купеческой и мѣщанской Россіи“, какъ по справедливости называютъ Островскаго въ русской критикѣ.

Эти свѣдѣнія о чисто-русскомъ національномъ бытѣ были не мало пополнены впечатлѣніями провинціальной жизни, когда Островскій въ началѣ царствованія императора Александра II-го участвовалъ вмѣстѣ съ другими литераторами, какъ Писемскій, Григоровичъ, Потѣхинъ, Максимовъ и др., въ командировкѣ для изученія мѣстностей Россіи въ бытовомъ и промышленномъ отношеніи. На долю Островскаго выпало верхнее Поволжье, гдѣ своеобразный русскій бытъ сохранился во всей неприкосновенности и доставилъ изслѣдователю массу данныхъ для поэтическаго творчества.

Въ цѣломъ рядъ пьесъ рисуетъ намъ Островскій недоступный дотошъ литературному наблюденію русскій купеческій бытъ, это „темное царство“, съ его тяжелымъ семейнымъ деспотизмомъ, необузданнымъ самодурствомъ, подавляющимъ малѣйшіе проблески человѣческой личности, съ его грубостью, невѣжествомъ, склонностью къ плутнямъ въ коммерческихъ дѣлахъ. Но, какъ истинный художникъ, вѣрный жизненной правдѣ, онъ не забываетъ и положительныхъ сторонъ и типовъ этого быта, такъ что передъ глазами читателя встаетъ полная картина вѣками сложившейся жизни этого сословія со всеми его отрицательными и положительными чертами и своеобразными типами.

Своими пьесами изъ купеческой жизни Островскій произвелъ такое сильное впечатлѣніе на читателей и критику, открывъ совершенно невѣдомый дотошъ литературѣ міръ, что этимъ заслонилъ въ глазахъ нѣкоторыхъ другія стороны своей дѣятельности, и потому въ представленіи многихъ онъ является, только какъ бытописатель русскаго купечества.

Между тѣмъ такая точка зрѣнія оказывается въ высшей степени узкой и односторонней, такъ какъ захватываетъ только часть дѣятельности нашего драматурга, отобразившей разнообразныя стороны современной ему и прошлой Россіи. И въ этомъ случаѣ, какъ и при обрисовкѣ купеческаго быта, окружавшая жизнь сослужила большую службу Островскому.

Какъ природный москвичъ, онъ былъ поставленъ въ очень выгодныя условія для наблюденій надъ русской жизнью самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Въ то время этотъ городъ былъ, дѣйствительно, сердцемъ Россіи, вмѣщая въ себя, какъ въ фокусѣ, своеобразныя особенности исторической и современной русской жизни. „Здѣсь, по словамъ одного критика, сосредоточивалось въ эту эпоху высшее умственное движеніе интеллигентнаго общества, издавались лучшіе журналы. Тутъ же,

рядомъ съ этими интеллигентными верхами, жили въ своихъ дворцахъ бары во всей деревенской и степной простотѣ, окруженные многочисленными дворнями крѣпостныхъ и сворами собакъ, и беззащитно производили жестокія расправы на конюшняхъ почти всенародно. Далѣе, рядомъ съ чиновниками-бюрократами петербургскаго склада, щеголями и карьеристами, здѣсь гнѣздились чиновничьи типы и нравы московскихъ подъячныхъ допетровской старины“. Ближе сталкиваясь, благодаря семейнымъ связямъ и первоначальному служебному положенію, съ низшими слоями общества—мѣщанскимъ и особенно купеческимъ, съ простыми русскими людьми, Островскій по таланту и образованію былъ своимъ человѣкомъ и въ высшихъ по интеллигентности кругахъ, не говоря уже о помѣщицѣй и чиновничьей средѣ. Такимъ образомъ, еще въ молодости Островскій въ своемъ родномъ городѣ изучилъ различныя полюсы современной ему общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, которую ярко отразилъ въ своихъ пьесахъ, и далъ богатѣйшій, до сихъ поръ еще не разработанный вполне критической литературой матеріалъ для изученія духовнаго склада нашего общества, особенностей русскаго ума и чувства.

Читая его произведенія, прямо поражаешься необъятной широтой захвата русскої жизни, обиліемъ и разнообразіемъ типовъ, характеровъ и положеній. Какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ передъ нашими глазами всевозможнаго душевнаго склада помѣщики и помѣщицы отъ широкихъ русскихъ натуръ, прожигающихъ жизнь, до хитрыхъ скопидомовъ, отъ благодушныхъ, чистыхъ сердцемъ до черствыхъ, не знающихъ никакого нравственнаго удержу; ихъ смѣняетъ чиновничій міръ со всѣми разнообразными представителями его, начиная отъ высшихъ ступеней бюрократической лѣстницы и кончая потерявшими образъ и подобіе Божіе мелкими пропойцами-сутягами, порожденіемъ дореформенныхъ судовъ; далѣе идутъ просто безпочвенные люди, честнымъ и нечестнымъ путемъ перебивающіеся изо дня въ день, всякаго рода дѣльцы, учителя, приживальщики и приживальщицы, провинціальныя актеры и актрисы, со всѣмъ окружающимъ ихъ міромъ и т. д., и т. д. А на ряду съ этимъ проходить далекое историческое и легендарное прошлое Россіи въ видѣ художественныхъ картинъ жизни старинныхъ волжскихъ удалцовъ XVII-го вѣка, грознаго царя Ивана Васильевича, смутнаго времени съ легкомысленнымъ Дмитріемъ, хитрымъ Шуйскимъ, великимъ нижегородцемъ Миннымъ, боярами, ратными людьми и народомъ той эпохи.

Само собою разумѣется, что въ этой длинной галлерей типовъ, созданныхъ Островскимъ, мы встрѣчаемся съ личностями и явленіями самой разнообразной нравственной цѣнности. Тутъ передъ нами, говоря своеобразнымъ выраженіемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ его комедій, и „мерзавцы своей жизни“ всѣхъ пошловъ и направленій и „патріоты своего отечества“. Сердце содрогается при воспоминаніи о *своей* той грязи, пошлости, лжи, уничтоженіи человѣческаго достоинства, полномъ нравственномъ паденіи, какія сплошь и рядомъ приходится наблюдать въ пьесахъ Островскаго. Но параллельно съ этими мрачными сторонами жизни авторъ выставляетъ цѣлый рядъ трогательныхъ по своей нравственной чистотѣ образовъ, плѣняющихъ своею крестостью и внутреннимъ величіемъ, свидѣтельствующихъ о глубокой вѣрѣ его въ человѣка и духовныя силы русскаго народа.

Вообще, отношеніе Островскаго къ изображаемымъ имъ явленіямъ жизни настолько любопытно, что на немъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. Первыя его пье-

сы появились въ періодъ довольно острыхъ споровъ между славянофилами и западниками, и тогда какъ одна изъ нихъ вызвала восторги и одобренія одно лагеря, другая приводила въ ликованіе сторонниковъ противоположной партіи: и тѣ и другіе готовы были видѣть въ авторѣ своего единомышленника въ зависимости отъ того, въ какомъ свѣтѣ, привлекательномъ или отталкивающимъ, изображалъ онъ національную русскую жизнь. Не мало доставалось ему отъ обоихъ лагерей, если онъ почему-нибудь не оправдывалъ ожиданій того или другого и своими произведеніями шель вѣ разрывѣ съ ихъ убѣжденіями. Не сразу поняли современники Островскаго, что онъ въ своемъ творчествѣ былъ объективнымъ художникомъ, чуждымъ въ изображеніи жизни какихъ бы то ни было предвзятыхъ теорій, воспроизводившимъ только то, что подмѣчалъ его вдумчивый взоръ. При такомъ отношеніи къ писательской дѣятельности онъ умѣлъ на удивленіе всѣмъ открывать свѣтлыя черты и возвышенные характеры въ затхлому мірѣ „темнаго царства“ и, съ другой стороны, разоблачалъ красивую пошлость и нравственное ничтожество блестящихъ представителей такъ называемаго интеллигентнаго общества. Но что-бы ни изображалъ Островскій, въ какія бы мутныя бездны человѣческаго духа ни вводилъ онъ читателя, надъ всѣмъ паритъ его свѣтлое, гуманное міровоззрѣніе, вѣра въ человѣка и его силы, любовь къ жизни, глубокое сочувствіе ко всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ, кроткій, добродушный юморъ. Хотя и много неправды и зла выводитъ онъ въ своихъ пьесахъ, но даже самыя мрачныя изъ нихъ не оставляютъ въ душѣ исключительно гнетущаго, безотраднaго впечатлѣнія; всегда онъ сумѣетъ дать на чемъ-нибудь отдохнуть читателю, пробудить въ его душѣ вѣру въ красоту и величіе Божьяго міра, гдѣ человѣкъ можетъ и долженъ быть счастливъ. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, иллюстрирующихъ свѣтлое міровоззрѣніе нашего драматурга. Жалкое существо, почти нищій Корпѣловъ („Трудовой хлѣбъ“) произноситъ такой гимнъ жизни: „Да развѣ жизнь-то мила только деньгами, развѣ только и радости, что въ деньгахъ? А птичка-то поетъ, чему она рада, деньгамъ что-ли? Нѣтъ, тому она рада, что на свѣтѣ живетъ. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь и бѣдная, и горькая—все радость“... Это жизнерадостное міровоззрѣніе, которымъ проникнуто большинство пьесъ Островскаго, придаетъ имъ глубокое воспитательное, гуманизирующее значеніе.

Наконецъ, изученіе его творчества вводитъ читателя въ самыя нѣдра национальной русской жизни, открываетъ передъ нимъ неисчерпаемая сокровища мѣткой, образной, красивой народной рѣчи, знакомитъ съ психологіей и міропониманіемъ самобытнаго русскаго человѣка, развивавшагося внѣ всякихъ иноземныхъ вліяній. Больше чѣмъ какой-либо другой изъ писателей сороковыхъ годовъ, Островскій даетъ намъ яркое представленіе о русской національной жизни. Остановимся, главнымъ образомъ, на тѣхъ сторонахъ этой жизни, которыя впервые нашли себѣ отраженіе въ творчествѣ Островскаго. Для этого намъ придется рассмотреть такъ называемыя бытовыя его пьесы, посвященныя изображенію жизни и типовъ русскаго купечества.

Какъ говорилось выше, бытъ русскаго торговаго сословія, благодаря благоприятно сложившимся обстоятельствамъ, былъ прекрасно знакомъ Островскому, болѣе чѣмъ какаа-нибудь другая сторона родной жизни. Вполнѣ поэтому понятно, что первыя его пьесы черпаютъ свои сюжеты изъ этого быта и воспроизводятъ преиму-

щественно купеческую среду и ея типы. Во главѣ ихъ, если придерживаться хронологическаго порядка, нужно поставить комедію: „Банкротъ“, переименованную потомъ въ „Свои люди сочтемся“, появленіе которой въ печати относится къ 1850-му году. Еще раньше напечатанія она въ чтеніи вызывала восторженные отзывы лучшихъ московскихъ литераторовъ, какъ профессоръ Погодинъ, Шевыревъ, Давидовъ, кн. Одоевскій и др. Вскорѣ въ рукописи она проникла и въ другіе слои общества и была встрѣчена шумными одобреніями всѣхъ, кто не чувствовалъ себя въ духовномъ родствѣ съ Большовымъ, Подхалюзинымъ, Ризоположенскимъ. Но не такъ отнеслись къ ней тѣ, кто узналъ себя въ выведенныхъ типахъ, чьи заповѣдныя тайны были выставлены на всеобщее осмѣяніе. Воплъ негодованія пронесся въ московскомъ „именитомъ купечествѣ“, и пьеса десять лѣтъ не видала сцены, а на долю автора вышала большія неприятности. Эта исторія появленія въ свѣтъ первой комедіи Островскаго показываетъ, какъ глубоко-правдиво сумѣлъ онъ въ первомъ же своемъ произведеніи захватить купеческій бытъ. Но съ особенной яркостью и полнотой отразился онъ въ двухъ позднѣйшихъ пьесахъ: „Бѣдность не порокъ“ (1854 г.) и „Гроза“ (1860 г.), на разборъ которыхъ мы теперь и остановимся, чтобы ближе познакомиться съ тѣмъ своеобразнымъ міромъ, честь открытія котораго въ литературѣ справедливо приписывается Островскому.

Самодурство въ изображеніи Островскаго. Гордѣй Торцовъ.

Добролюбовъ, давший въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ: „Темное царство“ лучшей критическій разборъ пьесы Островскаго изъ купеческаго быта, такъ характеризуетъ впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ пьесъ, среди которыхъ „Бѣдность не порокъ“ и „Гроза“ занимаютъ во всѣхъ отношеніяхъ первое мѣсто: „Передъ нами грустно-покорныя лица нашихъ младшихъ братьевъ, обреченныхъ судьбою на зависимое, страдательное существованіе. Это міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробоваго безмолвія, лишь изрѣдка оживляемой глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора... Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее. Въ ней вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи. Чуть тлѣется эта искра въ сырости и смрадѣ темницы, но иногда на минуту вспыхиваетъ она и обливаешь свѣтомъ правды и добра мрачныя фигуры томящихся узниковъ. При помощи этого минутнаго освѣщенія мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго—и наше сердце стѣсняется болью и ужасомъ“. Дѣйствительно, наиболѣе характерной чертой быта, воспроизведеннаго Островскимъ въ разсматриваемыхъ пьесахъ, является полное приниженіе человѣческой личности, съ одной стороны, и съ другой—необузданный произволь, не признающій никакихъ доводовъ, кромѣ: „я такъ хочу“. Въ комедіи: „Въ чужомъ пиру пох-

мелье“ Островскій далъ мѣткое названіе характерамъ этого второго рода, созданнымъ у насъ на почвѣ односторонне понятой домостроевской морали, полного, безконтрольнаго владычества въ семьѣ одного лица, предъ которымъ все и всегда должно безпрекословно преклоняться. Онъ называлъ ихъ самодурами и устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ такъ опредѣлялъ это понятіе: „Самодуръ—это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ; ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ—кто я? Тутъ ужъ все домашніе ему въ ноги, а то—бѣда!“ Типъ такого самодура полнѣе всего очерченъ въ комедіи: „Бѣдность не порокъ“ въ лицѣ Гордѣя Карповича Торцова. На немъ мы и выяснимъ отличительныя черты самодура вообще, а также одной разновидности его—самодура, котораго слегка коснулась цивилизація.

Съ перваго же момента появленія на сценѣ Гордѣя Торцова и до конца комедіи въ немъ особенно ярко выступаетъ его чрезвычайная грубость въ обращеніи съ людьми, надъ которыми онъ чувствуетъ свою власть. Кто бы ни былъ это—приказчикъ, родной братъ, жена, дочь—все они ни разу не слышатъ отъ Гордѣя добраго, ласковаго слова, и это не потому, чтобы они заслужили такое обращеніе, провинились въ чемъ-нибудь передъ нимъ. Даже въ критическія минуты жизни, когда рѣшается ихъ судьба, они, за исключеніемъ развѣ Любима Торцова, изъ повиновенія главѣ дома не выходятъ; нечего и говорить, что въ остальное время каждый ихъ шагъ подчиненъ его волѣ. И все же онъ не находитъ основанія быть довольнымъ окружающими и постоянно даетъ почувствовать свое недовольство въ очень тяжелой для нихъ формѣ. Замѣчаетъ онъ у своего приказчика Мити книгу стихотвореній Кольцова. Казалось бы, что тутъ худого, тѣмъ болѣе, что это происходитъ святками, когда работать не полагается, но Гордѣю это не по душѣ. „А это что еще за глупости?“ грубо замѣчаетъ онъ: „Какія нѣжности при нашей бѣдности!“ насмѣшливо добавляя при этомъ, когда Митя скромно поясняетъ ему, что это онъ „отъ скуки по празднигамъ стихотворенія господина Кольцова переписываетъ“. Еще болѣе сказывается грубость и вмѣстѣ съ тѣмъ черствость Гордѣя, не понимающаго элементарныхъ человѣческихъ чувствъ, какъ, на примѣръ, сыновья любовь, въ его отвѣтъ на объясненіе Мити, что онъ жалованіе отсылаетъ матери и потому не тратитъ его на себя: „Матери посылаешь! Ты себя-то образилъ прежде! Матери то не Богъ знаетъ, что нужно, не въ роскоши воспитана; чай, сама хлѣвы затворяла“. И не одинъ Митя страдаетъ отъ грубости и черствости сердца Гордѣя Торцова. У себя въ домѣ онъ чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ и даетъ широкій просторъ этимъ свойствамъ своей натуры. Имъ забывается даже исконный русскій обычай—гостепрѣмство: явившись домой, онъ не задумываясь выгоняетъ вонъ какъ ряженыхъ, такъ и дѣвушекъ, приглашенныхъ Пелагеей Егоровной. Точно такую же грубостью и безсердечностью вѣтъ отъ его отношеній къ родному брату. Любимъ Торцовъ подробно рассказываетъ объ этомъ Митѣ. Проматавъ полученное отъ отца наследство, дойдя до попрошайничества на улицѣ, Любимъ, послѣ тяжелой болѣзни, вдругъ возродился духомъ, захотѣлъ выйти на дорогу честнаго труда. Естественнѣе всего было, конечно, искать помощи у родного брата. Со смиреннымъ сердцемъ пришелъ онъ къ нему, чистосердечно покаялся въ своей безобразной жизни, прося у него участія, поддержки въ видѣ какой-нибудь работы. „А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ?“ говоритъ онъ Митѣ: „Ему, видишь,

Сидри

стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человекъ буду. Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ, купцы богатые, дворяне; ты, говоритъ, съ меня голову снимешь“.

На ряду съ грубостью и сердечной черствостью у Гордѣя Торцова замѣчается необузданное самодурство, проявляющееся въ формѣ семейнаго деспотизма. Дикій произволь, не стѣсняемый никакими преградами, доходитъ до того, что Гордѣй, вопреки обычаю, не посоветовавшись даже съ супругой обѣщаетъ свою дочь въ жены Африкану Коршунову, котораго онъ привозитъ къ себѣ въ домъ въ качествѣ жениха. Характерно, въ какой формѣ объявляетъ онъ объ этомъ женѣ и дочери: „Я хочу переѣхать отседѣла въ Москву. А у насъ тамъ будетъ не чужой человекъ, будетъ зятюшка Африканъ Саввичъ“, т. е. смотреть на свое рѣшеніе, какъ на нѣчто неизблемое, обязательное для другихъ, хотя оно касается въ такой же мѣрѣ, какъ его, и жены, а болѣе всего его дочери, судьбою которой онъ такъ деспотически распоряжается. Въ порывѣ материнскаго чувства Пелагея Егоровна бросается въ дочери съ крикомъ: „Моя дочь! Не отдамъ!“ Но Гордѣй Карпычъ грозно окрикиваетъ ее: „Жена, ты меня знаешь!“ и успокаиваетъ Коршунова, заявляя ему: „у меня сказано—сдѣлано“. Любовь Гордѣевна, съ своей стороны, понимая весь ужасъ своего положенія, умоляетъ отца не губить ее, но тотъ только грубо замѣчаетъ ей: „Дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло—ты будешь жить на виду, а не въ такой глуши; а другое дѣло—я такъ приказываю“. И несчастная дѣвушка прекрасно знаетъ, какую силу имѣетъ этотъ послѣдній аргументъ и безропотно подчиняется ему, отвѣсивъ отцу поклонъ со смиреннымъ заявленіемъ: „Твоя воля, батюшка!“ Легко понять, какимъ тяжелымъ бременемъ, ничѣмъ неотвратимымъ, ложится самодурство Гордѣя Карпыча на всю жизнь его семьи, если даже въ такую критическую минуту жена и дочь не въ состояніи съ нимъ бороться. Испытывать его гнетъ тѣмъ болѣе тяжело, что весь онъ коренится не на какихъ-либо разумныхъ основаніяхъ, а вытекаетъ изъ умственной ограниченности и необузданности натуры Гордѣя Торцова. Природное тупоуміе является вообще характерной чертой самодуровъ, и Гордѣй Карпычъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Его братъ прямо замѣчаетъ, что у него лобная „кость очень толста. Ему, дураку, наука нужна“.

Какъ многіе ограниченные люди, Гордѣй Торцовъ отличается большимъ самолюбіемъ и своеобразной гордостью, что, опять таки, является типической чертой самодурства. Онъ считаетъ себя выше окружающихъ его людей и относится къ нимъ свысока и съ презрѣніемъ. Отсюда, между прочимъ, проистекаетъ его грубость въ обращеніи съ близкими людьми. Опредѣленнѣе его самолюбіе выступаетъ, на примѣръ, въ разговорѣ съ Коршуновымъ въ третьемъ дѣйствіи. Утощая нареченнаго зятя шампанскимъ „на серебряномъ подносѣ“, онъ самодовольно спрашиваетъ его: „Ты мнѣ скажи, что я за человекъ? Могутъ меня здѣсь пѣнить?“ Объ этомъ пренебрежительномъ отношеніи Гордѣя Карпыча къ окружающимъ, основанномъ на чрезвычайно высокомъ самолюбіи, говорятъ и другія лица комедіи. Такъ, Пелагея Егоровна жалуется Митѣ на его недовольство окружающей средой. „Мнѣ, говоритъ (рассказываетъ онъ про мужа), здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говоритъ, сволочь, все, видишь ты, мужики и живутъ-то по-мужицки“. Любимъ,

передавая свой разговоръ съ братомъ, приводитъ слѣдующія слова послѣдняго: „По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ бы совсѣмъ... не въ этомъ роду родиться“.

Таковы тѣ черты, которыми Гордѣй Торцовъ примыкаетъ къ племени ряду самодуровъ, изображенныхъ Островскимъ. Но въ немъ есть еще одна особенность, не совсѣмъ обычная для самодуровъ старой формаци, тѣмъ не менѣе являющаяся очень характерной для той группы русскаго купечества, которая начинаетъ усваивать вліяніе цивилизаци. Какъ извѣстно, на заурядныя натуры культура, если только она впервые касается ихъ, дѣйствуетъ довольно своеобразно: первое вліяніе ея, подобно дѣйствию нѣкоторыхъ лѣкарствъ, которыя, будучи приняты въ первый разъ, какъ будто ухудшаютъ положеніе больного и только впоследствии содѣйствуютъ его выздоровленію. Грубое невѣжество, не одаренное сильнымъ умомъ, поражается въ культурѣ только ея внѣшними придатками и, стремясь возможно болѣе усвоить ихъ, остается по существу съ тѣми же отрицательными чертами, что и раньше, но только зачастую выступающими гораздо болѣе рельефно и осложненными новыми недостатками, неразрывно связанными съ усвоеніемъ одной внѣшней стороны цивилизаци. Такъ было и съ Гордѣемъ Торцовымъ. Жилъ онъ въ своемъ родномъ городѣ по отцовскимъ завѣтамъ, не зная никакихъ порядковъ культурной жизни, дожилъ чуть не до 60-ти лѣтъ, не помышляя объ „образованности“. Но вотъ „сѣзидилъ въ отъѣздъ“, въ Москву, да и „перенялъ у кого-то“, какъ съ сокрушеніемъ рассказываетъ о немъ Целагея Егоровна. „Перенялъ“ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, одну внѣшность цивилизаци, грубо матеріальную сторону образованія. „Ладить одно—хочу жить по нынѣшнему, модами заниматься“. Въ этой погонѣ за тѣмъ, чтобы „всякую моду подражать“, заключается, по мнѣнію Гордѣя Карпыча, главнѣйшій признакъ образованнаго человѣка. Отсюда—стремленіе придать всему строю своей домашней жизни внѣшній обликъ культурности. Въ гостинной заводится новая, конечно, модная „небель“, за столомъ прислуживаетъ „не молодецъ въ поддевиѣ, либо дѣвка“, а „фицьянтъ въ нитяныхъ перчаткахъ... ученый... изъ Москвы“, который „всѣ порядки знаетъ; гдѣ кому сѣсть, что дѣлать“. Угощаетъ Гордѣй Карпычъ своего пріятеля Коршунова не мадерой или наливками, которыя пьютъ „по необразованію“ въ его кругу, а шампанскимъ и приказываетъ подать его не болѣе, не менѣе, какъ полдюжины. Жена на старости лѣтъ должна, по его требованію, наряжаться въ чепчикъ; даже приказнику и знакомому купеческому сыну достается за то, что тѣ не „подражаютъ модѣ“ и носятъ долгополые кафтаны, а не одѣваются въ сюртуки. Идеаломъ человѣка, усвоившаго „всякую моду“, является для него Африканъ Саввичъ, предъ которымъ онъ изъ силъ выбивается, чтобы заслужить его одобреніе. За внѣшнимъ доскомъ, которымъ, по мнѣнію Гордѣя Карпыча, надѣленъ Коршуновъ, онъ не различаетъ въ немъ его отвратительныхъ нравственныхъ качествъ, не обращаетъ вниманія на худую молву, которая всюду идетъ о немъ, и не задумываясь готовъ отдать за него свою дочь. Такимъ образомъ, та внѣшняя образованность, усвоеніемъ которой такъ кичится Гордѣй Торцовъ, нисколько по существу не измѣнила его и только дала лишній поводъ проявляться его самодурству и заносчивости.

Но изобразивъ цѣлый рядъ недостатковъ Гордѣя Торцова, Островскій, вѣрный жизненной правдѣ, сумѣлъ показать въ немъ и привлекательную черту. При всей своей грубости, жестокосердіи, необузданномъ самодурствѣ, онъ оказывается спосо-

бень растрогаться и, подь наплывомъ добрыхъ чувствъ, перестаетъ быть самодуромъ и дѣлаетъ хорошее дѣло, уступая просьбамъ брата жены и дочери и соглашаясь на бракъ послѣдней съ Митей. Но это чисто временный, мимолетный порывъ, который такъ же быстро можетъ пройти, какъ неожиданно появился. Въ натурѣ Гордѣя Торцова, какъ и у всѣхъ самодуровъ, нѣтъ простора для гуманныхъ, человѣческихъ чувствъ; они подавляются природной необузданностью, которая, не встрѣчая себѣ препятствій, доходитъ до гигантскихъ размѣровъ. Единственное правило, которымъ они руководствуются въ жизни, это—„моему здраву не препятствуй“. Передъ этимъ „здравомъ“, какъ бы онъ невыносимъ ни былъ, должно преклоняться все окружающее.

Характеры, сложившіеся подь вліяніемъ самодурства: Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, Митя.

Какъ дѣйствуетъ господствующее во весь размахъ самодурство на тѣхъ, кто, волею судьбы, обреченъ на полное ему подчиненіе, это можно видѣть изъ разсмотрѣнія характеровъ Пелагеи Егоровны, Любови Гордѣевны и Мити.

Въ противоположность Гордѣю Карпычу Пелагея Егоровна надѣлена въ достаточной мѣрѣ здоровымъ смысломъ и прекрасно понимаетъ всю нелѣпость раздражительныхъ затѣй мужа. „Какъ-таки разсудку не имѣть!“ жалуется она на него Митѣ: „ну, еще кабы молоденькій: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно, а то вѣдь подь, шестьдесятъ! Миленькій, подь шестьдесятъ!“

Враждебно относится она къ погонѣ мужа за внѣшнимъ лоскомъ европейскаго просвѣщенія еще и потому, что всей душой любитъ родные русскіе обычаи и весь старинный укладъ жизни. „Я, матушка,—говоритъ она своей гостьѣ,—люблю по старому, по старому... да по нашему, по русскому. Да... чтобъ потчевать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли“... „Модное-то ваше да нынѣшнее,—убѣждаетъ она мужа,—каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконь вѣку живетъ! Старики-то не глупѣи насъ были“. И она съ удовольствіемъ слушаетъ святочные пѣсни, потѣшается надъ ряжеными, отъ души радуется праздничному веселію молодежи.

Въ обращеніи съ людьми Пелагея Егоровна чужда грубости и безсмысленнаго чванства, какими отличается ея мужъ. Ея отношенія къ Митѣ, Егорушкѣ, подругамъ дочери полны ласки и сердечности. Дочь свою Любовь Гордѣевну она любитъ съ большой нѣжностью и желаетъ ей въ мужья того, на комъ остановится ея собственное сердце. Узнавъ о взаимномъ ихъ расположеніи съ Митей, она готова выдать дочь за него, не обращая вниманія на то, что онъ бѣденъ и неровня ей по своему общественному положенію.

Такимъ образомъ, весь душевный складъ, всѣ чувства и мысли Пелагеи Егоровны идутъ въ разрѣзъ съ образомъ дѣйствій и настроеніемъ Гордѣя Карпыча.

Однако, несмотря на то, что его поведеніе постоянно оскорбляетъ самыя святыя ея чувства, она безропотно покоряется ему, выливая свою наиболѣвшую душу въ безплодныхъ жалобахъ, охахъ да вздохахъ. Гнетъ самодурства, подь которымъ

къ отцу съ мольбою, которая начинается одною словами: „Тятенька! Я изъ твоей воли ни на шагъ не выйду“. Весь протестъ ея выражается въ томъ, что она бросается въ ноги отцу и слезно молить его: „не захоти моего несчастья на всю жизнь!... Передумай, тятенька!... Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца за мужа итти за немилаго!“ Но когда тотъ сурово заявляетъ о неизмѣнности своего рѣшенія, она смиренно говоритъ: „Твоя воля, батюшка!“ кланяется и отходитъ къ матери, и на этомъ кончается ея слабая попытка отстаить свое право распоряжаться своею личностью. А, вѣдь, какъ горячо любитъ она Митю, какъ хорошо знаетъ, что ждетъ ее въ замужествѣ съ Коршуновымъ, замучившимъ ревностью свою первую жену.

Митя какъ будто нѣсколько больше ея проявляетъ энергіи въ борьбѣ за свое счастье, но и она представляется слишкомъ ничтожной,—не даромъ же онъ живетъ подъ гнетомъ торцовскаго самодурства. Онъ не можетъ видѣть несчастья любимой дѣвушки и покидаетъ домъ Гордѣя Карпыча. Въ минуту прощанья расходилось у него сердце, и онъ вотъ съ какими рѣчами обращается къ Пелагеѣ Егоровнѣ, зная, что та на его сторонѣ: „Соберите-ка вы ее (Любовь Гордѣвну) да одѣньте потеплѣе... Посажу я ее въ саночки-самокаточки да и былъ таковъ! Не видать тогда ее старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ заодно ужъ погибать! Увезу ее къ матушкѣ, да и повѣнчаемся! Эхъ! Дайте душѣ просторъ—разгуляться хочеть!“ Но это тотъ порывъ, минутный подъемъ духа, на который способны порою самые безвольные люди. Вспыхнувъ, какъ порохъ, онъ такъ же быстро и гаснетъ. У него не хватаетъ воли настоять на своемъ рѣшеніи, и онъ, встрѣтивъ возраженія, самъ измѣняетъ свое намѣреніе, успокаивая себя фразой: „Ну, знать не судьба!“ хотя и знаетъ, что „Любовь Гордѣвнѣ за Коршуновымъ не иначе, какъ погибать надобно“. И если бы не случайное стеченіе обстоятельствъ, благодаря которому благополучно устраивается судьба обоихъ молодыхъ людей, жизнь ихъ, особенно Любовь Гордѣвны, была бы разбита навѣки, а они не въ состояніи ничего предпринять, не могутъ хоть сколько-нибудь бороться съ надвигающимся несчастьемъ. Вся ихъ сила воли, энергія, самобытность до конца подавлены властью самодурства.

Любимъ Торцовъ.

Есть въ комедіи: „Бѣдность не порокъ“ еще одинъ очень любопытный образъ, создашемъ котораго Островскій вызвалъ многочисленныя восторги и порицанія среди современныхъ читателей. Это—знаменитый Любимъ Торцовъ, своими высокими качествами души приводиншій въ восторгъ кружокъ славянофиловъ, группировавшихся возлѣ журнала: „Москвитянинъ“, и наоборотъ, послужившій предметомъ издѣвательствъ надъ этими послѣдними со стороны западниковъ, которымъ больше бросались въ глаза его отрицательныя стороны.

Исторія Любима Торцова есть печальная исторія многихъ надѣленныхъ не совсемъ зауряднымъ духовнымъ міромъ русскихъ людей, загубленныхъ гнетущими условіями жизни окружающей среды, спустившихся до самыхъ поддонковъ общества, но и тамъ, „на днѣ“, сохранившихъ нѣкоторыя возвышенныя качества своего духа. Въ виду этого личность Любима представляетъ собой интересъ, и потому Остров-

скій довольно подробно рассказывает намъ, какъ выбился онъ изъ привычной колеи жизни и дошелъ до положенія босика, пропойцы, отверженного обществомъ.

Отъ природы обладающій пылкимъ темпераментомъ, что называется, „широкая натура“, онъ при жизни отца въ родной семьѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, тоже царило самодурство, поневолѣ долженъ былъ сдерживать себя, подчиняясь господствовавшей силѣ. Чѣмъ сильнѣе было это подчиненіе, чѣмъ болѣе лишалась свободы его страстная натура, тѣмъ могущественнѣе должна была пробуждаться въ немъ неудержимая потребность въ „вольной волюшкѣ“, стремленіе дать просторъ рвущейся къ сильнымъ, разнообразнымъ впечатлѣніямъ душъ.

Наконецъ, желанная свобода получена: отецъ умеръ, гнета нѣтъ, въ рукахъ изрядная сумма денегъ, доставшаяся по наслѣдству отъ дѣлежа съ братомъ. Любимъ знаетъ, что братъ его надулъ, что дѣлежъ совершенъ неправильно, но жажда новыхъ впечатлѣній, упоеніе свободой такъ велико, что онъ не обращаетъ на это вниманіе и поскорѣй отправляется въ Москву „людей посмотреть, себя показать, высокога тону набраться“. Долго сдерживаемая широкая русская натура, не смиренная ни образованіемъ, ни благотворными вліяніями окружающихъ, развернулась во всю. И пошелъ Любимъ Торцовъ обычной дорогой не знающихъ удержку „саврасовъ безъ узды“. „То-есть такого дурака разыгрываю“, вспоминаетъ онъ потомъ объ этой порѣ: „что на рѣдкость. Первое дѣло, одѣлся франтомъ—знай, дескать, нашихъ! Сейчасъ, разумѣется, по трактирамъ... Шилень-зи полька, дайте еще бутылочку похолоднѣе. Пріятелей, друзей завелось хоть прудъ пруди! По театрамъ ѣздилъ... Все трагедію ходилъ смотрѣть: очень любилъ, только не видѣлъ ничего путнаго и не помню ничего, потому что больше все пьяный“, и т. д. Естественное послѣдствіе этого разгула—полная растрата всего наслѣдства, а тамъ—„продать платье, всѣ модныя штуки, взять бумажками, размѣнять на серебро, серебро на мѣдныя“, а тамъ—полная нищета и позоръ. Однако ѣсть надобно. И вотъ, не будучи въ состояніи воровать,—совѣсть не позволяетъ,—Любимъ Карпычъ добываетъ себѣ пропитаніе шутствомъ. „Сталъ по городу екоморохомъ ходить, по копеечкѣ собирать, шута изъ себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь съ утра ранняго въ городѣ, гдѣ-нибудь за угломъ отъ людей хоронишься да дожидаяешься кушцовъ. Какъ пріѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣно, ну и дасть кто пяточокъ, кто гривну. Что наберешь, тѣмъ и дынешь день-то, тѣмъ и существуешь.“

Тяжелая жизнь, полная лишеній и униженій, наконецъ, отрезвила его. Простудившись зимою, онъ пролежалъ довольно долго въ больницѣ и тутъ сталъ приходить въ себя. „Страхъ на меня напалъ,—рассказываетъ онъ Митѣ.—ужасть на меня нашла. Какъ я жилъ? Что я за дѣла дѣлалъ? Сталъ я тосковать, да такъ тосковать, что, кажется, умереть лучше“. Такъ произошло духовное возрожденіе Любима Торцова. Честной трудовой жизнью хочетъ онъ загладить грѣхи прошлаго, но, не найдя поддержки въ родномъ братѣ, грубо оттолкнувшемъ его, не въ силахъ самостоятельно выбиться на желанную дорогу.

Однако, оставаясь босикомъ, Любимъ Торцовъ сумѣлъ сохранить въ себѣ лучшія качества своей души: любовь къ правдѣ, чувство благодарности, участіе къ чужому горю, уваженіе къ труду. Несмотря на то, что онъ, такъ сказать, надорывавъ жизнь, онъ настойчивъ и энергиченъ, разъ дѣло идетъ о судьбѣ симпатич-

ныхъ ему людей. Подъ его паясничествомъ и глумленіемъ надъ Коршуновымъ въ третьемъ дѣйствіи кроется тонкій расчетъ, избличающій въ немъ умнаго человѣка. Ему нужно, съ одной стороны, вывести на чистую воду Коршунова, а съ другой,—задѣвъ его за живое, заставить отказаться отъ невѣсты. И то и другое, какъ извѣстно, вполне ему удается. Сумѣлъ онъ найти дорогу и къ мало доступному гуманнмъ чувствамъ сердцу брата, котораго своей горячей, хватающей за душу рѣчью заставилъ хоть на время стать человѣкомъ. „Человѣкъ ты или звѣрь?“ говоритъ онъ, становясь передъ нимъ на колѣни. „Пожалѣй ты и Любима Торцова! Братъ, отдай Любушку за Митю—онъ мнѣ уголь дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то, да честно пожить. Вѣдь, я народъ обманываль, просилъ мылостыню, а самъ пропиваль. Мнѣ работишку дадутъ: у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда то я Бога возблагодарю. Братъ! И моя слеза до неба дойдетъ. Что онъ бѣденъ-то! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкомъ былъ. Бѣдность не порокъ“. Даже черствый Гордѣй Карпычъ прослезился отъ этой идущей отъ сердца мольбы, даже на него подѣйствовало горячее, благородное слово брата.

Такимъ образомъ, Любимъ Торцовъ, спустившійся въ самые низшіе слои общества, отверженный и братомъ и своимъ сословіемъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ отличается большой нравственной силой и стоитъ несравненно выше Гордѣя Карпыча. Но онъ—жертва того строя жизни, откуда взять сюжетъ для разсматриваемой комедіи, строя, который не даетъ мѣста страстнымъ, энергичнымъ, даровитымъ натурамъ, неспособнымъ обезличиться, какъ напримѣръ, Митя, Любовь Гордѣевна, Целагея Егоровна, или же превратиться въ угнетателя, какъ самодуръ Гордѣй Карпычъ. Изображая въ лицѣ Любима Торцова одну изъ жертвъ патриархальной купеческой среды, Островскій впервые въ нашей литературѣ воплотилъ въ этомъ образѣ типъ русскаго босняка, пройдоцы въ той разновидности, которая наиболѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе и вызываетъ сочувствіе. Поль-столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ созданъ Любимъ Торцовъ, а между тѣмъ онъ до сихъ поръ не утерялъ своей жизненности.

Изобразивъ въ комедіи: „Бѣдность не порокъ“ одного изъ самыхъ типическихъ представителей самодурства и показавъ, какъ дѣйствуетъ оно на окружающихъ, Островскій удѣлилъ въ ней не мало мѣста и чисто бытовой сторонѣ жизни, выведя на сцену народные обычаи, пѣсни, святочные развлечения. Передъ нами проходитъ все незатѣйливое народное русское святочное веселье съ подблюдными пѣснями, ряжеными, танцами и обычнымъ угощеніемъ—пряниками, конфетами, мадерой, веселье и шутки молодежи, шаблонные разговоры старухъ, скорбное пѣніе свадебныхъ пѣсень и т. д. Эта сторона творчества Островскаго—народность тоже была въ значительной степени новостью для тогдашней литературы. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ Аполлонъ Григорьевъ, посвятившій Островскому очень цѣнныя статьи, справедливо увидѣлъ въ этомъ „новое слово“ въ нашей литературѣ. Обращеніе къ народности за матеріаломъ для поэтическаго творчества привело въ восторгъ многихъ изъ современниковъ Островскаго. Яркимъ выразителемъ этого

восторга было напечатанное в журналѣ: „Москвитянинъ“ стихотвореніе, гдѣ находятся, между прочимъ, такіа строки.

Скорѣй въ театр! Тамъ ломаютъ толпами,
Тамъ по душѣ теперь гуляетъ быть родной;
Тамъ пѣсня русская свободно, звонко летаетъ,
Тамъ цѣлый міръ, міръ полный и живой...
Великорусская на сценѣ жизнь пируетъ,
Великорусское начало торжествуетъ,
Великорусской рѣчи складъ,
Великорусскій умъ, великорусскій взглядъ,
Какъ Волга-матушка, широкій и гудливый...

Общая картина жизни, изображенная въ „Грозѣ“ Островскаго.

Характеризуя самодурство Гордѣя Торцова, мы упоминали о томъ, что оно основано на коренныхъ принципахъ русской домашней жизни, опирается на одну сторону понятой домостроевскій идеаль семьи, сохранившійся почти въ полной неприкосновенности въ старомъ купеческомъ быту. Но въ образѣ Гордѣя Торцова Островскій центр тяжести перенесъ на его личные свойства и представилъ его самодурство и деспотизмъ не какъ результатъ определенныхъ бытовыхъ условий, а независимо отъ нихъ, какъ продуктъ его личныхъ свойствъ. Зато въ драмѣ: „Гроза“, написанной шесть лѣтъ спустя послѣ комедіи: „Бѣдность не порокъ“ и увѣнчанной Академіей Наукъ Уваровскою преміей, тотъ же семейный деспотизмъ и самодурство ставятся въ непосредственную связь съ домостроевскими принципами жизни. „Гроза“ написана была послѣ поѣздки Островскаго для изученія въ бытовомъ и промышленномъ отношеніи верхняго теченія Волги. Создавалась она одновременно съ отчетомъ о путешествіи и явилась плодомъ непосредственныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ наблюденій надъ народно-купеческимъ бытомъ.

Какъ и въ комедіи: „Бѣдность не порокъ“, дѣйствіе разыгрывается въ предѣлахъ одной семьи, но на ряду съ этимъ, въ видѣ, такъ сказать, общаго фона картины, авторъ даетъ краткій очеркъ жизни приволжскаго города Калинова, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Это одинъ изъ тѣхъ медвѣжьихъ угловъ нашего отечества, которые точно отрѣзаны отъ всего міра и не ощущаютъ никакой связи съ остальными людьми. Лучшій истолкователь „Грозы“—Добролюбовъ въ статьѣ: „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, посвященной разбору ея, такъ характеризуетъ обитателей Калинова: „Никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣняться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ,—обитатели города Калинова будутъ себѣ существовать по прежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ“. Эта обособленность, жизнь въ сторонѣ отъ всякихъ постороннихъ вліяній дала полный просторъ для развитія нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ мѣщанско-купеческаго быта, застывшаго въ неизмѣнныхъ формахъ домостроевскихъ традицій. Лучше всего обрисовывается эта жизнь въ рѣчахъ единственнаго положительнаго типа, выведеннаго въ этой пьесѣ Островскимъ,—

механика-самоучки Кулигина. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изображаетъ онъ Борису жизнь калиновцевъ: „Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! Въ мѣщанствѣ, сударь, вы ничего, кромѣ грубости да бѣдности нагольной, не увидите. И никогда намъ, сударь, не выбиться изъ этой коры! Потому что честнымъ трудомъ никогда не заработать намъ больше насущнаго хлѣба! А у кого деньги, сударь, тотъ старается бѣднаго закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ наживать... Бульваръ сдѣлали, а не гуляютъ. Ну, что-бы, кажется, имъ не гулять, не дышать свѣжимъ воздухомъ? Такъ нѣтъ. У всѣхъ давно ворота, сударь, заперты, и собаки спущены... Вы думаете, они дѣло дѣлаютъ, либо Богу молятся? Нѣтъ, сударь! И не отъ воровъ они запираются, а чтобы люди не видали, какъ они своихъ домашнихъ бьютъ поѣдомъ, да семью тиранятъ. И что слезъ льется за этими запорами невидимыхъ да неслышимыхъ!.. И что, сударь, за этими замками разврату темнаго да пьянаго! И все шито да крыто... Ты, говорить, смотри въ людяхъ меня да на улицѣ, а до семьи моей тебѣ дѣла нѣтъ. Семья, говорить, дѣло тайное, секретное! Знаемъ мы эти секреты-то! Отъ этихъ секретовъ-то, сударь, ему одному весело, а остальные волкомъ воютъ. Да и что за секретъ? Кто его не знаетъ! Ограбить сиротъ, родственниковъ, племянниковъ, заколотить домашнихъ, такъ, чтобы ни объ чемъ, что онъ тамъ творить, пикнуть не смѣли,—вотъ и весь секретъ“!

Безпредѣльное невѣжество царить въ этой ужасной средѣ, погруженной въ свои будничныя дразги. Да оно и не удивительно. Всякая любознательность, всякая попытка выйти изъ заколдованнаго круга калиновскихъ понятій подавляется въ корнѣ своемъ, какъ нѣчто грѣшное и преступное. Такія лица, какъ стремящійся къ свѣту знанія, вопреки всѣмъ преградамъ, самоучка-механикъ Кулигинъ, встрѣчаютъ одно осужденіе отъ представителей этой среды. Хочетъ, напримѣръ, Кулигинъ для общей пользы устроить громоотводъ и, чтобы склонить на пожертвованіе купца Дикого, разъясняетъ ему причины грозы, указывая, что она происходитъ отъ электричества. А тотъ въ отвѣтъ преподноситъ слѣдующую тираду: „Какое еще тамъ електричество! Ну, какъ же ты не разбойникъ? Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что, ты татаринъ, что-ли?“ Зато какимъ уваженіемъ пользуются личности въ родѣ странницы Оеклуши, которая „по своей немощи далеко не ходила, а слышать—много слыжала“. Разказы Оеклуши имъ по душѣ, ибо вполне гармонируютъ съ ихъ собственнымъ невѣжествомъ. Съ упоеніемъ слушаютъ они повѣствованія старой болтуни о странѣ, гдѣ всѣ люди съ песьими головами, объ огненномъ змѣи, котораго стали запрягать „для ради скорости“, о дьяволѣ, котораго она собственными глазами видѣла въ Москвѣ поутру на крышѣ одного дома съющимъ плевелы, чтобы ихъ потомъ въ суетѣ дневной подбирали люди.

Таковъ общій фонъ жизни, на которомъ вырисовываются отдѣльныя дѣйствующія лица „Грозы“. Мы остановимся на личности Дикого, Кабановой, ея сына и главной героини Катерины, какъ наиболѣе типичныхъ явленій этой жизни.

Дикой, Кабанова, Тихонъ.

Въ лицѣ Дикого мы имѣемъ дѣло съ самодуромъ чистѣйшей воды. Это человѣкъ, для котораго не существуетъ никакихъ разумныхъ основаній для его поступковъ, который не признаетъ права даже на ничтожный самостоятельный шагъ у тѣхъ людей, которые имѣли несчастье попасть къ нему въ подчиненіе. Единственный законъ, единственная сила, передъ которой всѣ должны склоняться,—это его дикій, необузданный лишенный всякихъ логическихъ основаній произволь. Это, по мѣткому опредѣленію калиновцевъ, „воинъ“; по его собственнымъ словамъ, „у него дома постоянно война идетъ“.

Вотъ одна сцена, въ достаточной степени характеризующая воинственное настроеніе Дикого и показывающая, въ чемъ оно проявляется. Гуляя въ праздничный день на бульварѣ, встрѣчается онъ со своимъ племянникомъ Борисомъ, вся вина котораго только въ томъ, что онъ попался ему на дорогѣ. И вотъ, не взирая ни на что, онъ всенародно чуть не съ пѣной у рта накидывается на него: „Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: не смѣй мнѣ навстрѣчу попадаться; тебѣ все нейдетъ! Мало тебѣ мѣста-то? Куда не пойдешь, тутъ ты и ешь! Тыфу ты, проклятый!“ Борисъ, по опыту зная всю бесполезность возраженій, молча выслушиваетъ ругательства дяди. Но тотъ все не успокаивается. „Что ты, какъ столбъ, стоишь-то? Тебѣ говорить аль нѣтъ?“ продолжаетъ онъ свои нападки.—Я и слушаю, что-жъ мнѣ дѣлать еще,—смирно отвѣчаетъ Борисъ. Но передъ Дикимъ никогда правъ не будешь: „Провались ты! Я съ тобою и говорить-то не хочу, съ езуитомъ. Вотъ навязался!“ произноситъ онъ напоследокъ, плюетъ и уходитъ прочь. Ни за что, ни про что ругательски изругалъ невиннаго человѣка и его же сдѣлалъ виноватымъ во всемъ происшедшемъ. Но не только съ членами своей семьи „воюетъ“ Дикой; онъ также накидывается на всѣхъ, предъ кѣмъ чувствуетъ свою силу.

На ряду съ этимъ безмысленнымъ самодурствомъ, основаннымъ на сознаниіи своего вѣншнаго превосходства надъ окружающими, которое формулируется Дикимъ въ словахъ: „Ты—червякъ! Захочу—помилую, захочу—раздавлю“, авторъ отгнѣнилъ въ немъ и другія черты, характерныя для нѣкоторыхъ представителей дореформеннаго купечества. Это—жадность къ деньгамъ и склонность къ плутовству, которыя онъ въ своей беззащитной наивности открыто выставляетъ на показъ. Для него нѣтъ ничего хуже, какъ платить кому-нибудь деньги. „Знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу“, откровенничаетъ онъ передъ Кабановой: „Другъ ты мнѣ и я тебѣ долженъ отдать, а прѣди ты у меня просить—обругаю. Я отдамъ—отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю внутреннюю разжигать станеть... ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка“. Онъ присваиваетъ наслѣдство Бориса и не стѣняясь заявляетъ: „у меня свои дѣти, за что я чужимъ деньги отдамъ? Черезъ это я своихъ обидѣть долженъ“. На замѣчаніе городничаго, чтобы онъ честно рассчитывалъ рабочихъ, Дикой беззащитно отвѣчаетъ ему: „Стоять-ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами объ такихъ пустягахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то народу перебиваетъ; вы то поймите: не доплачу я имъ по какой-нибудь копейкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо“.

Но какъ ни разпузданъ въ своемъ самодурствѣ Дикой, попирающій элемен-

тарныя правила нравственной порядочности, въ душѣ его, все-же живетъ скрытая боязнь нарушенія установленныхъ нормъ жизни. Характеренъ въ этомъ отношеніи его рассказъ о томъ, какъ онъ, изругавши во время говѣнья мужика, потомъ „на дворѣ, въ грязи ему кланялся, при всѣхъ... кланялся“. Этимъ ^{кающимся} кающимся гдѣ-то въ глубинѣ души сознаниемъ необходимости подчинять свою необузданную волю высшему нравственному распорядку объясняется его видимое признаніе превосходства надъ собою Кабановой, которая одна во всемъ городѣ можетъ его „разговорить“. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ ея онъ видитъ воплощеніе тѣхъ идеаловъ жизни, нравственныхъ принциповъ, дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ которыхъ является его самодурство.

Кабанова—это олицетвореніе тѣхъ жизненныхъ правилъ въ ихъ крайней формѣ, сложившихся въ русскомъ народѣ, которыя впервые въ Домостроѣ нашли себѣ выраженіе въ литературѣ. Въ основѣ ихъ лежитъ, между прочимъ, мысль, о повиновеніи дѣтей родителямъ и жены мужу. Но какой уродливый видъ получила она въ моральномъ кодексѣ Кабановой! Единственное средство достигнуть такого повиновенія, по ея мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы внушать членамъ семьи непрестанный страхъ, постоянно изводить ихъ упреками и бранью, не давать имъ сдѣлать по своей волѣ и шагу, распространить свой контроль не только на дѣйствія, но и мысли ихъ. И она настойчиво, послѣдовательно проводитъ эти принципы въ жизнь, ни передъ чѣмъ не отступая. Какъ ржа желѣзо, по выраженію одного дѣйствующаго лица, точитъ она своего совершенно уже обезличеннаго сына Тихона и его жену Катерину, не давая имъ свободно дохнуть. То ни съ того, ни съ сего, начинаетъ она допекать сына, что тотъ недостаточно почтителенъ къ ней и славить повсюду, что мать ворчунья и проходу не даетъ, хотя сама же признается, когда сынъ возражаетъ ей, что ничего подобнаго не слыхала—„ужь кабы слыхала, тогда не такъ бы заговорила“; то попрекаетъ его въ томъ, что онъ жену больше любитъ чѣмъ мать,—нѣтъ нужды, что она этого „глазами не видитъ: у нея сердце вѣщуетъ, она сердцемъ можетъ чувствовать“, то вдругъ накидывается на невестку, когда та почтительно замѣтила, что и она и мужъ относятся къ ней съ любовью, упрекая ее въ томъ, что она выставляетъ на показъ свои чувства. И это все на улицѣ, вышедши изъ церкви! Когда Тихонъ на упреки матери, что жена его не боится, замѣчаетъ, что ему этого и не нужно, съ него довольно ея любви, она считаетъ его чуть не сумасшедшимъ. „Какъ зачѣмъ бояться,—говорить она,—какъ зачѣмъ бояться? Да ты рехнулся, что-ли? Тебя не станеть бояться, меня и подавно. Какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ? Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь? Али, по-вашему, законъ ничего не значить?“

Такимъ образомъ, по ея убѣжденію, опирающемуся на незыблемый законъ старины, страхъ передъ родителями, передъ мужемъ долженъ непрестанно господствовать въ семейныхъ отношеніяхъ, иначе всѣ совратятся съ пути истиннаго и погибнутъ. И вотъ она „страхомъ спасаетъ“ сына и невестку, подчиняетъ своему неустанному контролю каждое ихъ дѣйствіе.

Тихонъ даже не можетъ попроситься съ женой такъ, какъ велитъ ему сердце. Грознымъ олицетвореніемъ „закона“ является между ними мать и заставляетъ сына повторять за собою строгія наставленія женѣ о почтеніи къ свекрови, о томъ,

„чтобы не сидѣла, сложа ручки, въ окна глазъ не пилила“ и т. д. Когда Катерина, разставаясь съ мужемъ, въ порывѣ нѣжности бросается ему на шею, раздается грозный окрикъ Кабановой: „Что на шею-то виснешь, безстыдница! Онъ тебѣ мужъ—глава! Аль порядку не знаешь? Въ ноги кланяйся!“ Проводивъ мужа, Катерина должна даже выражать скорбь по указу свекрови: часа полтора „выть“, лежа на крыльцѣ; не дѣлая этого, она подвергается ядовитымъ упрекамъ Кабановой въ отсутствіи любви къ мужу.

Этотъ убивающій всякую волю, отравляющій существованіе семейный деспотизмъ, превращающій человѣка въ послушнаго раба чужого самодурства, какъ уже было указано, опирается у Кабановой на опредѣленное міровоззрѣніе, вытекающее изъ стремленія сохранить неприкосновенными завѣщанныя, по ея понятію, стариной правила жизни. Она скорбитъ, что молодежь (сынъ и невѣстка) не знаетъ никакого порядка—даже проститься путемъ не умѣетъ, что только старшими и держится жизнь; съ сокрушеніемъ думаетъ о томъ, какъ выводится „старина“, безъ соблюденія завѣтовъ которой, по ея мнѣнію, наступитъ чуть не свѣтопредставленіе.

Кабановскій деспотизмъ и самодурство куда страшнѣе того, который проявляетъ Гордый Торцовъ или Дикой: у тѣхъ нѣтъ внѣ себя никакой опоры, и потому ихъ все же можно, хоть и рѣдко, искусно играя на нихъ психологіи, заставить на время стать обыкновенными людьми, какъ это дѣлаетъ Любимъ Торцовъ со своимъ братомъ. Но нѣтъ той силы, которая сбита бы съ позиціи Кабанову: помимо своей деспотической природы, она всегда найдетъ себѣ опору и поддержку въ въ тѣхъ устояхъ жизни, которые она считаетъ неприкосновенной святыней. Вотъ почему, если самодурскій гнетъ Торцова уничтожающимъ образомъ дѣйствовалъ на личности подчиненныхъ ему людей, то несравненно въ большей степени долженъ проявляться деспотизмъ Кабановой: слабыя, безвольныя натуры, болѣе или менѣе легко подчиняющіяся чужому вліянію, онъ окончательно обезличиваетъ, какъ это и случилось съ Тихономъ; что же касается до дѣльныхъ, страстныхъ характеровъ, не могущихъ заглушить въ себѣ жажду свободной жизни, но и не способныхъ отрѣшиться отъ тѣхъ взглядовъ, которые имъ внушила среда, то они зачастую гибнутъ, не вынеся страшнаго внутреннего разлада, что мы и видимъ на Катеринѣ.

Тихонъ, въ сущности, не дурной человѣкъ; у него есть хорошія природныя качества, какъ мягкость сердца, совѣтливость, способность нѣжно полюбить человѣка и жалѣть его въ несчастіи, забывая собственное оскорбленіе, но онъ совершенно забитъ и обезличенъ подъ желѣзнымъ гнетомъ матери и лишенъ всякой самостоятельности; у него нѣтъ не только воли, но даже самостоятельной мысли. „Да я, маменька, не хочу своей волей жить. Гдѣ ужъ мнѣ своей волей жить“. Заявляетъ онъ какъ то матери и, дѣйствительно, ни въ чемъ не можетъ онъ ее послушаться, не въ состояніи повиноваться своему внутреннему голосу. Онъ—послушное орудіе въ ея рукахъ, яркій показатель того, до какой степени ничтожества можетъ доходить человѣческая личность, изуродованная самодурствомъ и деспотизмомъ.

К а т е р и н а.

Но не всё, подобно Тихону, теряют подъ гнетомъ Дикихъ и Кабановыхъ свою индивидуальность, становятся безвольными, неспособными ни къ какому самостоятельному шагу существами, или же со спокойнымъ сердцемъ, при помощи лжи и хитрости подрываютъ ихъ власть, какъ это дѣлаетъ, напимѣрь, Варвара. Есть натуры сильныя, энергичныя, съ ясно выраженной индивидуальностью, органически честныя, которыя не способны ни на тотъ, ни на другой выходъ. Если при этомъ окружающая среда, съ дѣтства засосавшая ихъ, внушила имъ тѣ или другія черты своего міровоззрѣнія, онѣ не въ силахъ освободиться отъ ея власти и гибнуть жертвой внутреннего разлада, зачастую трагически кончая свою жизнь. Такой жертвой въ драмѣ: „Гроза“ и является главное дѣйствующее лицо ея—Катерина.

Катерина одарена страстной, энергичной натурой, отъ природы неспособной подчиняться чужому гнету, насилію. „Такая ужъ я зародилась горячая“, рассказываетъ она о себѣ Варварѣ: „Я еще лѣтъ шести была, не больше, такъ что сдѣлала. Обидѣли меня чѣмъ то дома, а дѣло было къ вечеру, уже темно, я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужъ нашли версть за десять!“ „Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характера!“ продолжала она дѣлать: „Конечно, не дай Богъ этому случиться. А ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостынетъ, такъ не удержать меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь“. Но было бы ошибкой думать на основаніи этого факта, что Катерина принадлежитъ къ буйнымъ, строптивымъ характерамъ. Наоборотъ, это воплощенная кротость, мечтательность, натура, склонная къ идеализации, „возвышающимъ обманамъ“.

Въ дѣтствѣ этотъ богатый внутренній міръ находитъ себѣ пищу въ религиозномъ настроеніи, чему содѣйствовала и обстановка ея родной семьи, гдѣ она „жила—ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ“. Все—и ежедневное посѣщеніе Богослуженія утромъ и вечеромъ, и рассказы странницъ и богомолковъ, сопровождаемые пѣніемъ духовныхъ пѣсней, и рукодѣліе „по бархату золотомъ“, и горящія всю ночь передъ иконами лампадки—все способствовало религиозной мечтательности, наполнявшей ея внутренній міръ. Въ церкви она чувствовала себя, какъ въ раю, чутко прислушиваясь къ той музыкѣ возвышенныхъ настроеній, какая звучала у нея въ душѣ. Вся проникнутая религиознымъ порывомъ, она видитъ ангеловъ, летающихъ въ столбахъ кадильнаго дыма, слышитъ ихъ пѣніе. Во снѣ ей грезятся „или храмы золотые, или сады какіе то необыкновенные, и все поютъ невидимые голоса, и кипарисомъ пахнетъ, и горы и деревья, будто не такія, какъ обыкновенно, а какъ на образахъ пишутся“. Такъ создала она себѣ въ дѣтствѣ свой особый, свѣтлый и чистый внутренній міръ, который сливался съ окружающей ея обстановкой, одухотворялъ ее, ступенькая всѣ отрицательныя, мертвящія ея стороны. Она не замѣчаетъ поэтому никакихъ темныхъ свойствъ въ окружающей жизни и безропотно подчиняется ея укладамъ, которые мало по малу облекаются въ форму ея собственныхъ убѣжденій. А уклады эти тѣ-же самыя, что въ семьѣ ея мужа,—не даромъ-же Кабанова выбрала Катерину въ жены своему сыну. Не было только тамъ страшнаго гнета, или его не чувствовала на себѣ нѣжно любимая мать Катерина. Безропотно подчиняясь волѣ родительскаго авторитета, она не испытывала его

тяжести, потому что не имѣла своихъ стремленій, которыя встрѣтили бы препятствіе въ окружающемъ ее порядкѣ жизни. Вотъ почему она не протестуетъ противъ него даже тогда, когда во имя его совершается огромный переломъ въ ея жизни: бракъ съ Тихономъ Кабановымъ. Знаетъ она, что дѣвушки ея возраста выходить замужъ, что въ этомъ вопросѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ родителямъ, не чувствуетъ въ себѣ никакихъ основаній для сопротивленія родительской волѣ и спокойно идетъ на этотъ шагъ.

Вѣрная нравственнымъ законамъ своего быта, она стремится жить съ мужемъ въ любви и совѣтѣ, быть ему хорошей женою. Но ея природныя свойства, ея внутренний міръ не въ силахъ мириться съ тѣмъ семейнымъ адомъ, который царитъ подъ видомъ родительской власти въ домѣ Кабановой. Катерина впервые испытываетъ мучительный разладъ между своимъ внутреннимъ міромъ и окружающею ея жизнью. Душевное спокойствіе потеряно, потому что разлетаются прахомъ при соприкосновеніи съ гнетущею дѣйствительностью ея свѣтлыя мечты, подавляются ея лучшія чувства. Точно въ тюрьмѣ живетъ она; каждый шагъ ея подвергается подозрительному контролю, въ ней видятъ дурные, грѣховныя помыслы. Она не можетъ отдаться тѣмъ свѣтлымъ религиознымъ порывамъ, которые такъ питали ея душу въ юности: слишкомъ тяжело гнѣть, слишкомъ безвыходенъ, чтобы можно было забыть о немъ хоть на время. Какъ дамокловъ мечъ, виситъ надъ ней всегда деспотизмъ Кабановой и неоткуда ждать спасенія. Она совершенно одинока и задыхается въ мрачной тюрьмѣ кабановскихъ понятій.

А естественная потребность участія, любви, ласки, жажда встрѣтить родственную душу, съ которой можно было бы подѣлиться сокровенными движеніями сердца, тѣмъ болѣе растетъ, чѣмъ сильнѣе сознаетъ она разладъ съ окружающими людьми и свое духовное одиночество. „Ночью, Варя,—жалуется она сестрѣ мужа,—не спится мнѣ, все мерещится шопотъ какой то: кто то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубить меня, точно голубъ воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья да горы... Охъ, дѣвушка, что-то со мной недоброе дѣлается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не бывало... Сдѣлается мнѣ такъ душно дома, что бѣжала-бы!“

Встрѣча съ Борисомъ даетъ реальный исходъ этому неопредѣленному томленію, вызванному неудовлетворенностью жизни. Въ этомъ человѣкѣ изъ другого міра, съ другими понятіями и убѣжденіями, чѣмъ тѣ, какія господствуютъ вокругъ нея, чувствуетъ Катерина симпатію и участіе къ себѣ, и вотъ противъ ея собственной воли пробуждается въ ея душѣ чувство любви къ нему. Въ страшный ужасъ и недоумѣніе приводитъ оно Катерину. „Быть грѣху какому-нибудь“, исповѣдывается она передъ Варварой: „Такой на меня страхъ! Точно я стою надъ пропастью, и меня кто-то туда толкаетъ, а удерживаться мнѣ не за что... Что со мной? Передъ бѣдой, передъ какой-нибудь это!“ Считать законнымъ свое новое чувство она не можетъ, она признаетъ его преступленіемъ: „Вѣдь, это не хорошо, вѣдь, это страшный грѣхъ, что я другого люблю“, говоритъ она Варварѣ и безпомощно ищетъ вокругъ себя поддержки и опоры, чтобы спастись отъ самой себя. Она всѣми силами хочетъ пробудить въ своей душѣ чувство къ мужу, но ея отчаянныя усилія разбиваются о тупоуміе и пошлость этой жертвы самодурства. Сцена прощанья съ Тихономъ какъ нельзя лучше показываетъ намъ, какъ мало цѣнить онъ свою жену, какъ

чужда и непонятна ему душевная жизнь ея. Чувствуя, что съ отъездомъ мужа она не въ силахъ будетъ бороться сама съ собою, Катерина умоляетъ его не уѣзжать или же взять ее съ собою. „Да нельзя“, холодно отвѣчаетъ онъ, освобождаясь отъ ея объятій: „Куда какъ весело съ тобой ѣхать! Вы меня уже заѣздили здѣсь совсѣмъ! Я не чаю, какъ вырваться-то, а ты еще навязываешься со мной... Ты подумай то: какой ни на есть, а я, все-таки, мужчина; всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мною не будетъ, кандаловъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены-ли мнѣ“. — „Какъ же мнѣ любить тебя, когда ты такія слова говоришь!“ восклицаетъ бѣдная женщина въ отвѣтъ на эту грубо циничную откровенность. Но Тихону съ его пришибленнымъ умомъ не понять всей горькой справедливости этого упрека, и онъ спокойно уѣзжаетъ, покинувъ на произволъ судьбы свою жену, и предается дикому разгулу, „чтобъ ужъ на цѣлый годъ отгуляться“.

Но Катерина все еще не теряетъ надежды побороть зародившееся чувство: она налагаетъ на себя работу для бѣдныхъ, думая такимъ путемъ заглушить грѣшныя мысли. „Пойду въ гостинный дворъ,—мечтаетъ она,—куплю холста да и буду шить бѣлье, а потомъ раздамъ бѣднымъ. Они за меня Богу помолятся. Вотъ и засядемъ шить съ Варварой и не увидимъ, какъ время пройдетъ; а тутъ Тиша приѣдетъ“.

Но обстоятельства роковымъ образомъ складываются противъ нея, когда по своему жалѣющая ее Варвара устраиваетъ ей свиданіе съ Борисомъ. Страшную борьбу выдерживаетъ съ собою Катерина, но, въ концѣ концовъ, не въ силахъ устоять противъ искушенія видѣть любимаго человѣка. „Мнѣ хоть умереть, да увидѣть его!.. Ахъ, кабы ночь поскорѣ!“ восклицаетъ она въ порывѣ нахлынувшей на нее жажды жизни.

Однако сближеніе съ Борисомъ не даетъ ей даже временнаго счастья. Грознымъ призракомъ стоитъ передъ нею сознаніе грѣховности своего чувства, съ одной стороны, и, съ другой—неспособность лгать и притворяться. „Поди отъ меня! Поди прочь, окаанный человѣкъ! Ты знаешь-ли: вѣдь, мнѣ не замолить этого грѣха, не замолить никогда! Вѣдь, онъ камнемъ ляжетъ на душу, камнемъ“, — такими словами встрѣчаетъ Катерина Бориса на первомъ свиданіи. Тѣмъ не менѣе она не можетъ отказаться отъ своего счастья,—слишкомъ уже истомилась она въ душевномъ одиночествѣ подъ гнетомъ семейнаго деспотизма, слишкомъ ужъ жаждетъ она дать просторъ накипѣвшему чувству. Голосъ разсудка, сознаніе нравственнаго долга заглушаются въ бѣдной женщинѣ открывающейся перспективой счастья, которое она такъ тщетно стремилась отыскать въ кабановской семьѣ. Какъ ночная бабочка на огонь, неудержимо рвется она изъ мрака своей семьи на просторъ, къ свѣту раздѣленнаго чувства и не въ силахъ устоять противъ соблазна. „Нѣтъ у меня воли. Кабы была у меня своя воля не пошла-бы я къ тебѣ“, твердитъ она Борису, формулируя въ этихъ словахъ свою неодолимую жажду новой жизни. И она всей душой стремится навстрѣчу неизвѣданному счастью. Не будь Катерина отъ природы органически честной натурой, обладай она, подобно Варварѣ, столь развитой въ „темномъ царствѣ“ способностью лгать и притворяться, она сумѣла бы выйти изъ своего положенія. Но ея правдивая душа не выносить сдѣлокъ съ совѣстью. „Обманывать-то я не умѣю; скрыть-то ничего не могу“, признается она откровенно Варварѣ.

И действительно, когда вернулся мужь, Катерина сама не своя сдѣлалась; по словамъ Барвары, „дрожить вся, точно ее лихорадка бьетъ; блѣдная такая, мечется по дому, точно чего-то ищетъ... На мужа не смѣетъ глазъ поднять“. Гнетущій страхъ, навѣянный религиозными воззрѣніями среды, заставляетъ ее съ трепетомъ ждать возмездія за совершенный грѣхъ. Безмысленныя рѣчи сумасшедшей барыни, раскаты грома, картина геены огненной на церковной стѣнѣ—все это напоминаетъ больному воображенію Катерины о грядущихъ мученіяхъ. Не выдержавъ страшныхъ мукъ совѣсти, она всенародно, въ присутствіи тещи, кается мужу въ своемъ грѣхѣ. „Что, сынокъ, куда воля-то ведетъ!“ злорадно замѣчаетъ старуха, не подозревая того, что не свобода, а именно неволя привела Катерину къ нарушенію нравственнаго долга.

Понятно, что послѣ этого Катеринѣ немислимо было остановиться въ семьѣ мужа. Это значило отдать себя на съѣденіе свекрови, чувствуя непоправимую вину передъ ней, стать навсегда безгласной рабой своего мужа, заживо похоронить себя. Какъ утопающій за соломенку, хватается она за послѣднюю возможность устроить свою жизнь: хочетъ бѣжать съ Борисомъ. Но онъ, хоть и любитъ ее, не имѣетъ настолько силы воли, чтобы рѣшиться на этотъ шагъ. На просьбу Катерины, узнавшей объ этомъ отъѣздѣ, взять ее съ собою, онъ отвѣчаетъ: „нельзя, Катя! не по своей волѣ я ѣду, дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы“... Что оставалось дѣлать Катеринѣ? Ея душевное настроеніе и вытекающее изъ него рѣшеніе, прекрасно обрисовывается въ послѣднемъ монологѣ. „Куда теперь? Домой идти? Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу—все равно. Да, что домой, что въ могилу!... Въ могилѣ лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!... солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочить... весной на ней травка вырастетъ, мягкая такая... Такъ тихо! Такъ хорошо! А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не хорошо! И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду! Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя!“ и она бросается въ Волгу и въ самоубійствѣ находитъ выходъ изъ своего положенія.

Добролюбовъ, давшій блестящій анализъ характера Катерины, видѣлъ въ ней „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, признавалъ, что она представляетъ собою „протестъ противъ кабановскихъ понятій и нравственности, протестъ, доведенный до конца, провозглашенный и подъ домашней пыткой и надъ бездной, въ которую бросилась бѣдная женщина“. Трагическій конецъ ея жизни кажется ему отраднѣмъ, ибо „въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ, онъ говоритъ ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами“. Трудно однако согласиться съ такой точкой зрѣнія на героиню „Грозы“. Развѣ „темное царство“ хоть немного поколебалось въ своихъ устояхъ оттого, что погибла эта правдивая, честная натура, развѣ ея смерть заставила хоть одного человѣка усумниться въ истинности тѣхъ правилъ жизни, которыя въ своемъ крайнемъ выраженіи довели до могилы молодую, хорошую жизнь? Наоборотъ, съ точки зрѣнія кабановской мерали, гибель Катерины есть лучшее подтвержденіе того, какъ опасно нарушать ея завѣты и предписанія. Нѣтъ, не „лучъ свѣта“, не отрадное явленіе возвѣщающее близкую кончину міра Дикихъ и Кабановыхъ, представляетъ

собою Катерина, а несчастную жертву безграничнаго деспотизма и самодурства, культивируемых въ этой средѣ.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ ВЪ ТЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Въ „Грозѣ“ есть намеки на лучи свѣта, которые разсѣютъ тьму „темнаго царства“, но они, по нашему мнѣнію, не тамъ, гдѣ ихъ ошибочно видятъ Добролюбовъ.

Предчувствіе паденія этого царства посѣщаетъ наиболѣе характерную представительницу его—старую Кабанову. Проводивъ сына, она сокрушается о томъ, что „старина выводится“. „Что будетъ, какъ старики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ я и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего“, говоритъ она и тѣмъ самымъ предрекаетъ близкую кончину старыхъ порядковъ жизни. Въѣтъ съ Оеклушей-страницей признаетъ она, что „последнія времена“ приходятъ, и, выслушавъ рассказъ ея о „суетѣ“ Москвы, о желѣзной дорогѣ, о томъ, что „ужъ и время-то стало въ умаленіе приходять“, она со вздохомъ замѣчаетъ, что и хуже будетъ, и что, быть можетъ, и ей придется дожить до этого. Что же является причиной ея тревоги? Отсутствие стойкости въ народѣ, вѣрности завѣтной старинѣ. Вотъ ее „хоть золотомъ осыпь“, она не поѣдетъ по желѣзной дорогѣ, а люди между тѣмъ ѣздятъ и ничѣмъ ихъ не удержишь. Даже въ родномъ ея Калиновѣ появляются такіе „учители“, какъ Кулигинъ, толкующій о томъ, что не нужно бояться грозы и кометы. „Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать“!

Изъ этихъ опасеній Кабановой не трудно понять, что угрожаетъ, по ея мнѣнію, старому міру, что отвращаетъ народъ отъ завѣтовъ прошлаго. Это—просвѣщеніе, лучи котораго начинаютъ проникать и въ далекіе Калиновы и разрушать эти оплоты невѣжества. Не Катерина, которая сильна только своей натурой, а люди, надѣленные новымъ, свѣтлымъ образомъ мыслей, вооруженные знаніемъ, подорвутъ прочныя основы, на которыхъ стоитъ „темное царство“. Намекъ на такихъ людей далъ Островскій въ своей „Грозѣ“ въ лицѣ Кулигина, даровитаго самородка, выдвинутаго изъ нѣдръ народной жизни. Мы уже знаемъ, какъ здраво смотритъ на окружающую его жизнь этотъ самоучка-механикъ, непрестанно воюющій во имя общественныхъ интересовъ съ Дикими и Кабановыми, мечтающій найти „перпету мобиль“, чтобы получить за изобрѣтеніе миллионъ и употребить всѣ деньги для общества, „для поддержки“: „работу надо дать мѣщанству-то, а то руки есть, а работать нечего“, какъ говоритъ онъ о своей завѣтной мечтѣ Борису.

Но Островскому не пришлось изобразить борьбы новой грядущей силы—просвѣщенія, одухотворяемаго гуманными общественными идеалами, съ міромъ купеческаго самодурства и семейнаго деспотизма, выросшихъ на почвѣ старой русской жизни. Борьбу новыхъ началъ со старыми устоями воспроизвелъ онъ въ другой средѣ—чиновничьей. Этой задачѣ посвящена комедія: „Доходное мѣсто“, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и переходимъ.

Дореформенное чиновничество въ „Доходномъ мѣстѣ“ Островскаго.

„Доходное мѣсто“ было написано въ 1856-мъ году. Какъ извѣстно, это было время духовнаго возрожденія русскаго общества, пробудившагося послѣ Крымской войны и подвергшаго критикѣ различныя стороны семейнаго и общественнаго строя. Старый чиновничій міръ былъ одной изъ тѣхъ извѣ, которыми давно такъ мучительно болѣла дореформенная Россія. Неудивительно поэтому, что литература, ставшая вождемъ молодого общественнаго самосознанія, почувявъ новыя вѣянія со вступленіемъ на престолъ Александра II-го, съ удвоенной энергіей принялась громить клику взяточниковъ и казнокрадцовъ, скрывшихся подъ именемъ русскаго чиновничества. Непосредственнымъ отраженіемъ этого общаго освободительнаго движенія литературы явилась и пьеса Островскаго: „Доходное мѣсто“, бывшая въ этомъ отношеніи одной изъ первыхъ ласточекъ, возвѣщающихъ наступленіе новой весны въ русской общественной жизни.

Сюжетъ комедіи какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ историческому моменту, который переживало въ наше время это общество. Онъ воспроизводитъ столкновеніе стараго и новаго поколѣній чиновничьяго міра, захватывалъ этотъ міръ не только въ его отношеніи къ службѣ, но и въ домашней, семейной жизни; въ благополучномъ исходѣ борьбы въ пользу представителя новыхъ идеаловъ—Жадова сказалась характерная для того времени вѣра въ близкое торжество другихъ, болѣе разумныхъ и нравственныхъ началъ гражданской жизни; наконецъ, эта комедія едва-ли не впервые въ русской литературѣ ярко и подробно обрисовываетъ вліяніе семейныхъ отношеній на общественную дѣятельность.

Дореформенное чиновничество имѣетъ въ комедіи трехъ представителей, принадлежащихъ къ различнымъ ступенямъ іерархической лѣстницы. Тутъ и занимающій высокій постъ Аристархъ Владиміровичъ Вышневскій, и его правая рука, стоящій ступеню ниже Юсовъ, и начинающій дѣлать карьеру мелкій департаментскій чиновникъ Бѣлогубовъ. Несмотря на разницу лѣтъ и служебнаго положенія, всѣ они проникнуты одинаковымъ отношеніемъ къ службѣ въ томъ смыслѣ, что видятъ въ ней средство обогащенія всякими нечистыми путями. „Практическій“ взглядъ на службу для нихъ стоитъ на первомъ планѣ. Казнокрадство и взяточничество до такой степени вошло въ служебный обиходъ этихъ людей, что они открыто говорятъ о „доходныхъ мѣстахъ“, т. е. о такихъ, гдѣ наиболее удобно прибѣгать ко взяткамъ или пользоваться хищеніемъ казенныхъ суммъ.

Вышневскій, напримѣръ, не стѣсняясь говорить на эту тему со своимъ племянникомъ Жадовымъ, хотя отлично знаетъ, что тотъ не раздѣляетъ его мнѣнія. Онъ уговариваетъ его „бросить завиральныя идеи“, служить какъ „служать всѣ порядочные люди“, т. е. глядѣть „на жизнь и на службу практически“, и обѣщаетъ въ такомъ случаѣ „помочь и совѣтомъ, и деньгами, и протекціей“. Его не страшитъ общественное мнѣніе, потому что онъ не вѣритъ, чтобы оно было противъ его взглядовъ. Когда Жадовъ отвергаетъ гнусное предложеніе дяди, надѣясь найти для себя поддержку въ общественномъ мнѣніи, тотъ иронически замѣчаетъ ему: „Да дождидайся! У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ, и быть не можетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь. Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не

пойманъ—не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и вель себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку“. Что касается до совѣсти, то она не очень-то тревожить его и легко успоаивается такими, напри- мѣръ, аргументами, какъ „спокойствіе совѣсти не спасетъ... отъ голода“, и т. п. Для того, чтобы на законномъ основаніи удовлетворять свои пріобрѣтательскія вождѣнія, Вышневскій, конечно, долженъ хорошо знать всю формальную сторону своей службы, и онъ, дѣйствительно, является настоящимъ дѣльцомъ,—„геній, Наполеонъ, ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ“, по выраженію Юсова хотя и „въ законѣ не совѣмъ твердъ“, ибо „изъ другого вѣдомства“. Но тутъ всегда на под- могу являются Юсовы, прекрасно понимающіе справедливость старой поговорки: „рука руку моетъ“.

Юсовъ, ближайшій подчиненный и правая рука Вышневскаго, прошелъ длин- ный и тяжелый путь прежней чиновничьей ферулы и является однимъ изъ типич- нѣйшихъ представителей старыхъ служебныхъ порядковъ. Съ раннихъ лѣтъ тянется онъ канцелярскую лямку, цѣлко пробираясь все выше и выше, совершенствуясь въ умѣніи замѣтать слѣды своихъ незаконныхъ поступковъ. „Меня,—рассказываетъ онъ о своемъ прошломъ,—давно ужъ это было—привели въ присутствіе въ затрапезномъ халатничкѣ, только что грамотѣ зналъ—читать да писать... Года два былъ на побѣ- гушкахъ, разныя комиссіи исправлялъ: и за водкой то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмѣлья, и сидѣлъ-то я не у стола, не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то я не изъ чернильницы, а изъ старой помадной банки. А вотъ вышелъ въ люди... Да-съ, имѣю теперь три домика, хоть далеко, да это мнѣ не мѣшаетъ; лошадокъ держу четверню. Оно подальше-то лучше; и земли побольше и не такъ шумно, да и разговоръ меньше, пересуду“. Понятно, на какія деньги пріобрѣтены эти „три домика“, если Юсовъ предусмотрительно заботится о томъ, чтобы было поменьше „пересуду“. Прекрасно приспособившись къ старому порядку, при которомъ для людей его пошиба не жизнь, „а рай просто—умирать не надо“, онъ, конечно, не можетъ спокойно относиться къ „нынѣшнимъ“, „верхо- глядамъ, образованнымъ“, отъ которыхъ, по его словамъ, „жизня нѣтъ“, и онъ вся- чески тѣснитъ ихъ „для пользы службы“. Къ „простымъ людямъ“ у него „больше сердце лежитъ“. „При нынѣшнихъ строгостяхъ случается съ человѣкомъ несчастье, выгонять изъ уѣзднаго училища за неуспѣхи или изъ низшихъ классовъ семина- ріи: какъ его не придрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего онъ лишень, всѣмъ обиженъ. Да и люди-то выходятъ... понятливѣе и подобострастнѣе, душа у нихъ открытѣе“.

Такимъ подчиненнымъ во вкусѣ Юсова является молодой чиновникъ Бѣлогубовъ. Онъ хоть и „грамоты не знаетъ“, по собственному признанію Юсова, писать не умѣетъ правильно, тѣмъ не менѣе онъ быстро дѣлаетъ служебную карьеру подѣ покровительствомъ своего начальника, который видитъ въ немъ человѣка своего ла- гера и всячески его поддерживаетъ. Занимая ничтожное мѣсто писца, онъ умудря- ется получать отъ просителей взятки, хотя бы въ видѣ матеріи на жилеты, а до- бившись, при содѣйствіи Юсова, мѣста столоначальника, онъ уже беретъ во всю и даритъ на пріобрѣтенныя такимъ путемъ деньги роскошные наряды своей женѣ. И онъ, подобно Вышневскому, смотритъ на взятки, какъ на совершенно естественное, чуть-ли не законное дѣло, и открыто говоритъ о томъ, что ему удалось „зацѣпить“,

въ присутствіи сослуживцевъ и прямого своего начальника Юсова. Онъ—плоть отъ плоти и кровь отъ крови стараго чиновничьяго міра. Не даромъ онъ расточаетъ нѣжныя благодарности Юсову, который „вывелъ его въ люди“. „Кому же я обязанъ“?—говоритъ онъ ему на пирушкѣ послѣ одного дѣла, гдѣ онъ „ловко хватилъ“. — „Развѣ бы я понималъ что, кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой-бы того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всемъ“.

Такъ своего рода круговая порука, взаимная поддержка во имя выгоднѣйшаго стяженія существуетъ между этими представителями „закона и власти“ въ дореформенной Россіи.

Изобразивъ ихъ со стороны отношенія къ службѣ, Островскій раскрылъ намъ ихъ душу и внѣ официального ихъ положенія. Онъ очень вѣрно отмѣтилъ, что на ряду съ несчастнымъ отношеніемъ къ служебнымъ обязанностямъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ живетъ особаго рода совѣстливость и благодушіе. Они сами по себѣ не такіе ужъ дурные люди, какими они являются въ качествѣ общественныхъ дѣятелей. Такъ, Юсовъ, напримѣръ, строго блюдетъ свою особую професіональную честность. Онъ до глубины души возмущается какимъ-то песцомъ, взявшимъ взятку и надувшимъ просителя. По его мнѣнію, такого чиновника нужно выгнать со службы, и онъ объясняетъ почему: „Ты возьми, такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Живи по закону; живи такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Что за большимъ-то гоняться! Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ“. И онъ, и Бѣлогубовъ заботятся о своей семьѣ и считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ возможно обезпечить ее въ матеріальномъ отношеніи. Оба они отличаются какимъ-то особымъ добродушіемъ, обходительностью. Со смиреннымъ самодовольствомъ Юсовъ предается такимъ разглагольствованіямъ: „А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ... Мнѣ хоть мужикъ... я съ нимъ, какъ со своимъ братомъ... все равно ближній“. Подкутивъ въ компаніи молодыхъ чиновниковъ, онъ пляшетъ подъ машинку, а потомъ пускается на такія идиллически-сантиментальныя философствованія: „Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна... Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу—и на ту радуюсь; цвѣтокъ увижу—и на него радуюсь,—премудрость во всемъ вижу. Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю... Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что еще сами то будемъ!“ Бѣлогубовъ любезно приглашаетъ Жадова въ свою компанію, предлагаетъ ему занять денегъ и очень огорченъ, когда тотъ отъ всего отказывается.

Но и Бѣлогубовъ и Юсовъ совершенно лишены сознанія нравственной ответственности передъ обществомъ и съ точки зрѣнія общественной этики, представляютъ собою глубоко отрицательное явленіе, тѣмъ болѣе печальное, что они сами въ своей наивной безнравственности не сознаютъ всей преступности своего отношенія къ службѣ.

Одно только тревожитъ ихъ всѣхъ, отъ Вышневекаго до Бѣлогубова—это явленіе „мальчишекъ“, „верхоглядовъ“, которыхъ „сотнями выпускаютъ“, и они могутъ заполнить прежнихъ „орловъ“, какъ выражается Юсовъ о чиновникахъ ста-

рой закваски. Вышневекій только прикидывается спокойнымъ, но въ смѣлыхъ рѣчахъ своего племянника онъ чувствуетъ приговоръ себѣ, вѣрить въ его близкое торжество и, хоть глубоко ненавидитъ, но въ то же время и боится его, ибо чувствуетъ за нимъ силу, съ которой ему не справиться. И Юсовъ, какъ онъ ни „строгъ и взыскателенъ“ съ „нынѣшними“, „образованными“, какъ ни старается ставить имъ всякія преграды, однако и онъ съ сокрушеніемъ признаетъ, что „упадаетъ чиновничество, духу того нѣтъ“. Даже Бѣлогубовъ, при всей своей ограниченности и тупой враждѣ невѣжественнаго человѣка къ образованію, не можетъ не признать преимущества надъ собою Жадова. Старое царство дрожитъ и трепещетъ, чувствуя, что не одобровать ему въ борьбѣ съ представителями новой правды.

Ж а д о в ъ.

Это новое теченіе въ русскомъ чиновничествѣ, котораго такъ боются старые крючкотворцы и взяточники, олицетворено Островскимъ въ личности Жадова. Но авторъ, на протяженіи всей комедіи съ глубокой симпатіей относящейся къ своему герою, не ставитъ однако его на пьедесталъ и, выставляя его положительныя стороны, не скрываетъ и недостатковъ.

Передъ нами заурядный средній человѣкъ, просвѣщенный, проникнутый возвышенными, благородными стремленіями; въ столкновеніи съ суровой дѣйствительностью онъ оказывается далеко не всегда на надлежащемъ нравственномъ уровнѣ и едва не терпитъ полнаго пораженія. Болѣе подробное разсмотрѣніе его личности покажетъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя его стороны, какъ общественнаго дѣятеля.

Въ противоположность Юсову и Бѣлогубову, Жадовъ, прежде всего, образованный человѣкъ; онъ окончилъ университетъ и не только умомъ воспринялъ холодную научную мудрость, но и проникся глубоко возвышенными идеалами общественнаго служенія. Поступивъ на службу подъ начальство дяди и замѣчая вокругъ себя неправду и несправедливость, онъ со всею пылостью юности начинаетъ „читать въ канцеляріи писарямъ мораль“, какъ насмѣшливо выражается о немъ Вышневекій. Онъ вѣритъ въ то, что его слова произведутъ дѣйствіе, заставятъ людей одуматься. Онъ не можетъ равнодушно смотрѣть на совершающіяся вокругъ него мерзости и горячо обличаетъ ихъ. На упреки тетюшки въ излишней нетерпимости Жадовъ отвѣчаетъ: „Да развѣ нетерпимость недостатокъ? Развѣ лучше равнодушно смотрѣть на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ и все мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушія не далеко до порока. Кому порока не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется“. Онъ смѣло и открыто хочетъ проводить въ жизнь тѣ взгляды, которые усвоилъ въ годы ученія съ лучшихъ профессорскихъ кафедръ. Онъ вѣритъ въ возможность просуществовать честной работой, понимаетъ поэзію трудовой жизни, надѣется найти поддержку своимъ стремленіямъ въ общественномъ мнѣніи, словомъ, вступаетъ въ жизнь полнымъ юныхъ силъ, свѣтлыхъ, радужныхъ надеждъ, съ глубокой вѣрой въ торжество добра и правды. Чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, жизнерадостнымъ вѣетъ отъ рѣчей Жадова, когда онъ про-

сидеть у дяди повышения по службѣ, чтобы имѣть возможность жениться. Несмотря на отказ и зловѣщія предсказанія, онъ не падаетъ духомъ и такъ же бодро, какъ и раньше, смотритъ на жизнь: „Да, разговаривайте!“ говоритъ онъ самъ съ собой: „Не вѣрю я вамъ, не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно. Это обыкновенная манера стариковъ разочаровывать молодыхъ людей, представлять все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такой надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! Я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли—и знатности, и денегъ, вамъ некому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистой совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какія деньги. Рассказывайте, что хотите, а я все-таки женюсь и буду жить счастливо“.

Невольно лобуешься этой смѣлой готовностью ринуться въ жизненную борьбу, но въ то же время нельзя не признать нѣкоторой наивности и непослѣдовательности въ рѣчахъ и поступкахъ Жадова.

Начать съ того, что едва-ли есть какой-нибудь смыслъ „читать мораль“ писцамъ въ родѣ Бѣлогубова: это равносильно метанью бисера передъ свиньями. Затѣмъ, ужъ совсѣмъ непослѣдовательно для Жадова служить подъ начальствомъ дяди, завѣдомаго взяточника, и просить у него повышения. Вѣдь, онъ самъ говорить о томъ, что образованный человѣкъ можетъ честнымъ трудомъ прожить съ семействомъ, а онъ пока одинокъ,—что же удерживаетъ его въ обществѣ Юсовыхъ и Бѣлогубовыхъ? Все это свидѣтельствуетъ о его неподготовленности къ практической жизни, о недостаточной послѣдовательности своимъ убѣжденіямъ.

Еще болѣе выступаетъ его непониманіе жизни и людей въ его отношеніяхъ къ невѣстѣ, вообще во всей исторіи любви къ Полинѣ. Здѣсь съ Жадовымъ происходитъ то, что испоконъ вѣковъ переживаетъ человѣчество въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которые мало надѣлены способностью анализа. Подъ влияніемъ сильнаго чувства онъ невѣроятно идеализируетъ Полину, представляетъ ее себѣ такой, какой желалъ-бы видѣть любимую дѣвушку, принимаетъ мечты за дѣйствительность. Всѣ пламенные рѣчи Жадова о назначеніи женщины въ обществѣ, о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о наслажденіи трудомъ пролетаютъ мимо ушей Полины, нисколько не задѣвая ни ея ума, ни сердца, но Жадовъ, ослѣпленный любовью и собственными мечтами, не замѣчаетъ, что его невѣста гораздо болѣе сочувствуетъ бѣлогубовскимъ взглядамъ на жизнь, чѣмъ недоступнымъ ея ограниченному умственному и нравственному кругозору его теоріямъ. Отуманенный своимъ чувствомъ, онъ, не понимая, какую, въ сущности, пошлость и нравственное ничтожество представляетъ собою Полина, женится на ней.

И только проживъ съ женой цѣлый годъ, онъ разгадываетъ Полину. „Исторія моя коротка“, рассказываетъ онъ старому школьному товарищу; „я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и всѣ почти наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ и вотъ ужъ годъ женатъ...“—И что-же?—„Разумѣется, ничего. Воспитывать мнѣ ее некогда, да я и не умѣю приняться за дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ

уступать... Да она меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. По ихъ понятію, умный человѣкъ долженъ быть непременно богатъ“.

Авторъ въ достаточной степени раскрываетъ передъ нами взгляды Полины. Если она не усвоила въ совершенствѣ мѣщанскіе идеалы жизни своей семьи, какъ ея сестра, то все же окружающая среда наложила очень замѣтный отпечатокъ на ея душу. Отсутствие способности вдумчиво относиться къ жизни, недостатокъ воли и полное равнодушіе къ нравственнымъ идеаламъ жизни способствуютъ полному подчиненію Полины авторитету сестры и матери, которыя постоянно настраиваютъ ее противъ мужа.

И вотъ начинается семейный адъ для Жадова. Отъ времени до времени дѣлаетъ набѣги теща и взвнчиваетъ свою дочь. „Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ“! возмущается она Жадовымъ: „Ты то что-же молчишь, сударыня? Не я ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денегъ, да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай... Скажетъ: нѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради, да подай! Зачѣмъ бралъ? Умѣлъ жениться, умѣи и жену содержать прилично“, и т. д. Поддаваясь внушеніямъ матери и сестры, Полина, хотя и любитъ посвоему мужа, но, тяготясь бѣдностью, завидуя сестрѣ, вышедшей за Бѣлогубова и щеголяющей въ роскошныхъ нарядахъ, начинаетъ пилить Жадова, упрекая его въ отсутствіи средствъ.

А онъ ужъ и такъ изнемогаетъ отъ непосильной для него борьбы съ жизнью, къ которой онъ такъ мало подготовленъ. „Какой я человѣкъ! Я ребенокъ“, съ сокрушеніемъ говоритъ онъ о себѣ: „я объ жизни не имѣю никакого понятія... Кругомъ развратъ, силъ мало“. Прежней свѣтлой вѣры въ свои силы, жизнь и людей—какъ не бывало. Сознаніе собственной слабости закрадывается въ его душу. „Не знаю, вынесу ли я“, срывается у него съ языка въ минуту горькаго раздумья о своемъ кажущемся ему безвыходномъ положеніи. Передъ его глазами все яснѣе и яснѣе встаетъ диллема—или поступиться убѣжденіями, или лишиться любви Полины.

Островскій довольно подробно останавливается на изображеніи коллизіи семейныхъ отношеній и общественныхъ обязанностей въ душѣ Жадова; почти весь четвертый актъ комедіи посвященъ этому. Вполнѣ понятно, почему авторъ удѣляетъ такъ много мѣста именно этой сторонѣ душевной драмы своего героя; она является очень типической для русской жизни не только той поры, которая нашла себѣ отраженіе въ „Доходномъ мѣстѣ“, но и времени значительно позднѣйшаго. Здѣсь Островскій является прекраснымъ бытописателемъ, особенно въ обрисовкѣ образа тещи Жадова, вдовы Кукушкиной. Въ мѣстѣ со своею дочерью, которую она умѣла надлежащимъ образомъ настроить противъ мужа, дѣлаетъ она рѣшительное нападеніе на Жадова: „Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдаетъ?... Мы съ мужемъ по грошамъ набирали деньги, чтобы воспитывать дочерей, чтобы отдать ихъ въ пансіонъ... для того, чтобы они имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности... Средства мои самыя ничтожныя, а все-таки, онѣ жили, какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню—не знали; не знали изъ чего щи варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ благоустроенныхъ.... Порядочные люди не заставляютъ женъ работать, для этого у нихъ есть

прислуга, а жена... для того, чтобы одѣвать, какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять все наслажденія“, и т. д. все въ томъ-же родѣ, вплоть до угрозы, что „бѣдность до всего доводитъ“ женщину, и что ее „даже и винить нельзя“. Выведенный изъ себя этими возмутительными рѣчами Жадовъ просить тещу оставить его домъ и запрещаетъ женѣ имѣть какія бы то ни было сношенія съ сестрой и матерью. Но Полина, съ своей стороны, оказываетъ сильное противодѣйствіе мужу, заявляя, что она хочетъ жить, „какъ люди живутъ, а не какъ нищія“, что ей нѣтъ дѣла до средствъ,—„кто любитъ, тотъ найдетъ средства“, и, желая заставить его пойти на сдѣлку съ совѣстью, уходитъ изъ дома, дѣлая видъ, что совѣсьмъ покидаетъ мужа. Жадовъ окончательно сраженъ этимъ неожиданнымъ ударомъ. Онъ не въ силахъ жить безъ жены,—онъ слишкомъ любитъ ее, но удержать ее можно, только пожертвовавъ своими убѣжденіями. И страшныя мысли закрадываются въ душу Жадова. „Нѣтъ, надо рѣшиться на что-нибудь“, говоритъ онъ самъ съ собой: „я долженъ или разстаться съ ней, или... жить... жить, какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать.... Разстаться? Да въ силахъ-ли я съ ней разстаться? Ахъ, какая мука! какая мука! Нѣтъ, ужъ лучше... что съ мельницами то сражаться! Что я говорю! Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову!“ Когда посланная въ догонку за Полиной кухарка возвращается, Жадовъ дѣлаетъ послѣднее отчаянное усиліе, чтобы склонить жену на свою сторону. Онъ говоритъ ей о томъ, что жизнь не стоитъ на мѣстѣ, что всегда были, есть и будутъ люди, которые вступаютъ въ борьбу съ установившимися привычками и условіями жизни во имя лучшаго, свѣтлаго будущаго, что они не могутъ поступать иначе, что „борьба трудна и часто пагубна, но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли-бы до того, что закрыли-бы отъ людей свѣтъ солнечный“. Въ отвѣтъ на эти пламенные рѣчи Жадовъ слышитъ отъ Полины: „Да ты сумасшедшій, право сумасшедшій!“ Жадовъ видитъ, что онъ и жена говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ, и ей никогда не научиться понимать его. „Прощайте, юношескія мечты мои! Прощайте, великіе уроки! Прощай, моя честная будущность!“ со слезами отчаянія восклицаетъ онъ и отправляется вмѣстѣ съ женой просить у дяди доходнаго мѣста.

Такъ палъ нравственно, не выдержавъ борьбы съ пошлостью жизни, этотъ слабый, безвольный представитель новыхъ вѣяній въ русской чиновничьей средѣ. И Вышневицкій справедливо издѣвается надъ нимъ, когда онъ проситъ мѣста, гдѣ бы могъ приобрести что-нибудь: „Не ты ли говорилъ, что растеть какое-то новое поколѣніе образованныхъ, честныхъ людей, мучениковъ правды, которые обличать насъ, закидаютъ насъ грязью?.. И что-жъ оказывается! Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой!“

Въ одномъ только отношеніи глубоко заблуждается Вышневицкій, отождествляя Жадова со всемъ новымъ поколѣніемъ, такъ самоотверженно вступившимъ въ борьбу со старой жизнью. Жадовъ самъ въ концѣ комедіи выясняетъ разницу между собой и лучшими представителями этого поколѣнія: „Всегда были и будутъ честные люди, честные граждане, честные чиновники, всегда были и будутъ слабые люди. Вотъ вамъ доказательство—я самъ... Я не герой, я обыкновенный, слабый человекъ; у меня мало воли... Нужда, обстоятельства, необразованность родныхъ могутъ загнать меня, какъ загоняютъ почтовую лошадь“.

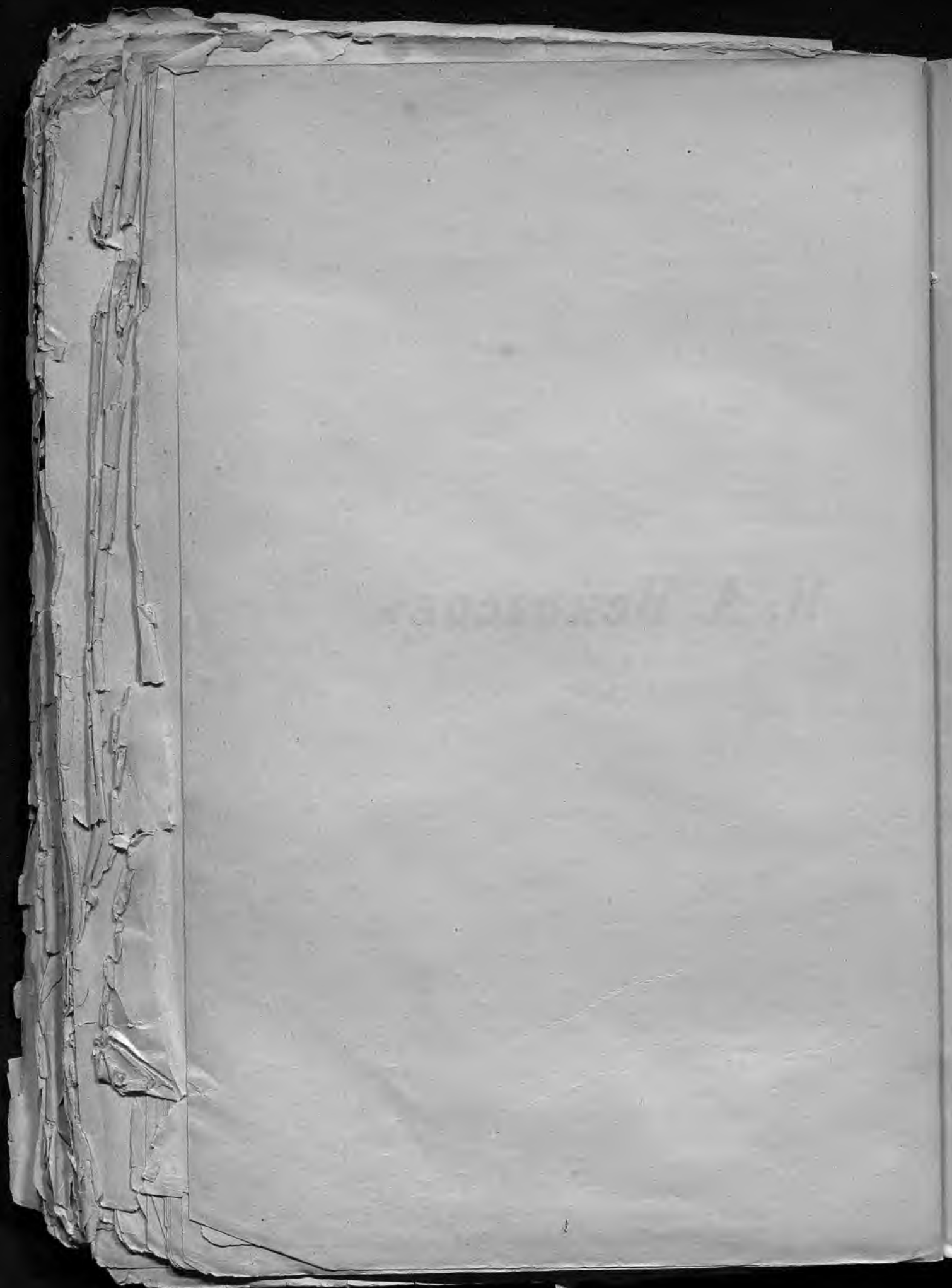
Но Островскій не допустилъ до окончательной гибели своего героя. Радужныя надежды, которыми полны были лучшіе люди наканунѣ „эпохи великихъ реформъ“, отразились и на благополучномъ для Жадова окончаніи комедіи. Когда онъ, стораю отъ стыда, просить у дяди доходнаго мѣста, онъ случайно узнаетъ, что тотъ отданъ подъ судъ, что, значить, начинается новая эра въ чиновничьемъ мірѣ,—и онъ быстро воспрянулъ духомъ. Ярко заблестѣла въ его сознаніи заря лучшаго общественнаго будущаго, и онъ вновь чувствуетъ въ себѣ силы для борьбы. Сознаніе того, что его „правда“ торжествуетъ, что не съ вѣтрыными мельницами ведетъ онъ борьбу, чувства солидарности съ начинающимъ вступать въ свои права новымъ теченіемъ русской жизни окрыляютъ его, даютъ бодрость и энергію, и онъ отказывается отъ Полины, чтобы идти навстрѣчу передовымъ вѣстникомъ начинающагося возрожденія. „Ужъ теперь я не измѣню себѣ“, говоритъ онъ: „если судьба приведетъ ѣсть одинъ черный хлѣбъ,—буду ѣсть одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня, нѣтъ! Я хочу сохранить за собою дорогое право глядѣть всякому въ глаза прямо, безъ стыда, безъ тайныхъ угрызений, читать и смотрѣть сатиры и комедіи на взяточниковъ и хохотать отъ чистаго сердца, откровеннымъ смѣхомъ. Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать...“ Такимъ бодрымъ, не страшась никакихъ невзгодъ является Жадовъ въ концѣ комедіи, и несомнѣнно, что онъ останется вѣренъ себѣ, пока не будетъ чувствовать себя одинокимъ, пока будетъ находить въ чемъ-нибудь поддержку своимъ стремленіямъ.

Во всякія переходныя эпохи бываютъ свои Жадовы, на долю которыхъ выпадаетъ своя тяжелая борьба, далеко не всегда оканчивающаяся такъ благополучно, какъ это показалъ намъ Островскій; основныя черты этого типа и трагизмъ его положенія отливаются обыкновенно въ тѣ формы, какія мы находимъ въ „Доходномъ мѣстѣ“. Вотъ почему эта комедія представляетъ интересъ не только какъ вѣрная картина русскаго чиновничества наканунѣ шестидесятыхъ годовъ, но и потому, что даетъ одинъ изъ общечеловѣческихъ типовъ, особенно хорошо знакомый русской интеллигенціи.

М

Н. А. Некрасовъ.

Біографія Некрасова.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу поэзіи Некрасова, остановимся вкратцѣ на его жизни. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что біографія Некрасова до сихъ поръ мало разработана. Особенно важно прослѣдить не столько за фактической стороной его біографіи, сколько выяснить важнѣйшія вліянія, подъ которыми слагалась личность „печальника народнаго горя“, какъ по справедливости называютъ Некрасова. Для этого придется отмѣнить вліянія какъ семьи, такъ и эпохи, отдѣльныхъ личностей и различныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Разсмотрѣніе съ этой стороны жизни Некрасова въ значительной степени уяснитъ мотивы его поэзіи, а также и поможетъ опредѣлить ея историко-литературное и общественное значеніе.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 22-го ноября 1821-го года въ какомъ-то еврейскомъ мѣстечкѣ Винницкаго уѣзда, Подольской губ., гдѣ былъ расположенъ тотъ полкъ, въ которомъ его отецъ, армейскій офицеръ, состоялъ на службѣ. Черезъ три года отецъ будущаго поэта вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ свое наследственное имѣніе Ярославской губерніи и уѣзда село Грешнево. Уже тогда маленькій Некрасовъ отличался необычайной воспримчивостью и памятью: въ его душѣ запечатлѣлась, напримѣръ, довольно подробно картина пріѣзда въ родовое имѣніе отца, несмотря на то, что ему было тогда всего три года. Понятно, что при столь сильной воспримчивости впечатлѣнія дѣтства должны были ярко сохраниться въ сознаніи мальчика и, какъ это почти всегда бываетъ, оказать вліяніе на его послѣдующую жизнь.

Каковы-же были эти первичныя, сначала даже безсознательныя дѣтскія впечатлѣнія нашего поэта и какое вліяніе могли они оказать на его душевный складъ и развитіе?

Всматриваясь ближе въ дѣтскіе годы Некрасова, особенно принимая въ соображеніе многія автобіографическія замѣчанія, разсѣянныя въ различныхъ его произведеніяхъ, мы должны будемъ признать, что тяжелое душевное страданіе было неразлучно съ первыми впечатлѣніями воспримчиваго мальчика. На первомъ планѣ здѣсь долженъ быть поставленъ семейный раздоръ среди родителей Некрасова. Причиной этого раздора былъ отецъ поэта, грубый, необразованный человѣкъ, котораго цивилизація коснулась только снаружи, давъ ему виѣшній лоскъ, свѣтскую обходительность и ловкость. Этими чисто виѣшними достоинствами онъ плѣнилъ свою будущую супругу, дочь богатаго польскаго пана Закревскаго. Несмотря на несогласіе родителей,

она тайно обвинчалась съ очаровательнымъ офицеромъ, который, прямо съ бала тайкомъ увезъ ее. Отецъ не могъ простить дочери этого оскорбленія и лишилъ ее назначеннаго ей приданнаго. Такимъ образомъ, хорошо воспитанная, избалованная роскошной жизнью дѣвушка очутилась въ бѣдной обстановкѣ армейскаго офицера и должна была переносить всѣ тягости походной жизни. Мужъ вскорѣ охладѣлъ къ ней, и вотъ тутъ то, когда первая горячка страсти прошла, оказалась цѣлая пропасть между супругами, начались сцены и раздоры.

Не измѣнились тяжелыя семейныя отношенія и позднѣе, когда кутила-офицеръ поселился съ семьей въ родовомъ имѣннн. Прежняя склонность къ кутежамъ и разгулу не ослабѣла въ немъ и теперь, но приняла только, согласно новымъ условіямъ и обстановкѣ, иную форму, столь обычную среди широкихъ помѣщичьихъ натуръ добраго стараго времени. Отецъ поэта пристрастился къ охотѣ, сопровождаемой разгульными кутежами, къ картежной игрѣ, и тихая деревенская усадьба стала часто оглашаться пьяными криками пирующихъ. Впослѣдствіи самъ поэтъ такъ изобразилъ свое дѣтство:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой,
 Я росъ средь буйныхъ дикарей,
 И мнѣ дала судьба, по милости великой,
 Въ руководители псарей.
 Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
 Боролись страсти нищеты,
 И на душу мою той жизни безобразной
 Ложились грубыя черты.

А тутъ, рядомъ съ этимъ омутомъ, гдѣ во весь размахъ господствовало крѣпостное право и разнузданное самодурство, несчастная, горячо любимая мать, вѣчная страдалница отъ безобразныхъ выходовъ мужа, всегда дрожащая за себя и своихъ дѣтей, вѣчно оскорбляемая въ своихъ лучшихъ чувствахъ мрачными картинами окружающей пошлости и разврата. Всею силой своей доброй, любящей природы она парализовала влияніе на своихъ дѣтей окружающаго мрака, и сила ея воздѣйствія была громаднa и въ высшей степени благотворна. Не даромъ у Некрасова во всю жизнь не было выше и чище образа, какъ образъ его страдалницы-матери, которая какъ свѣтлая звѣзда, вела его къ пути правды и челоуѣколюбія. Въ поэмѣ: „Мать“ мы находимъ слѣдующія строки, показывающія, какое огромное значеніе имѣло для Некрасова влияніе матери:

И если я легко стряхнулъ съ годами	За идеаль добра и красоты,
Съ души моей тлетворныя слѣды	И носить пѣснь, слагаемая мною,
Поправшей все разумное ногами,	Живой любви глубокия черты,—
Гордившейся невѣжествомъ среды,	О мать моя—подвинуть я тобою,
И если я наполнилъ жизнь борьбою	Во мнѣ спасла живую душу ты.

Не робѣть передъ правдой-царицею
 Научила ты музу мою?

заявляет Некрасовъ въ другомъ мѣстѣ, въ поэмѣ: „Рыцарь на часъ“, говоря о своей матери. Объ этомъ благоговѣйномъ отношеніи къ памяти матери говоритъ, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ Ф. М. Достоевскій, передавая содержаніе бывшаго однажды между ними разговора. „Онъ говорилъ мнѣ тогда“, сообщаетъ Достоевскій о Некрасовѣ: „со слезами о своемъ дѣтствѣ и безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери,— а то, какъ онъ говорилъ о своей матери, та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали уже тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, чтобы могло спасти его, и послужить ему маякомъ, путеводной звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя минуты его судьбы, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій, обнявшись гдѣ-нибудь украдкой, чтобы не видали (какъ рассказывалъ онъ мнѣ), съ мученицей-матерью, съ существомъ, столь любимымъ его“.

Этотъ разговоръ происходилъ, когда Некрасову было уже около 30-ти лѣтъ, и если дѣтскія впечатлѣнія и тогда были настолько сильны, что вызывали слезы горечи и страданія, то легко себѣ представить, какимъ тяжелымъ гнетомъ ложились они на воспримчивую душу будущаго поэта. Какое страшное отвращеніе и непримиримое ожесточеніе долженъ былъ онъ вынести ко всему давящему болѣе слабаго, а съ другой стороны—какое горячее сочувствіе къ всѣмъ невинно страдающимъ, ко всѣмъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“. Такъ, естественнымъ образомъ, должна была подѣйствовать на маленькаго Некрасова семейная обстановка.

Точно, чтобы дополнить и еще болѣе усилить эти тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ родной семьи, судьба окружаетъ его дѣтскіе годы такими явлениями общественной жизни, которыя тоже должны были вызывать въ немъ состраданіе къ несчастнымъ, скорбь за ихъ горькую долю.

Село Грешнево, имѣніе Некрасовыхъ, было расположено на низовой ярославско-костромской дорогѣ (Владимірскій, или Сибирскій трактъ), по которой не разъ проходили цѣлыя партіи закованныхъ въ цѣпи ссыльныхъ; вблизи протекала Волга. Великой русской рѣкѣ суждено было впервые, если вѣрить Некрасову, пробудить въ немъ чувство сожалѣнія къ народу и его страдальцамъ въ лицѣ бурлаковъ. Услыхавъ впервые бурлацкій „стонъ“, говоритъ Некрасовъ:

Я былъ испуганъ, оглушенъ,
Я знать хотѣлъ, что значить онъ,—
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котель съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
— Когда-то въ Нижній попадемъ?
Одинъ сказалъ: когда-бы попасть
Хоть на Илью... „Авось придемъ“,
Другой съ болѣзненнымъ лицомъ
Ему отвѣтилъ: „эхъ напастъ!

Когда-бы зажило плечо,
Тянулъ-бы лямку, какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть—
Такъ лучше-бы еще“.
Онъ замолчалъ и навзничъ легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ,
Но тотъ, который ихъ сказалъ,
Угрюмый, тихій и больной,
Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ!
Онъ и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ

Спокойно безнадежный взоръ...
 Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
 Лишь поздно вечеромъ домой
 Я воротился...
 О горько, горько, я рыдалъ,
 Когда въ то утро я стоялъ
 На берегу родной рѣки

И въ первый разъ ее назвалъ
 Рѣкою рабства и тоски!...
 Что я въ ту пору замышлялъ,
 Созвавъ товарищей—дѣтей,
 Какія клятвы я давалъ
 Пускай умретъ въ душѣ моей,
 Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!

То-же народное горе и страданіе узналъ маленькій Некрасовъ и въ другой формѣ, когда онъ неоднократно вмѣстѣ съ отцомъ, занимавшимъ одно время должность исправника, присутствовалъ при различныхъ сценахъ полицейской расправы въ духѣ стараго времени. Всѣ эти тяжелыя картины должны были будить въ несчастномъ, угнетенномъ ребенкѣ, такъ рано испытавшемъ страданіе, горячее сочувствіе къ страданію другого. Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что дѣтство Некрасова складывалось такъ, что онъ имѣлъ возможность познакомиться съ народной жизнью, главнымъ образомъ, съ ея темными сторонами, и научиться сочувствовать горькой долѣ простолюдина.

Народная жизнь, впрочемъ, рано стала извѣстной будущему поэту не только съ этой печальной стороны. Дѣтскіе годы онъ проводилъ въ обществѣ крестьянскихъ ребятишекъ, вмѣстѣ съ которыми не рѣдко возлѣ большой дороги подолгу слушалъ рассказы словоохотливыхъ прохожихъ, бессознательно изучая, такимъ образомъ, народную жизнь и міросозерцаніе. Въ „Крестьянскихъ дѣтихъ“, этой чудной идилліи, Некрасовъ такъ говоритъ объ этомъ, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ истинѣ его словъ:

У насъ дорога большая была.
 Рабочаго званія люди сновали
 По ней безъ числа.
 Копатель канавъ, вологжанинъ,
 Лудильщикъ, портной, шерстобить,
 А то въ монастырь горожанинъ
 Подъ праздникъ молиться катить.
 Подъ наши густые, старинные вязы
 На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
 Ребята обступать: начнутся рассказы
 Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
 Иной подгуляетъ—такъ только держися,
 Начнетъ съ Волочка—до Базани дойдетъ!
 Чухну передразнить, мордву, черемиса
 И сказкой потѣшитъ и притчу вернетъ...
 Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали—
 Что новый прохожій, то новый рассказъ....

Такъ сама судьба способствовала тому, чтобы будущій печальникъ народного горя еще въ пору ранняго дѣтства узналъ близко народную жизнь съ раз-

личныхъ сторонъ. Воспримчивая натура даровитаго мальчика безсознательно впитывала въ себя всѣ впечатлѣнія, получаемыя отъ окружавшей жизни. Впослѣдствіи эти впечатлѣнія дали богатый матеріалъ для его поэтическаго творчества.

Одиннадцати лѣтъ Некрасовъ поступилъ въ Ярославскую гимназію, гдѣ пробылъ около шести лѣтъ. Годы въ гимназіи ничего не прибавили умственному развитію мальчика и скорѣе способствовали нѣкоторой его нравственной порчѣ. Дотянувши кое-какъ до 5-го класса, Некрасовъ принужденъ былъ оставить гимназію, такъ какъ онъ оказался авторомъ очень многихъ шуточныхъ сатиръ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ товарищей и начальства. Выпедши изъ гимназіи, Некрасовъ, по желанію отца, отправился въ Петербургъ для поступленія въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Въ его дорожномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ рекомендательными письмами, находилась довольно объемистая тетрадь стиховъ (писать стихи онъ началъ съ семилѣтняго возраста и, по его собственнымъ словамъ, „что прочитаетъ, тому и подражаетъ“, т. е. шель обычной дорогой всѣхъ начинающихъ поэтовъ). Встрѣча съ ярославскими знакомыми студентами рѣшила его судьбу: онъ оставилъ прежнее намѣреніе поступить въ корпусъ и принялся дѣятельно готовиться къ университетскому экзамену. Послѣ различныхъ приключеній ему удалось, наконецъ, попасть въ университетъ. Но неисполненіе воли отца повлекло за собою полный отказъ со стороны послѣдняго оказывать какую-либо матеріальную помощь непокорному сыну, и онъ очутился безъ всякихъ средствъ, безъ работы, въ незнакомомъ городѣ, не имѣя даже ни малѣйшаго понятія о томъ, какимъ образомъ и гдѣ онъ можетъ заработать нѣсколько грошей, необходимыхъ буквально для поддержанія жизни.

Этотъ періодъ тяжелой борьбы за существованіе человѣка, еще далеко не сложившагося ни морально, ни физически, безъ ясныхъ и твердыхъ жизненныхъ убѣжденій, имѣлъ очень важное вліяніе на послѣдующую жизнь Некрасова, и на немъ нужно остановиться нѣсколько подробнѣе.

Еще до поступленія въ университетъ онъ уже испыталъ всѣ прелести страшной нужды. Вмѣстѣ съ товарищемъ-сожителемъ и слугою, крѣпостнымъ мальчикомъ, имъ приходилось тратить на троихъ на обѣдъ по 15 коп. въ день. Впослѣдствіи, черезъ сорокъ лѣтъ, умирая, Некрасовъ вспомнилъ эти обѣды, видя въ нихъ главную причину своего тяжкаго недуга. „Ровно три года,—говоритъ Некрасовъ объ этомъ періодѣ своей жизни,—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросивъ себѣ: возьмишь, бывало, для виду газету, а самъ подвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь“.

Цанаевъ, близко знавшій въ это время Некрасова, описать, какъ онъ жилъ съ однимъ художникомъ. Они занимали одну комнату, питались щами, имѣли одни общіе сапоги и одно верхнее платье, такъ что выходили изъ дому поочередно. Раньше этого Некрасовъ былъ еще въ худшемъ положеніи: онъ снималъ сырую, почти вовсе безъ мебели комнату въ подвальномъ этажѣ, такъ что писать приходилось, лежа на полу; все его имущество состояло изъ коврика и подушки, даже верхняго платья не было; питался онъ однимъ чернымъ хлѣбомъ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ жизни здоровье Некрасова не выдержало, и онъ опасно заболѣлъ. Крѣпкій организмъ, впрочемъ, взялъ верхъ, и онъ кое-какъ поправился. Но тутъ бѣда: отставной унтеръ-офицеръ, у котораго онъ жилъ, запас-

пись предварительно роспиской, что все имущество Некрасова остается ему, хозяину, въ счетъ долга, когда нѣсколько оправившійся квартирантъ вышелъ послѣ болѣзни къ одному знакомому студенту, не принявъ его больше къ себѣ въ домъ, и несчастный юноша, полубольной, безъ всякихъ средствъ, очутился въ полномъ смыслѣ слова на улицѣ. „Была очень скверная, холодная осень, пронизывающая до костей“, рассказываетъ объ этомъ случаѣ Некрасовъ: „пошелъ я по улицамъ, ходилъ, ходилъ, усталъ страшно и присѣлъ на лѣсенкѣ около одного магазина; на мнѣ была дрянная шинелишка и саржевые панталоны. Горе такъ проняло меня, что я закрылъ лицо руками и заплакалъ. Вдругъ слышу шаги. Смотрю—нищій съ мальчикомъ. „Подайте, Христа ради“, протянулъ мальчикъ, обращаясь ко мнѣ и останавливаясь. Онъ не собрался еще съ мыслями, что сказать, какъ старикъ толкнулъ мальчика.—Что ты? Не видишь развѣ, онъ самъ къ утру окоченѣетъ. Эхъ, голова! Чего ты здѣсь?—продолжалъ старикъ.—Ничего,—отвѣтилъ я.—Ничего! Ишь, гордый. Приюту, видно пѣту? Пойдемъ съ нами.—Не пойду, оставьте меня.—Ну, не ломайся. Окоченѣешь, говорю. Дѣлать нечего, пошелъ. Пришли въ 17 линію Васильевского острова и вошли въ большую комнату, наполненную бабами, нищими и дѣтьми. Въ одномъ углу играли въ три листка. Старикъ подвелъ меня къ играющимъ.—Вотъ грамотный,—сказалъ онъ,— а приютиться некуда. Дайте ему водки. Извябъ весь.—Я выпилъ полъ-рюмки. Одна старуха постлала постель, подложила подъ голову подушечку. Крѣпко и хорошо уснулось. Когда проснулся, въ комнатѣ никого не было, кромѣ старухи. Она обратилась ко мнѣ: „напиши мнѣ аттестатъ, а то безъ него плохо“. Написалъ и получилъ 15 копеекъ“.

Какое же значеніе для Некрасова имѣло это тяжелое время, какъ повліяло на его душевный строй и міросозерцаніе? Цѣлые годы тяжелой жизненной борьбы въ то время, когда формируется человѣкъ, не могутъ ни для кого пройти безслѣдно, не прошли они безслѣдно и для Некрасова, наложивъ свой особый отпечатокъ на его духовный обликъ, и этотъ отпечатокъ не изгладился во всю послѣдующую его жизнь. Суровая бѣдность, вѣчная погоня за грошевой работой развили въ немъ, прежде всего, какую-то скрытность, замкнутость въ самомъ себѣ. По отзывамъ людей, близко знавшихъ его, въ немъ всегда было что-то загадочное, невысказанное, затаенное отъ всѣхъ постороннихъ взглядовъ. Только когда слишкомъ уже сильна была потребность подѣлиться съ другими своимъ внутреннимъ міромъ, онъ прибѣгалъ къ откровенности и то чаще не въ личной бесѣдѣ, не съ однимъ человѣкомъ, а съ массой своихъ читателей, которые являлись точно духовниками его и принимали исповѣдь наболѣвшей души.

Если сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу,

говорить Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Эту особенность Некрасова—выливать свои задушевные мысли только на бумагѣ не мѣшаетъ помнить особенно тѣмъ, кто рѣшается утверждать, что Некрасовъ былъ неискренъ въ своей поэзіи, писалъ ради внѣшней выгоды, стараясь угодить толпѣ.

Сверхъ того, въ это-же время тяжелой, упорной борьбы за существованіе,

когда приходилось едва не умирать съ голоду, Некрасовъ, по его-же собственнымъ словамъ, „покаялся не умереть на чердакѣ“, т. е., говоря иными словами, рѣшилъ во что-бы то ни стало, какими бы то ни было средствами, выбиться изъ удручающей бѣдности. Въ этомъ рѣшеніи кроется начало той черты Некрасова, которая такъ отталкивала отъ него многихъ и вызывала цѣлый рядъ всевозможныхъ упрековъ и уколовъ; часто преувеличенныхъ и всегда посылаемыхъ со злой ироніей. Мы имѣемъ въ виду житейскую практичность, ловкость Некрасова, умѣніе выгодно устраивать свои матеріальныя дѣла, что такъ удачно подмѣтилъ въ немъ Бѣлинскій еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, т. е. примѣрно въ тотъ періодъ его жизни, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, сказавъ, что Некрасовъ пойдетъ далеко и, навѣрно, наживетъ себѣ капиталецъ. Объ этой чертѣ Некрасова и о томъ, какой трагизмъ она вносила въ его душевный міръ, мы еще будемъ говорить; теперь-же необходимо отмѣтить, что бѣдственное положеніе, въ которое попалъ Некрасовъ по прїѣздѣ въ Петербургъ, заставило его столкнуться съ бѣдняками столицы, увидѣть, такъ сказать, оборотную сторону столичной жизни, и такъ какъ людское страданіе уже съ ранняго дѣтства было ему близко и знакомо и вызывало горячее сочувствіе, тяжелыя сцены пережитой и видѣнной имъ бѣдности городского пролетаріата глубоко запечатлѣлись въ его душѣ и впоследствии дали обильный матеріалъ для его произведеній.

Чтобы не погибнуть голодною смертію, Некрасовъ долженъ былъ искать какого-нибудь заработка. Мы уже знаемъ, что онъ ранѣе пробовалъ свои силы на литературномъ поприщѣ, писалъ стихи, и потому естественно, что, кромѣ грошевыхъ уроковъ, онъ старался добыть себѣ литературной работы. Работа эта была самаго разнообразнаго и чисто случайнаго характера, вовсе не была связана съ какимъ-либо идейнымъ настроеніемъ и имѣла цѣлью исключительно матеріальный заработокъ. То были библиографическія и всякія другія замѣтки въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ къ „Инвалиду“, въ „Литературной Газетѣ“ Краевского, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Пангеонѣ“ и въ „Отеч. Запискахъ“, водевили для Александринскаго театра, азбуки и сказки по заказу книгопродавца Полякова и т. п. Тутъ, въ этой чисто черновой журнальной работѣ, еще нельзя увидѣть того Некрасова, который впоследствии сталъ извѣстенъ всей образованной Россіи. Его міровоззрѣніе въ это время было еще слишкомъ несформировавшимся или, вѣрнѣе говоря, у него еще не было никакого міровоззрѣнія. Самое общество литераторовъ, съ которыми ему приходилось теперь сталкиваться, не могло дать ему сколько-нибудь благотворныхъ впечатлѣній, могущихъ способствовать развитію его богато одаренной, непосредственной натуры, уже успѣвшей до нѣкоторой степени очерствѣть, сдѣлаться „практикомъ“ въ дурномъ смыслѣ этого слова. Это было печальное время затишья, реакціи въ литературныхъ сферахъ Петербурга. Вспоминая эти годы, Некрасовъ такъ впоследствии писалъ о нихъ:

Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было.
Скончался Пушкинъ—безъ него
Любовь къ ней публики остыла.

Ничья могучая рука
Ея не направляла къ цѣли,
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.

Основной тонъ въ литературѣ принадлежалъ Сенковскому, Булгарину и Гречу, съ именами которыхъ связывается представленіе о самомъ печальномъ состояніи нашей журналистики, когда люди безъ всякихъ убѣжденій, безъ знаній, часто съ продажной совѣстью обратили нашу литературу въ промыселъ, доставлявшій часто приличный доходъ. Духъ литературной спекуляціи всецѣло воцарился среди петербургскихъ литераторовъ и выразился въ цѣломъ рядѣ сомнительнаго свойства изданій, въ родѣ „Панорамы Петербурга“ Башуцкаго, всевозможныхъ альманаховъ, сборниковъ, лубочныхъ изданій для полубразованнаго класса, переводныхъ романовъ вольнаго содержанія и т. д. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ Некрасову пришлось начинать свою литературную карьеру, и неудивительно, что въ немъ выработалась склонность къ литературной спекуляціи, литературно-промышленная практичность. Литературное дѣло, волею судебъ, обратилось къ нему прежде всего своею промышленною стороною, и мы не станемъ обвинять Некрасова въ томъ, что первое время на литературу онъ смотрѣлъ исключительно, какъ на средство заработка. Другому взгляду на нее научиться было не у кого, а условія предшествовавшей жизни были таковы, что не могли выработать въ немъ иного отношенія къ литературному поприщу. Если бы молодой, еще не сложившійся Некрасовъ не столкнулся съ другимъ кругомъ людей, отъ котораго пахло новой, свѣжей, идейной жизнью, онъ никогда не создалъ бы тѣхъ стихотвореній, которыя мы находимъ въ его такъ называемомъ полномъ собраніи стихотвореній, хотя туда и не вошли его юношескія произведенія.

Намъ предстоитъ теперь отмѣтить вліяніе на Некрасова одной изъ выдающихся личностей, какія создавала когда-либо русская жизнь, личности, возлѣ которой въ началѣ сороковыхъ годовъ группировались всѣ лучшія наши литературныя силы, которая была въ ту мрачную эпоху первой ласточкой, возвѣщавшей новое теченіе въ русской мысли, развивавшееся вполнѣ въ приснопамятные шестидесятые годы. Мы имѣемъ въ виду В. Г. Бѣлинскаго, съ которымъ въ это время познакомился Некрасовъ, оставившій, послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія тамъ, университетъ и занявшійся исключительно литературной работой. Ранѣе этого, въ 1840-мъ году, матеріальное положеніе Некрасова настолько улучшилось, что онъ уже могъ издать на свои средства сборникъ юношескихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Мечты и звуки“, на которомъ, однако, не выставилъ своей фамилии. Впослѣдствіи Некрасовъ самъ скупалъ и уничтожалъ экземпляры этого изданія. Дѣйствительно, это были вполнѣ дѣтскія, безсодержательныя стихотворенія, въ которыхъ едва замѣтны проблески позднѣйшаго некрасовскаго таланта. „Мечты и звуки“ вызвали безпощадную рецензію Бѣлинскаго. По этому поводу нѣкоторые высказываютъ удивленіе, какъ Бѣлинскій, всегда съ поразительнымъ чутьемъ угадывавшій будущіе таланты, не нашелъ и признака его въ авторѣ этого сборника. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: Некрасовъ—поэтъ „музы, мести и печали“ еще не народился, и тому-же Бѣлинскому было суждено стать виновникомъ его духовнаго возрожденія. Къ сожалѣнію, эта наиболѣе интересная часть біографіи Некрасова, тотъ періодъ его жизни, примѣрно съ 1841-го по 1845-й годъ, когда онъ отъ дѣтскаго лепета, напечатаннаго въ сборникѣ „Мечты и звуки“, перешелъ къ стихотвореніямъ, помѣщеннымъ въ началѣ перваго тома его сочиненій, остается до настоящаго времени мало разработаннымъ, и мы не имѣемъ возможности, даже въ об-

щихъ чертахъ, прослѣдить его постепенный ростъ. Извѣстно только, что Бѣлинскій сразу полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, за тотъ смѣлый, практическій взглядъ не по лѣтамъ, который онъ вынесъ изъ своей трудовой и страдальческой жизни. Самъ Бѣлинскій къ этому времени дѣлается страстнымъ поборникомъ искусства для жизни; онъ смотритъ теперь на искусство, какъ на одно изъ могучихъ выраженій жизни, служеніе которой обязательно для художника; литература въ его глазахъ является однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ общественнаго развитія, могучимъ орудіемъ прогресса. Въ кружкѣ, группировавшемся около Бѣлинскаго, постоянно обсуждались вопросы русской общественной жизни, указывались темныя ея стороны, шла рѣчь объ обязанностяхъ поэта, гражданина, осуждалось крѣпостное право. Некрасовъ чутко прислушивался ко всемъ этимъ страстнымъ разговорамъ и подъ вліяніемъ ихъ, по его собственнымъ словамъ, началъ работать, учиться. Свѣтлая личность Бѣлинскаго, обаятельно дѣйствовавшая на всѣхъ, кто зналъ его, оказала свое благотворное вліяніе и на Некрасова. Благодаря общенію съ кружкомъ Бѣлинскаго, начинается духовное возрожденіе Некрасова. Во всю послѣдующую жизнь сохранилъ онъ благоговѣйное отношеніе къ памяти Бѣлинскаго.

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

писалъ Некрасовъ о Бѣлинскомъ въ „Медвѣжьей охотѣ“, и эти слова показываютъ, съ какимъ глубокимъ почтеніемъ относился онъ къ этому „учителю“. По его словамъ, когда онъ писалъ лучшія свои произведенія, онъ мысленно видѣлъ передъ собою чистый образъ Бѣлинскаго.

Подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, мало по малу, на ряду съ прежнимъ, чисто промышленнымъ взглядомъ на литературную дѣятельность, у него развивается другой, по которому литература является могучей жизненной силой, и долгъ поэта „стать обличителемъ толпы, ея страстей и заблужденій“; одновременно съ чисто эгоистическими побужденіями для дѣятельности въ немъ усиленно развивается то, что принято называть чувствомъ общности, для котораго достаточно была подготовлена почва какъ его личными страданіями, такъ и созерцаніемъ людскаго горя, всегда сильно дѣйствовавшего на его отзывчивое сердце. Съ этого времени начинается, вѣроятно, та трагедія внутренняго, душевнаго міра Некрасова, о которой говорятъ почти всѣ, близко знавшіе его люди. Эта трагедія создавалась, какъ удачно выразился одинъ изъ литераторовъ, основнымъ противорѣчіемъ его жизни между клятвою не умереть на чердакѣ и искреннимъ сочувствіемъ къ обитателямъ чердаковъ, ко всемъ „страждущимъ и обремененнымъ“. Станнымъ образомъ сплетались въ немъ эти двѣ, такъ трудно примиримыя въ одной личности черты—стремленіе, иногда безъ должнаго разбора въ путяхъ къ личному благосостоянію и комфорту, который ему отлично удалось создать себѣ во второй періодъ его жизни, и съ другой стороны, горячая искренняя любовь къ народу и вообще страждущему человечеству. Этотъ разладъ между общимъ тономъ его произведеній и личной жизнью служилъ постояннымъ источникомъ тяжелаго внутренняго страданія.

Это тяжелое сознание собственного безсилія жить и дѣйствовать такъ, какъ считаешь честнымъ, справедливымъ, позднѣ неоднократно отражалось въ его поэзіи, и произведенія этого рода поражаютъ своимъ страшнымъ лиризмомъ. Ничто не было такъ мучительно для Некрасова, какъ этотъ внутренній разладъ:

Что враги? Пусть клевету являютъ.
Я пошадя у нихъ не прошу!
Не предумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердце ношу!

Отмѣченную сейчасъ характерную особенность души Некрасова необходимо имѣть въ виду при объясненіи цѣлой группы его стихотвореній, являющихся именно исповѣдью наболѣвшей души.

Но будемъ слѣдить дальше за постепеннымъ ростомъ Некрасова. Не сразу, конечно, развивалось во всей своей силѣ то настроеніе поэта, которое вызвало къ жизни музу „мести и печали“. Знакомство съ кружкомъ Бѣлинскаго впервые затронуло въ немъ благороднѣйшія стороны его души, но еще прошло не мало времени, прежде чѣмъ Некрасовъ далъ лучшія изъ своихъ произведеній. Онъ пока все еще занимается сочиненіемъ фельетоновъ, повѣстей, романовъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны: „Опытная женщина“, повѣсть, помѣщенная въ 1841 г., въ „Отеч. Зап.“; „Петербургскіе углы“, напечатанные въ сборникѣ, изданномъ Некрасовымъ, подъ заглавіемъ „Физиологія Петербурга“ въ 1846 г.; „Три страны свѣта“, романъ написанный вмѣстѣ съ Панаевой: „Мертвое озеро“; „Тонкій человекъ“; три послѣднія произведенія напечатаны были въ „Современникѣ“ 48—56 гг. Вообще, по собственнымъ словамъ Некрасова, ему пришлось написать до 300 печатныхъ листовъ прозы, что составляетъ до 4800 страницъ обыкновеннаго формата въ 16-ю долю листа. Въ упомянутыхъ сейчасъ беллетристическихъ произведеніяхъ и другихъ, написанныхъ прозою, трудно найти что-нибудь, напоминающее будущаго Некрасова. Это обычныя произведенія въ духѣ, такъ называемой тогда, натуральной школы, иныя съ явнымъ подражаніемъ Гоголю, нѣкоторыя съ сатирическимъ элементомъ, но безъ „гражданской скорби“, которая служитъ отличительной чертой позднѣйшихъ сатиръ Некрасова. Видно, что эти произведенія не являются продуктомъ горячаго идейнаго настроенія, а просто служатъ средствомъ литературнаго заработка.

Но вотъ на ряду съ ними въ 1846-мъ году въ „Петербургскомъ сборникѣ“ (такъ назывался третій альманахъ, изданный Некрасовымъ) появляются уже такія произведенія, какъ „Въ дорогѣ“, „Колыбельная пѣсня“ и „Отрадно видѣть“. Въ нихъ уже проглядываетъ *настоящій* Некрасовъ. Эти стихотворенія, какъ извѣстно, помѣщены въ началѣ перваго тома его стихотвореній. Если ихъ сравнить съ предыдущими произведеніями Некрасова, то легко подмѣтить нѣчто новое; въ нихъ уже замѣтны тѣ настроенія, какія впоследствии, съ конца пятидесятихъ годовъ, стали господствующими въ его поэзіи.

Между тѣмъ матеріальное положеніе Некрасова все улучшается, и съ 1847 года онъ вмѣстѣ съ Панаевымъ дѣлается издателемъ „Современника“. Съ этого времени онъ до самой смерти не разставался съ журнальной дѣятельностью, стоячи во главѣ сначала „Современника“ (до 1868 года), а потомъ „Отеч. Записокъ“ (съ 68-го до самой смерти).

Почему-то установилось мнѣніе, что Некрасовъ, будучи редакторъ-издателемъ двухъ названныхъ журналовъ, эксплуатировалъ своихъ сотрудниковъ, преслѣдуя исключительно личныя матеріальныя выгоды. На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не было. Такъ, напр., Некрасовъ самъ добровольно предложилъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и соредакторамъ, Салтыкову и Елисееву, участіе въ доходахъ изданія на равныхъ съ нимъ правахъ,—случай небывалый въ русской журналистикѣ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на этомъ періодѣ жизни Некрасова, такъ какъ изложеніе фактической біографіи не входитъ въ нашу задачу. Отмѣтимъ только тѣ настроенія и вліянія, какія возникли у Некрасова въ эту пору. Въ теченіе тридцати лѣтъ, когда Некрасовъ стоялъ во главѣ двухъ лучшихъ нашихъ журналовъ, ему приходилось пускаться въ ходъ всю свою необыкновенную практичность и изворотливость, чтобы обезпечить успѣхъ, а иногда и самое существованіе своихъ изданій. Для этой цѣли приходилось заводить и поддерживать цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ знакомствъ, самому вести открытую, свѣтскую жизнь, имѣть сношенія съ людьми, которымъ въ другое время онъ же самъ быть можетъ не подалъ-бы рубли. А съ другой стороны—вліяніе идейныхъ теченій 60-хъ годовъ, носителями которыхъ отчасти были журналы Некрасова, заставляло болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сознавать все несоотвѣтствіе личной жизни съ исповѣдуемыми убѣжденіями. Отсюда страшный внутренній разладъ и неразлучное съ нимъ страданіе, преслѣдующіе Некрасова, особенно въ послѣдніе годы его жизни. Результатомъ этого являются рѣзкія, обличительныя сатиры, направленныя противъ петербургскаго общества и даже отдѣльныхъ личностей, съ одной стороны, и съ другой—глубоко грустные, элегическіе мотивы, исповѣдь собственной наболѣвшей души. Сверхъ того, въ это-же время, особенно въ періодъ съ 56 по 65 годъ, подъ вліяніемъ общаго пробужденія симпатій къ народу, поэзія Некрасова принимаетъ тотъ характеръ, который особенно памятенъ его читателямъ. Онъ обращается теперь въ дѣвца народнаго горя, яркаго изобразителя народной жизни, которой еще никому до того времени не удалось захватить такъ широко, какъ ему. Въ это время появились всѣ лучшія его произведенія, касающіяся народной жизни, какъ „Морозъ—красный носъ“, „Крестьянскія дѣти“, „Орина, мать солдатская“ и мн. др. Запасы впечатлѣній, вынесенныхъ изъ народной жизни въ дѣтствѣ, пополнялись ежегодными поѣздками въ ярославское имѣніе брата или же въ Чудово, гдѣ у него была охотничья дача. Охота съ давнихъ поръ была его страстью и въ то-же время служила средствомъ знакомиться съ народнымъ бытомъ. Сохранились любопытныя свѣдѣнія, сообщенныя его сестрой, объ этихъ охотничьихъ поѣздкахъ. „Каждое лѣто повторялось одно и то-же. Поработавъ нѣсколько дней, братъ начиналъ собираться. Это значило подавали къ крыльцу простую телѣгу, которую нагружали провизіей и порохомъ. Затѣмъ, вечеромъ или рано утромъ на другой день, братъ отправлялся самъ въ легкомъ экипажѣ съ любимой собакой, рѣдко съ товарищемъ. Товарища на охоту братъ не любилъ. Онъ пропадалъ на нѣсколько дней, иногда на недѣлю и болѣе. По рассказамъ, происходило вотъ что: въ разныхъ пунктахъ охоты у него были уже знакомцы, мужики-охотники. Онъ до каждаго доѣзжалъ и охотился въ его мѣстности. По окончаніи утренней охоты, выбиралось удобное мѣсто: братъ со своей компаніей завтракалъ, говорилъ самъ мало или дремалъ. Компанія, которая получала не мало водки и сколько угодно мяса, была разговорчива,—братъ слушалъ или нѣтъ—это его дѣло.

Рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствія какаго-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за „Коробейниковъ“, которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня—и явились „Крестьянскія дѣти“. Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ, чтобы поговорить съ нею, а то боялся сфальшивить. Память у него была удивительная; онъ записывалъ однимъ словѣчкомъ цѣлый рассказъ и помнилъ его всю жизнь по одному записанному слову. При работѣ тетради эти съ непонятными никому отмѣтками были передъ его глазами“.

Итакъ, эти лѣтнія поѣздки давали новый запасъ наблюдений для поэта, которыя потомъ перерабатывались въ чудныя произведенія, расходившіяся по всей Россіи. Подъ вліяніемъ ихъ извѣстность Некрасова росла все больше и больше. Въ теченіе его жизни вышло семь изданій его стихотвореній. Особенно проявилось участіе къ нему русскаго общества въ послѣдніе годы его жизни, когда, быть можетъ, подъ вліяніемъ неизлѣчимой болѣзни, въ немъ усиленно началась работа совѣсти, выразившаяся въ глубоко грустныхъ стихотвореніяхъ 1877 года. Со всѣхъ концовъ Россіи шли полныя участія письма съ самыми искренними, добрыми пожеланіями. Тѣмъ не менѣе, тяжелый внутренній разладъ, сознаніе неправо прожитой жизни не покинули его и въ послѣднія предсмертныя минуты, когда онъ со всѣми присутствовавшими заводилъ постоянно оправдательныя рѣчи. Скончался онъ въ страшныхъ мученіяхъ вечеромъ 27 декабря 1877 года.

Изъ сдѣланнаго выше краткаго обзора жизни Некрасова можно видѣть какъ тѣ вліянія, подъ которыми слагалась эта личность, такъ и настроенія, являвшіяся въ его поэзіи. Подведемъ краткій итогъ всему сказанному, чтобы затѣмъ, исходя отъ него, приступить къ разсмотрѣнію содержанія поэзіи Некрасова и выясненію ея значенія.

Уже въ пору нѣжнаго дѣтства, проведеннаго подъ тяжелымъ гнетомъ необузданнаго крѣпостническаго самодурства, въ душѣ Некрасова образовались два противоположныя настроенія: съ одной стороны, отвращеніе отъ всего угнетающаго, давящаго и, съ другой стороны, сочувствіе ко всему „униженному и оскорбленному“. Эти настроенія развились бессознательно, такъ сказать, инстинктивно, подъ вліяніемъ окружающей обстановки, они не явились результатомъ чьего-либо вліянія, вытекали изъ самой жизни и вслѣдствіе этого были тѣмъ сильнѣе и непосредственнѣе. Дальнѣйшія событія его жизни только еще болѣе усилили и углубили эти настроенія. Съ 16-ти лѣтъ Некрасову, рѣшившемуся, вопреки волѣ отца, итти въ университетъ, пришлось въ томъ періодѣ, когда только формируется чело-вѣкъ, пережить страшную борьбу за жизнь съ постоянными голодовками, при непосильномъ, дурно оплачиваемомъ трудѣ. Только такая устойчивая и богатая натура, какъ Некрасовъ, могла не погибнуть въ этой борьбѣ, не спиться, не размѣняться на мелкую монету послѣ 300 листовъ прозы, написанныхъ при тяжелыхъ цензурныхъ условіяхъ исключительно ради заработка. Эти тяжелые годы, какъ мы знаемъ, еще болѣе усилили отмѣченныя выше, возникшія еще въ дѣтствѣ, настроенія, но, съ другой стороны, создали жажду матеріальной независимости, стремленіе во что-бы то ни стало, тѣмъ или инымъ путемъ, возможно болѣе обезпечить

свое существованіе. Тутъ началось вліяніе Вѣлинскаго и его кружка, и прежнія инстинктивныя симпатіи и антипатіи теперь становятся вполне осмысленными, у поэта слагается опредѣленное міровоззрѣніе, выразителемъ котораго является его дальнѣйшая поэтическая дѣятельность. Но это самое міровоззрѣніе, съ горячимъ сочувствіемъ къ страданіямъ русскаго человѣка, вноситъ страшный антагонизмъ во внутренній міръ Некрасова, и чѣмъ крѣпче примыкаетъ онъ къ передовому движенію русской мысли, такъ называемымъ шестидесятникамъ, тѣмъ болѣе становится этотъ разладъ между исповѣдуемыми убѣжденіями и личной жизнью. Отсюда страстные, чисто ювеналовскія обличенія и самообличенія, съ одной стороны, и съ другой—воспѣваніе горькой народной доли и вообще человѣческаго страданія: отсюда понятно преобладаніе въ поэзіи его мрачныхъ, скорбныхъ и желчныхъ звуковъ. Звуки эти вытекаютъ прямо изъ жизни поэта, изъ склада его нравственнаго характера и міровоззрѣнія. Сказанное сейчасъ служитъ лучшимъ возраженіемъ противъ обвиненій Некрасова въ неискренности, въ томъ, будто онъ ловко поддѣлывался подъ господствующій тонъ эпохи, противъ обвиненій въ искусственности, въ дѣланности его произведеній *). Скорѣй было-бы неестественнымъ, если-бы поэтъ, при тѣхъ условіяхъ жизни, въ какихъ находился Некрасовъ, и при его міровоззрѣніи, настраивалъ свою лиру на чисто эстетическій ладъ, вздумалъ-бы

Въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласки милой воспѣвать.

Итакъ, еще послѣдній краткій выводъ изъ всего сказаннаго: основные мотивы поэзіи Некрасова въ значительной степени объясняются условіями его личной жизни и, главное, вліяніемъ эпохи. Какъ въ высшей степени чуткая нату-

*) Въ бумагахъ Некрасова сохранилось прекрасное, по силѣ стиха, стихотвореніе неизвѣстнаго автора, присланное Некрасову, въ которомъ очень хорошо обрисованы, съ одной стороны, недоброжелательныя толки о немъ, а съ другой—указывается на могучее дѣйствіе его стиховъ, вытекающее изъ искренности его настроенія. Вотъ отрывокъ изъ этого малоизвѣстнаго стихотворенія:

Мнѣ говорятъ: твой чудный голосъ—ложь:
Прельщаешь ты притворною слезою
И словомъ лишь къ добру толпу влечешь,
А самъ, какъ змѣй, смѣешься надъ толпою.
Но ихъ рѣчамъ меня не убѣдить.
Иное мнѣ твой взглядъ сказалъ невольно;
Повѣрить имъ мнѣ было-бъ горько, больно...
Не можетъ быть!
Мнѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
Что лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень,
Что ты жестокъ, что стихъ твой весь любовь,
А сердце холодно, какъ камень!
Но отчего-жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?!
Не можетъ быть!

ра, онъ является выразителемъ господствовавшихъ теченій своего времени и того круга, къ которому онъ принадлежалъ по взглядамъ и убжденіямъ. Выросши въ кругу людей сороковыхъ годовъ, онъ затѣмъ примкнулъ къ шестидесятникамъ—народникамъ и въ своей поэзіи отразилъ ту и другую эпоху. Дальнѣйшее разсмотрѣніе этой поэзіи выяснитъ вкратцѣ главное ея содержаніе и тѣмъ самымъ дастъ возможность опредѣлить историко-литературное мѣсто Некрасова.

Разборъ стихотвореній Некрасова и значеніе его поэзіи.

Когда обращаешься къ критическимъ статьямъ о Некрасовѣ, по большей части поражаешься разнообразіемъ толковъ о немъ, какіе тамъ можно встрѣтить. Это разнообразіе происходитъ оттого, что тотъ или другой критикъ, приступая къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ поэзіи Некрасова, почти всегда обращалъ вниманіе на одну какую-либо ея сторону, на ту, которая почему-нибудь была ближе, цѣннѣе для него. Обыкновенно авторы статей о Некрасовѣ, за немногими исключеніями, брали одинъ какой-нибудь элементъ его поэзіи, да и то не цѣликомъ, а только отчасти, и на основаніи его дѣлали заключеніе о всей его дѣятельности. Такъ, одни, обращая, главнымъ образомъ, вниманіе на глубоко жизненное содержаніе его произведеній, готовы были ставить его выше Пушкина и Лермонтова. Яркой иллюстраціей этого мнѣнія служить эпизодъ, происшедшій надъ могилой Некрасова въ день его похоронъ. Когда Достоевскій въ надгробномъ словѣ, давая оцѣнку покойнаго поэта, сказалъ, что онъ долженъ прямо стоять вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ, нѣсколько молодыхъ голосовъ прервали оратора криками: „нѣтъ, выше, выше!“ Другіе представители, такъ называемой эстетической критики, готовы вовсе отрицать какое бы то ни было значеніе некрасовскихъ стиховъ, называя ихъ прямо дидактической, римованной прозой. Основаніемъ для такого огульнаго осужденія служило присутствіе въ поэзіи Некрасова дѣйствительно слабыхъ произведеній или же отдѣльныхъ мѣстъ, стиховъ, рѣзко разрушающихъ эстетическое впечатлѣніе. Нѣкоторые готовы видѣть въ Некрасовѣ исключительно сатирика, обличителя темныхъ сторонъ жизни; иные знаютъ его только какъ изобразителя народной жизни, какъ пѣвца народнаго гора.

И всѣ эти точки зрѣнія на Некрасова представляются односторонними, слишкомъ узкими, не захватывающими всей его поэзіи и уже по тому одному неправильными. Содержаніе поэзіи Некрасова, какъ всякаго поэта, надѣленнаго чуткой душой, подобно звучащему эху откликающейся на различныя явленія жизни, очень обширно и разнообразно, и его невозможно опредѣлить въ двухъ словахъ. Для удобства, чтобы обозрѣть все разнообразіе и богатство поэтическаго творчества Некрасова, мы раздѣлимъ на отдѣльныя группы его стихотворенія и въ немногихъ словахъ выяснимъ сущность содержанія каждой группы. Выдѣлимъ, прежде всего, автобіографическія произведенія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Чѣмъ сильнѣе лиризмъ поэта, тѣмъ непосредственнѣе, безъ творческой переработки, отражается въ поэзіи его личная жизнь и настроенія. Некрасовъ обладалъ поражающей силой лиризма. Неудивительно поэтому, что въ его поэзіи мы

находимъ цѣлыя картины его личной жизни, душевныхъ волненій, не прикрытыхъ даже легкой пеленой поэтического вымысла.

На первомъ планѣ здѣсь должны быть поставлены стихотворенія, касающіяся дѣтскихъ годовъ поэта. Мы уже знаемъ, каковы были впечатлѣнія дѣтства Некрасова, наложившія свой особый отпечатокъ на всю его личность и не изгладившія до конца его жизни. Эти впечатлѣнія нашли себѣ яркое отображеніе въ его поэзіи. Среди произведеній, навѣянныхъ воспоминаніями о раннемъ дѣтствѣ, отмѣтимъ стихотворенія: „Родина“, „На волгѣ“, начало поэмы: „Несчастные“, отрывки изъ поэмы: „Мать“, отчасти „Рыцарь на часъ“. Вездѣ здѣсь передъ нами рисуется въ немногихъ, но смѣлыхъ стихахъ мрачн.я эпоха крѣпостного права, самодурство главы дома и печальный, вызывающій глубокое сожалѣніе образъ страдальцы-матери. Этотъ образъ неразрывно связанъ у поэта съ тяжелыми воспоминаніями дѣтства. На всю жизнь запечатлѣлся онъ въ душѣ, и, несомнѣнно, что многія изъ его произведеній, гдѣ идетъ рѣчь о горькой долѣ русской женщины, находятся въ тѣсной связи съ этими глубоко пережитыми еще въ раннемъ дѣтствѣ страданіями за безвинно мучившееся дорогое существо. Образъ матери въ его глазахъ рисуется въ какомъ-то чудномъ ореолѣ, „съ неземнымъ выраженіемъ въ очахъ, съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ“. Это тотъ свѣтлый гений-хранитель, который, подобно путеводной звѣздѣ, свѣтитъ поэту въ его жизни; предъ нимъ часто произноситъ онъ свою горькую исповѣдь, къ нему обращается съ мольбой спасти его отъ нравственнаго паденія и направить на правый путь. Тѣ мѣста поэзіи Некрасова, гдѣ онъ говоритъ о горячо любимой матери, отличаются глубоко искреннимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ и своею непосредственностью захватываютъ читателя. Никто изъ нашихъ поэтовъ не поставилъ такъ высоко образа матери-страдальцы, какъ Некрасовъ. Несмотря на ихъ чисто автобіографическій характеръ, стихотворенія этого отдѣла доставляютъ высоко-художественное наслажденіе, пробуждая въ душѣ читателя нѣжныя чувства любви и признательности.

Сюда-же, къ автобіографическимъ стихотвореніямъ, мы отнесемъ, чтобы не выдѣлять ихъ въ особый отдѣлъ, цѣлый рядъ мелкихъ лирическихъ произведеній любовнаго характера. Почему-то эти вещи обходятъ молчаніемъ, а между тѣмъ они представляютъ въ своемъ родѣ поэтическіе перлы, изобличающіе въ Некрасовѣ настоящаго поэта-лирика. Значеніе этихъ стихотвореній заключается въ ихъ полной искренности; видно, что они возникли подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства, являются результатомъ страстнаго лирическаго движенія, и это особенно нужно помнить тѣмъ, кто огульно обвиняетъ Некрасова въ дидактизмѣ, желая тѣмъ самымъ показать, что его произведенія представляютъ собою рифмованную прозу, а не поэтическія созданія. Таковы, напр., стихотворенія: „О, письма женщины намъ милой“, „Такъ это шутка“, „Гдѣ твое личенько смуглое“, „Застѣнчивость“, „Мы съ тобой безтолковые люди“, „Влюбленному“, „Буря“ и нѣкоторые другія.

Разсмотримъ хоть одно изъ нихъ,—„Такъ это шутка?“. Это стихотвореніе по искренности и правдивости тона, по простотѣ и силѣ языка близко стоитъ къ подобнымъ произведеніямъ Пушкина:

Такъ это шутка? Милая моя,
Какъ боязливъ, какъ недогадливъ я!

Я плакалъ надъ твоимъ разсчитанно суровымъ,
Короткимъ и сухимъ письмомъ;
Ни лаской дружеской, ни откровеннымъ словомъ
Ты сердце не порадовала въ немъ.

Короткое и сухое письмо возлюбленной вызываетъ цѣлую бурю въ душѣ поэта.

Я спрашивалъ: не демонъ-ли раздора
Твоей рукой насмѣшливо водить?.. и т. д.

Цѣлый рядъ предположеній промелькнулъ передъ нимъ.

Неразрѣшенной тайной
Я мучился; я плакалъ и страдалъ,
Въ догадкахъ умъ испуганный блуждалъ,
Я жалокъ былъ въ отчаяннѣ суровомъ.

Оказалось, все волненія были напрасны:

Всему конецъ! Своимъ единымъ словомъ
Душѣ моей ты возвратила вновь
И прежнй миръ и прежнюю любовь,
И сердце шлетъ тебѣ благословенья,
Какъ вѣстницѣ неожиданнаго спасенья.

Особенно красиво заключительное сравненіе стихотворенія:

Такъ няня въ лѣсъ ребенка заведетъ
И спрячется сама за кустъ высокій.
Встревоженный, онъ ищетъ и зоветъ
И мечется въ тоскѣ жестокой,
И падаетъ безсильный на траву...
А няня вдругъ, ау, ау!
Въ немъ радостью внезапно сердце бьется,
И онъ ужъ прыгаетъ, и весело бѣжитъ,
И падаетъ—и няню не бранить,
Но къ сердцу жметъ виновницу испуга,
Какъ отъ бѣды избавившаго друга.

Но гораздо болѣе имѣютъ значенія тѣ изъ стихотвореній этого отдѣла, въ которыхъ поэтъ выражаетъ свои грустныя думы о бесполезно прожитой жизни, о томъ, что ему не удалось осуществить своихъ завѣтныхъ мечтаній, что его жизнь представляетъ тяжкій разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Это настроеніе начало преслѣдовать Некрасова еще въ концѣ сороковыхъ годовъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе росло и усиливалось, временами доходя до высшей степени напряженія. Плодомъ его явилось множество какъ отдѣльныхъ небольшихъ стихотвореній,

такъ и лирическихъ отступленій въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Стихотворенія этого рода, кромѣ чисто автобіографическаго и художественнаго значенія, имѣютъ еще важное значеніе общественное.

Въ силу своей тонкой психической организаціи, а также извѣстнымъ образомъ сложившихся условій жизни, Некрасовъ въ своей поэзіи является яркимъ выразителемъ господствовавшихъ настроеній общественной мысли и чувства; это относится ко всѣмъ отдѣламъ его поэзіи, не исключая и произведеній, тѣсно связанныхъ съ его личною жизнью. И изъ этихъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣетъ сейчасъ отмѣченная группа. Въ ней нашло себѣ выраженіе пробужденіе „больной совѣсти“ интеллигентнаго русскаго человѣка, впервые проявившееся во всей силѣ въ сороковые годы и господствующее донинѣ, красною нитью проходя черезъ міровоззрѣніе многихъ лучшихъ представителей образованнаго меньшинства Россіи. Это, съ одной стороны, сознаніе своего долга передъ народомъ и обществомъ, отрицаніе прежнихъ обветшалыхъ укладовъ жизни во имя новыхъ, свѣтлыхъ идеаловъ личнаго и общественнаго существованія, а съ другой—горькое сознаніе собственнаго безсилія, неспособности къ этой „новой жизни“, которая такъ заманчиво влечетъ къ себѣ.

Произведенія этого рода открываются чуднымъ, на нашъ взглядъ, стихотвореніемъ, написаннымъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ: „Я за то глубоко презираю себя“.

Я за то глубоко презираю себя,
 Что живу день за днемъ, бесполезно губя;
 Что я силы своей не пытавъ ни на чемъ,
 Осудилъ самъ себя беспощаднымъ судомъ
 И, лѣниво твердя: я ничтоженъ и слабъ!
 Добровольно всю жизнь пресмыкался, какъ рабъ;
 Что доживши кой-какъ до тридцатой весны,
 Не скопиль я себѣ хоть богатой казны,
 Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
 Да и умникъ подчасъ позавидовать могъ!
 Я за то глубоко презираю себя,
 Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя
 Что любить я хочу... что люблю я весь міръ,
 А брожу дикаремъ, безпріютенъ ѣ сиръ,
 И что злоба во мнѣ и сильна и дика,
 А до дѣла дойдетъ—замираетъ рука.

Иногда, подъ вліяніемъ родной-ли безыскусственной природы, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ причинъ, человѣкъ страшиваетъ съ себя пошлость окружающей жизни, и

Сила юности, мужество, страсть
 И великое чувство свободы
 Наполняютъ ожившую грудь.

Но тутъ-же сейчасъ:

Вспоминается пройденный путь,
 Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ.

Горькая это пѣсня. Мучительно больно сознание собственнаго ничтожества и полнаго погруженія въ „тину нечистую“

Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.

Страстное желаніе отдать свои надломленные силы „за великое дѣло любви“ пробуждается тогда въ душѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнеть увѣренность, что еще есть возможность цѣною собственной жизни искупить прошлое. Но не долго продолжится этотъ могучій подъемъ духа, какъ будто знаменующій полное перерожденіе человѣка: стоитъ ему попасть въ прежнюю обстановку, какъ вновь господствуетъ убѣжденіе въ полномъ безсиліи на какое-либо благородное дѣло; внутренній голосъ насмѣшливо тянетъ свою пѣсню, столь хорошо знакомую среднему русскому интеллигенту:

✓ Покорись, о ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ!
Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ.
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла—вы мертвы давно:
Суждены вамъ благіе порывы,
Но совершить ничего не дано!

Эти заключительныя строки одного изъ лучшихъ произведеній Некрасова какъ нельзя больше характеризуютъ „рыцарей на часъ“, которыхъ въ огромномъ количествѣ можно встрѣтить въ русской литературѣ и жизни. Тяжелое сознание собственнаго безсилія, неспособности отдаться всецѣло на служеніе тому идеалу, къ которому стремишься всей душой,—было трагедіей жизни Некрасова,—да и одного-ли Некрасова,—и многія изъ лучшихъ, задушевиѣйшихъ его произведеній, несомнѣнно, написаны именно въ такіе моменты самобичеванія и тщетныхъ порывовъ къ свѣтлому идеалу. Если справедливо вообще изреченіе Ибсена:

Творить? то значить надъ собою
Нелицемерный судъ держать,

то оно какъ нельзя болѣе примѣнимо именно къ Некрасову.

Это сознание невозможности вступить въ активную борьбу за то, что считаешь святымъ и благороднымъ, особенно сильно выступаетъ у Некрасова въ послѣдніе годы его жизни и грустной нотой звучитъ въ цѣломъ рядѣ предсмертныхъ стихотвореній.

Во мнѣ нѣтъ силъ героя,—
Тотъ не герой, кто лавромъ не увить
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя,—
Я рядовой (теперь ужъ инвалидъ),

грустно признается онъ въ стихотвореніи: „Уныніе“, написанномъ за нѣсколько

лѣтъ до смерти. Тамъ-же, въ концѣ, мы находимъ слѣдующія трогательныя строки, идущія изъ глубины сердца поэта:

Народъ, народъ! Мнѣ не надо геройства
Служить тебѣ—плохой я гражданинъ,
Но жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!

Еще болѣе грусти замѣчается въ коротенькомъ стихотвореніи: „Поэту“:

Любовь и трудъ—подъ грудами развалинъ!
Куда ни глянь—предательство, вражда,
А ты молчишь—бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно сгораешь со стыда,
И небу шлешь упоръ за даръ счастливый:
Зачѣмъ тебя вѣнчало имъ оно,
Когда душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано?..

Проявившись съ особою силою въ послѣдніе годы жизни поэта, это гнетущее душу настроеніе сказывалось неоднократно и раньше и нашло себѣ выраженіе, напримѣръ, въ стихотвореніи: „Неизвѣстному другу“, написанномъ около половины шестидесятыхъ годовъ.

Умру я скоро! Жалкое наслѣдство,
О родина, оставлю я тебѣ,

такъ печально начинается это стихотвореніе. Глубокой грустью дышатъ въ немъ слѣдующія заключительныя строки:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣнъ емъ изумляющій народъ,
И бросить хотѣ единъ лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ;
Но жизнь любя, къ минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой:
И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона.
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ,
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови, общую съ народомъ,
Мои вины, о родина, прости!..

Едва-ли кто станет сомнѣваться въ искренности этихъ горячихъ изліяній наболѣвшей души поэта. Являясь цѣннымъ матеріаломъ для характеристики личности Некрасова, эти произведенія, повторяемъ, имѣютъ важное историческое и даже болѣе того, мы бы сказали, если не общечеловѣческое, то общерусское значеніе. Въ нихъ отразилась сокровенная работа пробудившейся совѣсти людей сороковыхъ годовъ. Эта работа продолжается и теперь, можно даже сказать, что она является характерной особенностью вообще русскаго человѣка, если только онъ, выражаясь словами Некрасова, не погрузился окончательно „въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей“. Съ этой стороны, отмѣченныя сейчасъ, въ общихъ чертахъ, такъ сказать, самообличительныя произведенія Некрасова имѣли захватывающее значеніе для современниковъ поэта и сохранили его въ значительной степени и для нашего времени, тѣмъ болѣе, что они, помимо своего содержанія привлекаютъ читателя своими чисто поэтическими достоинствами. Не даромъ „Рыцарь на часъ“ и нѣкоторыя другія однородныя произведенія оказываются до сихъ поръ любимѣйшими изъ стихотвореній Некрасова для многихъ читателей.

Выше шла рѣчь о тѣхъ изъ произведеній Некрасова, въ которыхъ онъ является выразителемъ настроеній людей сороковыхъ годовъ. Къ такимъ произведеніямъ относится также одна изъ лучшихъ поэмъ Некрасова: „Саша“, гдѣ передъ нами выступаетъ любопытный типъ, столь хорошо извѣстный русскому читателю изъ „Рудина“ Тургенева. Написанная раньше тургеневскаго „Рудина“ некрасовская „Саша“, въ лицѣ героя поэмы Агарина, первая отмѣтила многія существенныя черты рудинскаго типа. Въ лицѣ героини поэмы Некрасовъ тоже раньше Тургенева вывелъ стремящуюся къ свѣту натуру, нѣсколько напоминающую основными чертами своего характера Елену изъ „Наканунъ“. Блестящую характеристику людей рудинскаго типа въ немногихъ стихахъ даетъ Некрасовъ, до такой степени мѣткую, сжатую и сильную, что въ ней нечего ни добавить, ни уменьшить. Эти стихи, какъ нельзя лучше, опредѣляютъ Рудиныхъ. Вотъ какъ характеризуетъ его нашъ поэтъ:

✓ Странное племя, мудреное племя
 Въ нашемъ отечествѣ создало время!
 Это не бѣсъ, искуситель людской,
 Это, увы! современный герой!
 Книги читаетъ да по свѣту рыщетъ—
 Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,
 Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
 Освободило отъ малыхъ трудовъ,
 Благо итти по дорогѣ избитой
 Лѣнь помѣшала, да разумъ развитый.
 — „Нѣтъ, я души не растрочу своей
 На муравьиной работѣ людей;
 Или подъ бременемъ собственной силы
 Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,
 Или по свѣту звѣздой пролечу!
 Мнѣ,—говорить,—осчастливить хочу!“
 Что-жъ подъ руками, того онъ не любитъ,

То мимоходомъ безъ умыслу губить...
 Все, что высоко, разумно, свободно,
 Сердцу его и доступно и сродно,
 Только дающая силу и власть
 Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!
 Любить онъ сильно, сильнѣй ненавидитъ,
 А доведись—комара не обидитъ!
 Да говорятъ, что ему и любовь
 Голову больше волнуетъ, не кровь.
 Что ему книга послѣдняя скажетъ,
 То на душѣ его сверху и ляжетъ:
 Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
 Лишь-бы доказано было умно!
 Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
 Что вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ;
 Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,
 Только, навѣрное, сѣять пойдетъ.
 Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
 Что въ разговорахъ онъ время проводитъ...
 Если-жъ за дѣло возьмется—бѣда!
 Миръ виноватъ въ неудачѣ тогда!
 Чуть поослабнутъ нетвердыя крылья,
 Бѣдный кричитъ: „безполезны усилія!“
 И ужъ куда какъ становится золь
 Крылья свои опалившій орель...
 А... сѣетъ онъ все-таки доброе сѣмя!

Эта сжатая характеристика людей рудинскаго типа до того вѣрна и такъ обнаруживаетъ ихъ сущность, что она является необходимымъ дополненіемъ къ извѣстному роману Тургенева, главный герой котораго станетъ несравненно понятнѣе, если параллельно съ нимъ прочесть „Сашу“ Некрасова.

Но рефлексивные мотивы сороковыхъ годовъ далеко не исчерпываютъ содержания поэзіи Некрасова и не являются въ ней преобладающимъ элементомъ. Некрасовъ, примкнувши къ теченію 60-хъ годовъ, явился въ своей поэзіи выразителемъ господствовавшей струи этого теченія, тѣсно связаннаго съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, вытекавшаго отчасти изъ сознанія своего долга передъ народомъ, желанія помочь его тяжелому положенію. Еще съ конца сороковыхъ годовъ пробивается въ поэзіи Некрасова новое, свѣжее направленіе, которому суждено было потомъ разростись въ широкую картину народной жизни. Это направленіе поэзіи Некрасова открывается стихотвореніемъ: „Въ дорогѣ“, которое привело въ неописанный восторгъ Бѣлинскаго. Когда Некрасовъ прочелъ его нашему знаменитому критику, тотъ бросился къ нему, обнявъ и чуть не со слезами на глазахъ воскликнулъ: „да знаете-ли вы, что вы—поэтъ и поэтъ истинный!“ Съ этихъ поръ, по словамъ Панаева, Некрасовъ все болѣе и болѣе возвышался въ глазахъ Бѣлинскаго. Сущ-

ность стихотворенія „Въ дорогѣ“ заключается въ рѣчи ямщика, къ которому поэтъ обратился съ просьбой рассказать ему что-либо, чтобы разогнать какъ-нибудь скуку.

„Самому мнѣ невесело, баринъ“,—

отвѣчаетъ ямщикъ:

„Сокрушила злодѣйка—жена!“

И далѣе рассказываетъ о своемъ горѣ. Въ этой простой, безыскусственной рѣчи ямщика, удачно переданной Некрасовымъ, передъ нами встаетъ картина молодой разбитой женской жизни. Жена ямщика, по какому-то произволу барыни, была воспитана вмѣстѣ съ ея дочерью и затѣмъ, по такому-же капризу, отдана замужъ за ямщика. Мужъ ей попался добрый, любящій, который

Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
Уважалъ, то-исъ, вотъ какъ, съ охотой...
А, слышь, бить,—такъ почти не бивалъ,
Развѣ только подъ пьяную руку...

Тѣмъ не менѣе, Груня таетъ, какъ свѣча, не будучи въ состояннн приспособиться къ крестьянской жизни.

При чужихъ и туда сюда,
А украдкой реветъ какъ шальная...
На какой-то портретъ все глядить,
Да читаетъ какую то книжку...
Инда страхъ меня, слышь ты, щемить,
Что погубить она и сынишку:
Учить грамотѣ, мочетъ, стрижетъ,
Словно барченка, каждый день чешетъ,
Бить не бьетъ, бить и мнѣ не даетъ...
Да не долго пострѣла потѣшитъ!
Слышь, какъ щенка худа и блѣдна,
Ходить то-исъ совсѣмъ черезъ силу,
Въ день двухъ ложекъ не съѣстъ толокна—
Чай, свалимъ черезъ мѣсяць въ могилу...
А съ чего?...
Погубили ее господа,
А была-бы бабенка лихая!

замѣчаетъ печально ея мужъ. Вотъ эта первая драма изъ народной жизни, такъ просто переданная Некрасовымъ. Съ такимъ гуманнымъ, элегическимъ чувствомъ тогда еще никто не говорилъ о народѣ, и неудивительно, что великій русскій критикъ сразу угадалъ въ Некрасовѣ оригинальную поэтическую силу. Съ этого времени Некрасовъ все чаще и чаще обращается къ изображенію народной жизни, и съ половины 50-хъ годовъ, а особенно въ шестидесятыя, народъ и его жизнь становятся преобладающимъ элементомъ его поэзіи.

Произведения, посвященные изображенію народнаго быта, наиболѣе памятны читателямъ Некрасова; ими онъ стяжалъ себѣ славу „печальника горя народнаго“ и приобрѣлъ обширный кругъ читателей; стихотворенія этого рода есть главная, существенная часть его поэзіи; для многихъ Некрасовъ памятенъ только, какъ поэтъ изобразитель народной жизни. Поэтому слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ отдѣлѣ его стихотвореній и опредѣлить, какаѣ стороны быта народа привлекала вниманіе поэта и какъ онъ относился къ различнымъ явленіямъ его жизни. Произведения Некрасова, съ той или другой стороны затрагивающія народную жизнь, охватываютъ собою почти цѣлое тридцатилѣтіе, первая половина котораго относится еще къ эпохѣ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, въ его поэзіи мы находимъ, съ одной стороны, дореформенное крѣстьянство, и съ другой—изображеніе народнаго быта послѣ великаго акта 19-го февраля 1861 г.

Остановимся сначала на тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ изображается народъ въ крѣпостномъ состояніи. Сюда относится уже отмѣченное выше „Въ дорогѣ“, затѣмъ такіа стихотворенія, какъ „Тройка“, „Изъ путевыхъ записокъ гр. Гаранскаго“, „Ночь“, „Размысленія у параднаго подъѣзда“, „Забытая деревня“ и нѣк. др.

Въ нихъ Некрасовъ одинъ изъ первыхъ затронулъ такіе вопросы, какиихъ до того времени не замѣчали или боялись касаться. Ему, вмѣстѣ съ Тургеневымъ („Записки охотника“) и Григоровичемъ, принадлежитъ великая заслуга ознакомленія общества съ жизнью русскаго крѣстьянина, главнымъ образомъ, съ темными сторонами этой жизни, развившимися на почвѣ крѣпостнаго права. Мрачная эта картина, нарисованная поэтомъ. Вотъ молодая крѣстьянская дѣвушка, невольнo привлечшая вниманіе своей красотой, живостью, полная силы и свѣжести. Кажется, природа все ей дала, чтобы жизнь была полна и легка.

Да не то тебѣ пало на долю,

грустно замѣчаетъ поэтъ,

За неяху пойдешь мужика.
Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ,
И свекровь въ три погібели гнуть...
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни, появится вдругъ
Выраженье туного терпѣнья
И безмысленный, вѣчный испугъ.
И схоронять въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Но не въ лучшемъ положеніи и мужчина, весь принадлежащій произволу своего барина или въ конецъ уничтожаемый роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ, какъ это, напримѣръ, ясно видно изъ стихотворенія: „Вино“. Парня, безъ всякой съ его стороны

вины, подвергъ тѣлесному наказанію баринъ. Это столь обычное въ старину явленіе вызываетъ однако у него въ душѣ цѣлую бурю негодованія:

Какъ подумаю, весь задрожу,
На душѣ все чернѣй да чернѣй.
Какъ теперь на людей погляжу?
Какъ прійду къ ненаглядной моей?

Кстати подвернувшійся штофъ вина залилъ бурный порывъ протеста. За этимъ несчастьемъ на голову бѣднаго парня сыплются другія: его невѣсту выдаютъ силою за немилого, который сумѣлъ расположить къ себѣ старосту; тамъ его обсчитываетъ плутъ-подрячикъ. Эти незаслуженныя обиды вновь пробуждаютъ въ душѣ парня страшное негодованіе, онъ уже близокъ къ преступленію, но и на этотъ разъ вино спасаетъ его. Неудивительно, что онъ такъ рѣшительно высказываетъ одобреніе вину, въ которомъ русскій человѣкъ издревле находить спасеніе отъ „горя-злосчастья“:

Не водись-ка на свѣтѣ вина,
Тошень былъ-бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй—силень сатана—
Натворилъ-бы я бѣды!

Но далеко не все способны на какой-бы то ни было протестъ, хотя-бы даже въ словесной формѣ. Вотъ передъ нами картина несбывшихся надеждъ, разбитыхъ жизнью, полная скорби и смиреннаго терпѣнія. Это—„забытая деревня“. Баринъ забылъ своихъ крѣпостныхъ, о немъ ни слуху, ни духу, а между тѣмъ у каждаго есть своя нужда, свое горе, которыхъ никто, кромѣ барина, не можетъ разрѣшить. Крестьяне ждутъ—не дождутся помѣщика, чтобы воротить присвоенный сосѣдомъ кусокъ земли; бабушкѣ Ненилѣ нужно лѣсу для починки полуразвалившейся избенки; Наташа не можетъ безъ разрѣшенія барина выйти замужъ за любимаго вольнаго хлѣбопашца,—у всякаго своя нужда, свое горе. Но всемъ этимъ надеждамъ не суждено исполниться.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда-плута урожаи сторицей;
Презжіе парнишки стали бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужъ не бредить...
Барина все нѣту, баринъ все не ѣдетъ!
Наконецъ, однажды среди дороги
Шестернею дугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ, а за гробомъ—новый.
Старого отиѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету и уѣхалъ въ Питерь,

а неотложныя нужды крестьянъ такъ и остались неудовлетворенными.

Гдѣ искать бѣдному, обездоленному крѣпостному крестьянину, притѣсняемому всѣми, кто только захочетъ, управы на своихъ обидчиковъ, гдѣ найти отвѣтъ на свои нужды? Гдѣ-то есть, говорятъ, столица, тамъ ужъ разберутъ. И вотъ отправляются крестьяне туда. Длинная дорога окончена, вотъ они уже у желанной цѣли, вотъ сейчасъ они увидятъ того, кто дастъ имъ отвѣтъ на всѣ такъ важные для нихъ вопросы.

Показался швейцарь.—„Допусти!“ говорятъ
 Съ выраженьемъ надежды и муки.
 Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
 Загорѣлыя лица и руки,
 Армячишка худой на плечахъ,
 По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
 Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
 Въ самодѣльные лапти обутыхъ.
 (Знать, брели-то долгою они
 Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
 Кто-то крикнулъ швейцарю: „гони!
 Нашъ не любить оборванной черни!“
 И захлопнулась дверь. Постоявъ,
 Развязали кошли пилигримы,

Но швейцарь не пустил, скудной лепты не взявъ,
 И пошли они, солнцемъ палимы
 Повторая: суди его Богъ!
 Разводя безнадежно руками.

И тутъ не нашелъ бѣдный крестьянинъ отвѣта и, пропивши послѣдніе гроши, поидеть собираясь дорогой, на родину, въ грустной, подобной стону пѣснѣ выливая свое горе.

Назови мнѣ такую обитель,—

воскликаетъ поэтъ,—

Я такого угла не видалъ,
 Гдѣ-бы сѣятель твой и хранитель,
 Гдѣ-бы русскій мужикъ не стоналъ?...
 Волга! Волга! весной многоводной
 Ты не такъ заливаешь поля,
 Какъ великою скорбью народной
 Переполнилась наша земля!
 Гдѣ народъ, тамъ и стонъ...

Эти заключительныя строки „Размысленій у параднаго подъѣзда“ содержатъ въ себѣ общій взглядъ Некрасова на народную долю въ эпоху крѣпостного права. „Гдѣ народъ—тамъ и стонъ“—вотъ сущность этого взгляда. По мнѣнію поэта, преобладающей чертой народной жизни подъ властью помѣщиковъ было именно страданіе.

Изъ бѣлаго обзора жизни Некрасова мы уже знаемъ, почему именно эта сторона народнаго быта останавливала на себѣ его вниманіе: человѣческое горе, страданіе, въ силу извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ жизни, наиболѣе были понятны Некрасову; ему, какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, „всюду мерещится драма“. Потому-то ни въ одномъ изъ произведеній Некрасова мы не находимъ исключительно свѣтлыхъ картинъ народнаго быта; поэтъ точно не видитъ ихъ вовсе. За эту односторонность изображенія народной жизни, такъ сказать, чрезмѣрное сгущеніе мрачныхъ красокъ не разъ посылались упреки Некрасову. „Неужели-же, говорили, нашъ народъ хотя-бы даже и въ эпоху крѣпостнаго права, только страдалъ, неужели нельзя было выбрать хоть одной свѣтлой картины изъ его жизни?“ Поэта обвиняли въ желчности, въ томъ, что онъ умышленно искажаетъ истину. Все эти упреки падаютъ сами собою, если припомнить сказанное раньше о томъ, какъ формировалось мировоззрѣніе Некрасова. Поэтъ невиноватъ, если волею судебъ жизнь повернулась къ нему только одною своею стороною; другое дѣло, какъ онъ изображалъ эту сторону, какъ самъ относился къ описываемымъ явленіямъ. Во всякомъ случаѣ, если даже въ цѣломъ дореформенная народная жизнь изображена Некрасовымъ нѣсколько односторонне, все-же въ ней выдвинута одна изъ яркихъ, характерныхъ ея сторонъ, если и замѣчается, выражаясь литературнымъ терминомъ, идеализація, то эта идеализація не фальшивая, не ложная. Но поэтъ почти въ каждомъ изъ произведеній, касающихся народнаго быта, такъ или иначе, путемъ ли выбора поэтическаго образа и группировки подробностей, или лирическимъ отступленіемъ, вездѣ выражаетъ такое сочувствіе народу, такое страстное негодованіе по отношенію къ его притѣснителямъ, что даже современный намъ читатель, который уже далеко отстоитъ отъ эпохи крѣпостнаго права и нарисованныхъ поэтомъ мрачныхъ картинъ, невольно проникается его настроеніемъ.

Легко понять, какъ дѣйствовали эти стихотворенія на лучшую часть современнаго Некрасову дореформеннаго общества. Они будили ставшую въ то время чуткой общественную совѣсть, вызывали жалость и сочувствіе къ безправному люду, побуждали искать выхода изъ того ненормальнаго положенія, въ которомъ находился русскій народъ. Короче говоря, эти стихотворенія подготовляли читателей Некрасова къ великому акту 19-го февраля, къ тому страстному движенію русскаго общества, которое, будучи результатомъ признанія своего вѣковаго долга передъ народомъ, проявилось въ самыхъ разнообразныхъ, иногда даже уродливыхъ формахъ, но которое имѣло одну цѣль—возможно скорѣе помочь крестьянину выйти изъ его тягостнаго во многихъ отношеніяхъ положенія.

Некрасовъ, не мало способствовавшій разсмотрѣннымъ сейчасъ отдѣломъ своей поэзіи движенію въ пользу народа въ нашемъ обществѣ въ 50-е и 60-е годы, по своимъ взглядамъ на народную жизнь и его будущее вполне примыкалъ къ этому движенію. Рисуя въ мрачныхъ, пессимистическихъ краскахъ безотрадную картину народнаго горя, поражая читателя ужасомъ и негодованіемъ, онъ все-же, въ концѣ концовъ, оставляетъ въ немъ, несомнѣнно, бодрящее впечатлѣніе. Говори словами одного критика, Некрасовъ не пасуетъ передъ печальной дѣйствительностью, не склоняетъ передъ ней покорно голову, но смѣло вступаетъ въ бой съ темными силами и увѣренъ въ побѣдѣ. Эта увѣренность вытекаетъ изъ глубокаго убѣжденія въ свѣтломъ будущемъ, котораго, наконецъ добьется достойный его русскій народъ.

Эта вѣра въ неизсякаемый родникъ народныхъ силъ, въ его лучшее будущее проглядываетъ во многихъ произведеніяхъ Некрасова. Извѣстное, на примѣръ, стихотвореніе: „Школьникъ“, помѣщаемое чуть не во всѣхъ хрестоматіяхъ, заканчивается слѣдующими восторженными стихами:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводить изъ народа
Столько славныхъ, то и знай.

Въ поэмѣ: „Несчастные“ есть также мѣсто, ясно свидѣтельствующее о глубокой вѣрѣ поэта въ народныя силы.

Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ, въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины—
Черна—куда не погляди,
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея порогъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ;
Такъ подъ корою Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ.

Таковъ былъ взглядъ Некрасова на жизнь народа и его будущее до эпохи освобожденія.

Но вотъ пришло 19 февраля 1861 года. Радостное событіе уничтоженія крѣпостного права Некрасовъ привѣтствовалъ стихотвореніемъ: „Свобода“, въ которомъ на ряду съ горячей радостью по поводу того, что уже въ Россіи нѣтъ больше рабовъ, высказываетъ и грустныя мысли о томъ, что все-же народу придется еще не мало перенести.

Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ:
Знаю, на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.

Но поэтъ ободряетъ мысль, что теперь ихъ легче распутать народу. Такимъ образомъ, Некрасовъ не принадлежалъ къ тѣмъ оптимистамъ-мечтателямъ, которые думали, что съ освобожденіемъ народъ сразу начнетъ благоденствовать. Онъ отлично понималъ, что освобожденіе есть только первый шагъ къ народному счастью, и что

пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ народная жизнь приметъ, наконецъ, вполне благоприятное для самаго народа теченіе. Онъ попрежнему остается пѣвцомъ народного горя, попрежнему бичуетъ тѣхъ, кто, называя забавою шелкоперовъ народное благо, съ презрѣніемъ относится къ народу, считая его погруженнымъ въ невѣжество и недостойнымъ лучшей доли.

Пускай намъ говорить измѣнчивая мода,
 Что тема старая страданія народа,
 И что поэзія забыть ее должна,—
 Не вѣрьте, юноши, не старѣетъ она!...
 Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
 Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,
 Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра—
 Чему достойнѣе служить могла бы лира?...
 Я лиру посвятилъ народу своему;
 Быть можетъ, я умру, невѣдомой ему,
 Но я ему служилъ,—и я умру спокоенъ...
 Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ рабовъ!
 И слезы сладкія пролилъ я въ умиленіи...
 „Довольно ликовать въ навивномъ увлеченіи“,
 Шеннула муза мнѣ: „пора итти впередъ—
 Народъ освободятъ, но счастливъ-ли народъ“?!...

Отвѣтомъ на этотъ послѣдній вопросъ служить цѣлый рядъ произведеній Некрасова, написанныхъ имъ послѣ 1861-го года и посвященныхъ изображенію жизни уже свободнаго народа. Сюда относятся такія произведенія какъ: „Желѣзная дорога“, „Орина мать солдатская“, „Въ полномъ разгарѣ страда деревенская“, „Морозъ—красный носъ“, „Коробейники“ и, наконецъ, кромѣ мелкихъ стихотвореній, обширная поэма, около 5000 стиховъ, подъ названіемъ: „Кому на Руси жить хорошо“. Всѣ эти произведенія всесторонне изображаютъ жизнь русскаго народа послѣ освобожденія; особенно это можно сказать о поэмѣ: „Кому на Руси жить хорошо“, представляющей цѣлой эпопеей изъ народной жизни, охватывающей самыя разнообразныя стороны его быта. Подробное разсмотрѣніе одной этой поэмы потребовало-бы отдѣльной статьи; то-же самое нужно сказать и объ остальныхъ произведеніяхъ этого отдѣла. Не принимаясь даже за краткій разборъ ихъ, ограничимся общимъ замѣчаніемъ о томъ, какое настроеніе оставляютъ они у читателя. Настроеніе это то-же самое, какое вызываютъ произведенія, посвященные изображенію дореформенной народной жизни. Съ одной стороны, это грустныя думы о томъ, что, дѣйствительно, „вмѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“, что народъ, если и въ меньшей степени, то все же страдаетъ, а съ другой,—та-же, что и прежде, глубокая вѣра въ народныя силы, въ славное будущее, котораго добьется, наконецъ, этотъ горемычный народъ „и широкую, свѣтлую грудь дорогу проложить себѣ“. Эта увѣренность, не покидавшая Некрасова во всю его жизнь, имѣетъ огромное значеніе для его читателей, у которыхъ, въ концѣ концовъ, несмотря на мрачныя картины, нарисованныя поэтомъ, въ дѣлѣ все же остается бодрѣющее чувство, вѣра въ русскаго человѣка и его силы.

Ты и убогая,
 Ты и обильная,
 Ты и могучая,
 Ты и бессильная,
 Матушка—Русь!
 Русь не шелохнется,
 Русь—какъ убитая!
 А загорѣлася въ ней
 Искра сокрытая—
 Рать подымается
 Невсчлимая,
 Сила въ ней скажется
 Несокрушимая!

хочется воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ послѣ чтенія стихотвореній этого отдѣла.

Мы окончили разсмотрѣнїе, въ общихъ чертахъ, тѣхъ произведеній Некрасова, гдѣ онъ является изобразителемъ народной жизни. Эта сторона его поэзіи, гдѣ съ небывалою дотолею мощью воспѣта тяжкая доля русскаго крестьянина наиболѣе извѣстна читателямъ Некрасова; она на долгое время сохранить еще обаянїе современности, и не одно поколѣнїе русскаго общества будетъ черпать въ поэзіи Некрасова горячую любовь къ родному народу. Не замолкнуть еще долгое время эти аккорды некрасовской музыки „мести и печали“:

Пѣснь твоей, о страданій пѣвецъ,
 Будетъ не скоро желанный конецъ:
 Тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается,
 Тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается,

какъ было весьма удачно сказано о долговѣчности этой стороны некрасовской поэзіи въ одномъ изъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти.

Но не только народное горе было предметомъ поэзіи Некрасова. О. М. Достоевскій, лично знавшій покойнаго поэта, въ надгробной рѣчи сказалъ, между прочимъ, что „это было раненое сердце разъ на всю жизнь, и не закрывавшаяся рана эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной до мученія любви ко всему, что страдаетъ отъ насилія, отъ жестокости необузданной воли“. Дѣйствительно обращаясь къ поэзіи Некрасова, мы находимъ въ ней цѣлый рядъ произведеній, изображающихъ страданія русскаго челоѣка на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественнаго положенія. Основной тонъ его музыки, „печальной спутницы печальныхъ бѣднѣковъ, рожденныхъ для труда, страданія и оковъ“, болѣе всего замѣтенъ въ произведеніяхъ, посвященныхъ изображенію народной жизни; но онъ ярко выдвигается и въ цѣломъ рядѣ другихъ стихотвореній, сюжетомъ которыхъ служить городская жизнь, вообще очень широко захваченная Некрасовымъ. И тутъ, какъ въ судьбѣ русскаго простолюдина, вниманіе Некрасова привлекаютъ преимущественно тяжелыя картины челоѣческаго страданія. Всюду, что-бы ни увидѣлъ поэтъ, ему „мерещится драма“. Вотъ „труженикъ мужъ блѣднолицый“ („Маша“), сидящій до разсвѣта надъ тяжелымъ непосильнымъ трудомъ, чтобы хоть что-нибудь заработать

честнымъ путемъ на обновку горячо любимой женѣ. Можно было бы другимъ способомъ добыть денегъ и избавиться отъ упрековъ жены въ бѣдности—подъ рукою казенный сундукъ,—

Но испорченъ онъ былъ съ малолѣтства
Изученьемъ опасныхъ наукъ.
Человѣкъ онъ былъ новой породы:
Исключительно честь понималъ
И безгрѣшныя даже доходы
Называлъ воровствомъ, либераль.

И выбивается изъ силъ честный труженикъ,—

И кипитъ—поспѣваетъ работа,
И болить надрывается грудь...

И скоро, скоро его уложить жена въ убогій гробъ, проклиная свой сиротскій удѣлъ.

А вотъ и другой, такъ же честно сперва работавшій, отказывавшійся отъ взятокъ и казнокрадства. Но не по нутру пришлась другимъ его честность—„подвели и упекли“. Всѣ отвернулись отъ него, даже прославившійся повсюду своею любовью къ правдѣ, народу и просвѣщенію генераль не понялъ этого изстрадавшагося человѣка и велѣлъ вывести его вонъ, предполагая въ его безсвязной, прерываемой рыданіями рѣчи бредъ пьянаго человѣка. Что оставалось дѣлать этому несчастному, измученному борьбою за существованіе свое и семьи, видѣвшему вокругъ себя только неправду, долгое время сносившему несправедливыя оскорбленія? Дорога осталась одна, широкій путь многихъ обездоленныхъ русскихъ людей, къ „зданію питейному“, въ кабакъ, къ вину, чтобы имъ залить тяжелое чувство незаслуженной обиды, чтобы въ немъ утопить свое горе („Филантропъ“).

И въ такомъ родѣ передъ нами въ поэзіи Некрасова проходятъ цѣлый рядъ страдальцевъ и страдалицъ изъ разныхъ классовъ городского общества, часто подъ влияніемъ безвыходной нужды и нравственнаго униженія ступившихъ на скользкую дорогу порока и подъ часъ вовсе потерявшихъ человѣческой образъ. Но Некрасовъ умѣетъ въ этихъ обездоленныхъ людяхъ открыть „душу живую“ и вызвать у читателя чувство состраданія и участія.

На ряду съ этими „униженными и оскорбленными“ всѣхъ сословій и положеній некрасовская муза даетъ намъ множество другого рода образовъ, прямо противоположныхъ этимъ послѣднимъ, кому говоря его словами, „мила дорога стяжанья, кто ей вѣренъ былъ и въ жизни ни однажды Бога въ пустой груди не ощутилъ“. Мы уже знаемъ, какое настроеніе должны были вызвать въ нашемъ поэтѣ этого рода образы. Еще никто изъ русскихъ писателей не выражалъ такого горячаго негодованія къ угнетателямъ меньшого брата, какъ Некрасовъ. Его обличительныя сатирическія стихотворенія поражаютъ своею необыкновенной силой возмущеннаго чувства. Такія произведенія, какъ „Размышленія у параднаго подѣзда“, отдѣльныя мѣста изъ „Балета“, „Современниковъ“ и другихъ сатирическихъ стихотвореній, достойны быть поставлены, по силѣ негодующаго чувства, на ряду съ лучшими образцами этого рода первоклассныхъ поэтовъ. Тѣмъ не менѣе, эти произведенія въ

наше время не возбуждаютъ къ себѣ особеннаго интереса. такъ какъ были направлены противъ отдѣльныхъ лицъ, теперь большинству читателей вовсе неизвѣстныхъ.

Такимъ образомъ, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Некрасовъ является въ полномъ смыслѣ слова поэтомъ-гражданиномъ, болѣющимъ за свою родину, идущимъ на помощь страдальцамъ, кто бы они ни были, обличающимъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе давилъ слабыхъ и обиженныхъ.

Безъ отвращенія, безъ боязни,
имѣеть право сказать о себѣ Некрасовъ,

Я шелъ въ тюрьму, и къ мѣсту казни,
Въ суды, въ больницы я входилъ...
Клянусь, я честно ненавидѣлъ,
Клянусь я искренно любилъ!

Остается теперь подвести итогъ сказанному, выяснить общее историко-литературное значеніе поэзіи Некрасова.

Послѣ предложеннаго здѣсь краткаго обзора его жизни и поэтической дѣятельности сами собою, кажется, падаютъ обвиненія Некрасова, съ одной стороны, въ неискренности, а съ другой—въ однообразіи, монотонности его поэзіи. Въ общемъ, у Некрасова мы замѣчаемъ, какъ это было указано, самое разнообразное содержаніе, и тѣ, кто говоритъ, будто Некрасовъ только сатирикъ, или будто въ его поэзіи нельзя найти ничего, кромѣ однообразныхъ картинъ изъ народной жизни, очевидно, не знаютъ всего Некрасова. Онъ по преимуществу поэтъ-лирикъ, съ необычайно чуткою и отзывчивою душою, который въ большинствѣ случаевъ, писалъ вполне безхитростно, повинуваясь лишь своей творческой фантазіи или накопившему чувству. Эта поэтическая отзывчивость, съ одной стороны, и съ другой—извѣстнымъ образомъ сложившіяся жизненныя условія сдѣлали то, что въ поэзіи Некрасова отразилась русская жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, отъ великосвѣтскихъ салоновъ до чердака труженика, интеллигентнаго пролетарія, отъ барской усадьбы до избышки Орины — матери солдатской. При такомъ разнородномъ содержаніи своихъ произведеній Некрасовъ является однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые отражаютъ въ своемъ творествѣ думы цѣлаго поколѣнія своей родной земли. Въ этомъ заключается причина извѣстности Некрасова въ массѣ грамотнаго люда, чуждаго какихъ-бы то ни было партийныхъ увлеченій. Но при всемъ разнообразіи поэзіи Некрасова, мы уже знаемъ, у него были свои излюбленные мотивы, къ которымъ онъ чаще всего обращался. Это—народная жизнь съ ея тяжелой, неприглядной стороны и вообще, человѣческое страданіе. Эта сторона поэзіи Некрасова имѣла и имѣеть очень важное значеніе для русскаго общества. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ, показавшихъ ему, какъ живутъ меньшіе его члены и въ страстныхъ обличеніяхъ посылалъ укоры тѣмъ, кто не хочетъ подать имъ руки помощи, вырвать ихъ изъ грязи и поставить на ступень, предназначенную человѣку. Мрачна картина, рисуемая Некрасовымъ, но не уныніе навѣваетъ она; читателя охватываетъ горячая любовь поэта къ человѣку, его вѣра въ лучшее будущее. его твердое убѣжденіе въ томъ, что жизнь должна быть и *будетъ* лучше. Въ этомъ указываніи обществу его извѣсть, въ этомъ бодрящемъ чувствѣ, которое оставляетъ въ читателѣ поэзія Некрасова, и заключается ея глубокое значеніе въ русской литературѣ.

Есть у Некрасова въ поэмѣ: „Кому на Руси жить хорошо“ очень сильная по своему настроенію пѣсня ангела. Вотъ эта пѣсня:

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути:
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую—
Какимъ итти.
Одна—просторная,
Дорога торная
Страстей раба;
По ней громадная,
Къ соблазну жадная
Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли высренней
Тамъ мысль смѣшная:
Кипитъ тамъ вѣчная
Безчеловѣчная
Вражда—война.
За блага бранныя
Тамъ души плѣнныя

Полны грѣха;
На видъ блестящая,
Тамъ жизнь мертвящая
Къ добру глуха.

**

Другая—тѣсная
Дорога честная.
По ней идутъ
Лишь души сильныя,
Любвеобильныя
На бой и трудъ
За угнетеннаго, за обойденнаго.
Умножь ихъ кругъ,
Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
И будь имъ другъ.
Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!

Некрасовъ всю свою жизнь стремился итти по этой „тѣсной дорогѣ“, „на бой и трудъ за угнетеннаго, за обойденнаго“. Туда-же, „гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слышится“, зоветъ онъ и своихъ читателей, и въ этомъ непреходящемъ значеніи его поэзіи, хотя и не стоящей въ художественномъ отношеніи такъ высоко, какъ созданія первоклассныхъ талантовъ.

И долго еще не забудутся и будутъ „ударять въ сердца съ невѣдомою силой“ аккорды „музы мести и печали“, и оправдается надежда Некрасова, выраженная имъ въ *последнемъ* предсмертномъ стихотвореніи, гдѣ онъ обращается съ такими словами къ своей музѣ:

О муза! я у двери гроба!
Пускай, я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба,—
Не плачь! Завидень жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межь мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!

КАМЫШКОВСКАЯ
УЧЕБНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Co. ground

